

Восточный архив

№ 2 (50), 2024

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139

E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2024

© Институт востоковедения РАН, 2024

Подписано в печать 25.09.2024

Объем 12,0 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544. Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (50), 2024

Слово редактора	3
Курникова О.М. Производственные отрасли эялета Кефе: промыслы, ремёсла и их налогообложение	4
Болдырев А.В. Деятельность Русского общества пароходства и торговли в воспоминаниях и оценках современников	10
Гоков О.А. Музеум Кавказского отдела Императорского Русского географического общества	17
Беляков В.В. Эфиопы в Иерусалиме	25
Хренков А.В. Л.Г. Корнилов в Афганистане	30
Шмидт В. Переселение российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке	34
Кадырбаев А.Ш. Роль держав Антанты в решении армянского вопроса	43
Куланов А.Е., Молодяков В.З. «Японский фашизм»: к истории создания идеологемы	49
Богданов В.И. Каталог выставки И.Я. Билибина в Александрии (1924–1925)	56
Тихонов Ю.Н. Мятеж пуштунских племён в Хосте и переброска советских боевых самолётов в Афганистан в 1924–1925 гг.	70
Алимджанов Б.А. «Характер джадидского движения в Туркестане до сих пор остаётся вполне невыясненным». Рецензия П.П. Иванова на диссертацию З.Ш. Раджабова	83
Бухерт В.Г. И.А. Голубцов о русско-китайской границе	86
Прожогина С.В. И снова о переключке эпох и поэтов	90
Наши авторы	96

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» – юбилейный. Журнал выходит уже в 50-й раз. Не одна сотня статей опубликована в нём. В основном – сотрудниками нашего Института востоковедения РАН. Но и других авторов тоже предостаточно. Немало статей принадлежит вовсе не россиянам. Так, в этом номере опубликованы работы О.А. Гокова (Харьков, Украина), В. Шмидта (Регенсбург, Германия) и Б.А. Алимджанова (Ташкент, Узбекистан). И если перечислить все страны, откуда в журнал поступали статьи, то наберется их минимум два десятка, а то и больше. Это ясно показывает: «Восточный архив» нужен, он привлекает внимание учёных различных государств.

Ну, а теперь о нынешнем номере. Открывает его статья О.И. Курниковой о средневековом Крыме. Три века – с 1475 до 1774 года – он входил в состав Османской империи. Автор знакомит нас с промыслами и ремёслами эялета Кефе (так назывался Крым при турках), приводит турецкую систему налогообложения. Статья основана главным образом на рассказах тех, кто побывал в этот период на полуострове. Были это в основном турки.

Русскому обществу паромства и торговли посвятил статью А.В. Болдырев. После Крымской войны 1853–1856 годов резко возрос интерес русского общества к проблемам, связанным с экономическим развитием Черноморского региона. В первую очередь – с местом России в системе внешнеэкономических связей в Чёрном море и на Ближнем Востоке. Связано это было, прежде всего, с блокадой англо-французским флотом черноморского побережья России. После войны была создана собственная паромная компания, причём в основном за государственный счёт.

Эфиопы, или, как их раньше чаще называли, абиссинцы, в массе своей христиане. Они придерживаются той же конфессии, что и часть египтян, и до 1959 года подчинялись Александрийскому коптскому патриарху. В 1874–1876 годах Египет, расширявший контролируемую им территорию, попытался захватить Абиссинию. Но ему это не удалось. Тем не менее отношение египтян к абиссинцам в начале прошлого века было высокомерным, в том числе и в Иерусалиме, о чём рассказывается в моей статье.

В.И. Богданов публикует каталог выставки И.Я. Билибина в Александрии в 1924–1925 годах. Он составлен из трёх частей: (1) собственно Каталог (перечень работ художника), (2) текстовая часть из трёх статей о Билибине и (3) художественная, состоящая из заставок и концовок к статьям, иллюстраций в тексте и фотографий. Все фотографии и иллюстрации исполнены художественным ателье Пьера Расина в Александрии. Об этой выставке упоминается в моей книге «И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925» (М., 2009). Но каталог публикуется впервые.

Когда я сегодня слышу разговоры о том, что востоковедение – это наука, пишет Н.В. Прожогина, в основном занимающаяся сферой истории стран Востока, рукописями, археологией, архивами, т.е. ориенталистика – это только о прошлом, то, как всегда, прибегаю к мудрости древних мыслителей: традиция – это не пепел, но факел. Автор рассказывает о поэтическом творчестве двух тунисцев – Мохамеда Азиза и Тахара Бекри.

На этом всё. Вновь поздравляю читателей с юбилейным номером и желаю всем крепкого здоровья!

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-4-9

О.М. Курникова

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТРАСЛИ ЭЯЛЕТА КЕФЕ: ПРОМЫСЛЫ, РЕМЁСЛА И ИХ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

В османский период истории Крыма (1475–1774 гг.) провинция Кефе¹ являлась достаточно автономной единицей в общей структуре Османской империи. Сложившиеся прочные торгово-экономические связи с различными регионами и странами Востока и Запада, географическое положение края, народы, населявшие ранее эти земли, международные торговые пути, проходящие здесь столетиями, в значительной степени способствовали формированию и быстрому подъёму хозяйственной деятельности османского Крыма.

Необходимо отметить, что в Крыму османы не вносили радикальных изменений в географическое деление и территориальную структуру новообразованной провинции Кефе. Применяя в немалой степени сложившуюся административную, экономическую структуру своих предшественников генуэзцев, османы обустривались на новом месте. Городские поселения благоустривались, не уничтожая уцелевшие сооружения, возводились новые постройки, наполняя восточным колоритом крымские земли.

Получив в своё подчинение земли с уже хорошо развитым сельским хозяйством, османы продолжили умело использовать природные богатства и ресурсы региона, активно развивая сельское хозяйство в разных его отраслях, таких, как животноводство – скотоводство, птицеводство, пчеловодство; земледелие, растениеводство – овощеводство, садоводство, виноградарство.

Сложившиеся у предшественников многие сферы экономической деятельности региона также были в большей степени сохранены, в некоторой мере переработаны под себя и активно использовались на протяжении следующих трёх столетий, когда Крымский полуостров входил в состав Османской империи, принося большие доходы от торго-

во-таможенных операций, обеспечивая продовольствием и множеством промышленных товаров, которыми был богат Крым, метрополию и страны Европы.

Особое внимание уделялось использованию и развитию промыслов и ремёсел: рыболовство, добыча соли, кила, леса, ткачество, кожевенное дело и другие, что, в свою очередь, способствовало ещё большему экономическому росту эялета.

Благодаря близости моря и обилию рек и водоёмов рыболовство являлось одним из важных промыслов в регионе. Рыба, икра и морепродукты были среди главных продуктов в торговле провинции Кефе, входили в основные экспортные товары из крымского региона и приносили немалую часть дохода в казну.

В большей степени данный промысел практиковался в Балаклаве, Кефе, Керчи, Ени Кале, Тамани и Азове.

Например, само название города Балыклава² говорит, что регион отличался многообразием видов рыб и их обилием. «В этом заливе круглый год ловят рыбу, счёт которой знает лишь Господь. Поэтому город называют Балыклава³. Всё его население занимается рыболовством и морским делом»⁴. «Ямбольд, или по-гречески Ямболь, турки назвали Балахея, то есть рыбий город, от того что в этом месте море изобилует рыбою»⁵.

Среди всех пород рыб, добываемых в Чёрном море и реках Крымского полуострова, более других ценился осётр: *мерсин*, *морина* и *туги*.

В османской налоговой системе выделялось несколько видов этой рыбы в зависимости от её сортировки по виду, размеру и наличию икры. После извлечения икры её отдельно готовили большей частью для отправки на экспорт. Рыбу же потом разделяли, продавали целиком или частями, суши-

ли, солили, добывали жир и клей. Примерная стоимость одного осётра составляла двадцать акче⁶.

Говоря о налогообложении в провинции Кефе, мы черпаем информацию из османских дефтеров XVI века⁷.

Таким образом, согласно турецким источникам, в отношении товаров рыбного промысла взимались следующие налоги и сборы.

За свежепойманную рыбу взималась десятина. Если свежая рыба из Керчи привозилась в Кефе на повозке, в этом случае брали пятнадцать акче за каждую повозку с семью осётрами вида туги, и ещё по одному акче – за каждую дополнительную рыбу. Икра облагалась таким же налогом, как и свежая рыба – десятина плюс за каждый кантар икры взимался налог в пятьдесят акче. С сушёной рыбы, в зависимости от её цены, взимались сорок два акче с тысячи. Если же сушёную рыбу привозили на рынок Кефе из Керчи, то в этом случае таможенный сбор не брался. При вывозе солёной рыбы в бочках из портов провинции Кефе взималась пошлина в размере сорок два акче в пользу города Кефе и двадцать одно акче в пользу порта, из которого вывозилась рыба. Если ли же солёная рыба в бочках переправлялась по суше, то в этом случае с повозки полагался налог в два акче и налог в пользу Кефе в одно акче с повозки с семью рыбинами. В случае привоза для продажи рыбы и икры из Азова в Керчь таможенные сборы производились в пользу Кефе, и в случае вывоза осётров разных видов из Керчи налоговые сборы также взимались в пользу Кефе.

Многие путешественники в своих заметках и сочинениях уделяли отдельное внимание описанию изобилия черноморской рыбы и морепродуктов и рыболовного промысла в заливах Кефе, Керчи, Ени Кале и других: «Ничего не может быть более обильным рыбой, чем Чёрное и Азовское моря у берегов Крыма. Самый богатый улов рыбы бывает с октября до апреля. Осетры, севрюги, белуги, лещи, карпы, сомы, судаки, щуки, белорыбца, стерлядь, караси, лососи, раки, окуни, лини и ещё несколько видов ловятся в это время в большом изобилии. Встречались, го-

ворят, некоторые экземпляры белуги такой величины, что весили от 800 до 900 фунтов, и что из них можно было добыть от 3 до 4 квинталов икры. Большая часть пойманной рыбы солится и составляет вместе с икрой очень значительную статью крымской торговли⁸. «А в заливе [Кефе. – О.К.] водятся рыба тезкез, камбала, рыба текер, рыбы яхуд и скумбрия... Рыбу беркерт ловят в зимние месяцы. Много сотен судов засаливают эту [рыбу]. Её увозят купцы со всех климатов. Это удивительное рыбное предприятие, владение эмина. Если нет согласия эмина, ни один человек не может ловить рыбу. Однако в ночной темноте мальчишки ловят ушастую кефаль и едят её. Рыбный эмин ничего им на это не говорит»⁹.

В Керчи «достойна похвалы и известна рыба калкан»¹⁰. «Керченский залив был невероятно богатый разной рыбой, здесь водилось много видов рыб, но более всего водилось здесь белуг как в порту, так и в море»¹¹. «Рыба ловится во всём проливе, а более около Керчи и Ениколя. Коренную ловят крючьями, а мелкую сетками. Сорт её: 1. осётр, 2. севрюга, 3. белуга, 4. судак, 5. окунь, 6. тарань, 7. сельди, 8. кефаль, видом подобна белой рыбице, но шелуха тёмносиневата, скубрея на сижки похожа, бычки в подобие ершей только не костлявы, камбала, и в подобие салакушки мелкой и умышь и изрядна маленькая рыбка видом на кефаль, чалар зовется, также коты морские и свиньи, кои льнут к судам и, выпуская червячки, вред оным делают»¹². «Лов различных морских рыб в Еникуле довольно велик. Здесь приготавливаются лучшие балики, то есть осетры, также всякая солёная и вяленая рыба»¹³.

Город Балаклава в юго-западной части Крыма славился не только рыболовством, благодаря удобной безопасной закрытой бухте, но также простирающимися в этой местности лесами. С давних времён тут находились торговый порт и верфи, где строили различные корабли.

Генуэзский Чембало был весьма важной составляющей экономики итальянской фактории и активно использовал преимущества региона. Все функции итальянского города Чембало с приходом османов на эти терри-

тории сохранились и перешли к ним в полной мере. Вплоть до XVIII века Балаклава сохраняла за собой, во-первых, функцию важного порта, через который шёл непрерывный активный товарообмен, а во-вторых, функцию международного центра кораблестроения.

Балаклава и её окрестности, этот богатый строевым лесом край снабжал древесиной и обеспечивал полностью свои потребности различным строительным материалом, таким, как доски, брёвна, брус и другие. Это позволяло как заниматься здесь строительством галеонов и галер, так и отправлять на экспорт дорогостоящий товар. «Балаклава (Balucława) – порт и городок, где строятся корабли, галеры и галионы для Великого господина»¹⁴. И.Э. Тунманн отмечал, что османы в Балаклаве занимались постройкой судов: «Балуклава... попала в 1475 году под власть османов, которые заложили здесь верфь для постройки судов»¹⁵. «Балук-лава славится своим портом... и обширностью окрестных лесов, представляющих такое разнообразие строевого леса, что при виде их впрямь изумляешься. Там строятся ежегодно крупнейшие галеоны (Galioni) для доставки толстых брёвен в Александрию; в последние годы там стали также строить галеры; в прошлом году спущено было пять галер, и я слышал, будто в нынешнем году сделан заказ на шесть галер...»¹⁶.

При османах в городе продолжали функционировать достаточно сложные производства, в частности, верфь, металлообрабатывающие и керамические мастерские. В самой Балаклаве и её предместье Кади-кое сохранялась инфраструктура, связанная с торговлей: таможня, лавки, постоялые дворы. Через порт осуществлялся дальний экспорт строевого леса¹⁷.

Таможня Кефе взимала сбор сорок два акче с тысячи при доставке брёвен и бруса судном.

Ещё одной важной промышленной отраслью провинции Кефе являлась добыча мыльного камня – кила. «На склонах заливов порта Инкерман находится кил, род жирной глины, которую женщины для натирания голов в банях употребляют привыкли. Моряки вы-

капывают этот кил в горах и привозят его, а наполнив им сотни судов, вывозят за море. Кил, продаваемый в Стамбуле под названием жирного кила каффенского, также происходит из Инкермана»¹⁸. «...Добывалось в окрестностях Инкермана и Саблы так называемое “земляное мыло”, имевшее большой спрос среди константинопольских красавиц»¹⁹. Эмилио Дортелли д’Асколи также сообщал о киле, когда описывал Балаклаву: «В этой местности находят род земли мыльного цвета, так называемый кил (Kil). Будучи разведён в воде, он лучше всякого мыла оmyвает руки, запачканные маслом или салом, а также очищает саму воду от грязи и жира. Кил вывозится во многие места и даже в Константинополь»²⁰.

Кил поступал в Кефе, откуда шёл на экспорт в Константинополь, а также вглубь полуострова, на территорию Крымского ханства, а скорее всего, и далее²¹.

За продажу кила чашами на рынках Кефе взималось шесть акче за три месяца. За вывоз товара в город и из города – одно-два акче, в зависимости от повозки.

Соляной промысел в Крыму был развит и востребован. Соль из Крыма отправлялась на экспорт. «Соль направлялась в Константинополь, в Малую Азию и в Абхазию, с другой стороны, за ней приезжали обозы русских казаков из Украины»²².

Основные озёра, из которых добывалась соль, находили на территории Крымского ханства, вблизи городов Перекоп и Гёзлев. «За замком Ор, в месте, где пустынная равнина начинается, распростёрлось ослепительное озеро, из которого добывается соль, солью каффенской называемая. Соль та вывозится в Кефе, в Крым, в Стамбул и во все страны. Это соль чистая, белая, приятная на вкус, как рассол из маринада; в глыбах, на кирпичи похожих. Глыбы этой соли укладываются в кучи высокие, как горы...»²³. «Сначала мы проехали из Гёзлёва 4 часа на восток по берегу моря, перейдя солончак гёзлёвского эмина. Этот солончак – величиной с целое ханство, его соль имеет несравненный вкус. Соль там навалена целыми кучами, как горы»²⁴. Тунманн также описывает татарские солёные озера: «Неподалёку от

Ора, к югу, находятся два больших соляных озера, из которых каждое имеет приблизительно две мили в окружности. Соль берут только из западного, которое поэтому называют Талал-Гёл, дозволенное озеро; другого, Харам-Гёл, запрещенного озера, не трогают, хотя оно не менее обильно. Но и из одного первого добывается более соли, чем нужно для потребления и продажи»²⁵.

В провинции Кефе соляные озера находились недалеко от Керчи. «Знаменитое солёное озеро (Тузла²⁶) лежит неподалеку от южного берега Керченского полуострова, посредине между Керчью и Каффой; из него ежегодно добывалось более чем двести корабельных грузов соли и могло бы добываться ещё столько же»²⁷.

Основной экспорт соли проходил через порты провинции Кефе, поэтому таможенные пошлины брались в пользу Кефе и порта погрузки, отправки.

Если соль продавали на рынках Кефе чашами, в этом случае с продавца взималось по шесть акче за три месяца. За ввоз с татарских территорий платился сбор от четырёх до восьми акче, в зависимости от размера повозки.

Говоря о ремесленной деятельности в провинции Кефе, необходимо отметить караимские кожевенные мастерские в юго-западной части Крыма. «Они [караимы. – *О.К.*] были заняты во всех стадиях этого производства: от выделки грубых, или т. н. “мангупских” кож, до изготовления тонких сафьянов, сёдел, обуви, изделий из войлока»²⁸. «Все иудеи выделывают телячьи и козьи шкуры. В Крыму знаменита телячья кожа с Мангупа»²⁹. «Изделия крымских кожевников ценились очень высоко: в списках вывозившихся в XVIII в. через крымские таможи товаров фигурируют сафьяны (экспортировавшиеся в Турцию и Европу), юфть, “нечинёная кожа”, кожа “деланная подошвенная”, шагрени, кожаные туфли, башмаки и пр.»³⁰.

Шкуры и кожи были в числе основных категорий товаров торгово-экономической системы эялета Кефе. Таким образом, в таможене Кефе с лошадиных и коровьих кож, с овечьих и ягнячьих шкур, в зависимости от их цены, взималось сорок два акче с тыся-

чи. При ввозе в Кефе платили с повозки выделанных шкур, кож, войлоков двенадцать акче.

Ткани – это ещё один вид товаров, который пользовался высоким спросом в провинции Кефе. В основном это были привозные материи из Османской империи, но и в самом Крыму также располагались ткацкие производства. Так, в Кефе находились фабрики по производству парчи и тафты, а также красильни. «Пейсонель отмечает опыты разведения тутовых деревьев и производства шёлка. В Кефе он же отмечает наличие красильного ремесла»³¹.

За куплю-продажу парчи и тафты, произведённой в Кефе, взималось четыре акче за кусок ткани. При покраске ткани в Кефе взимался налог в одно акче за кусок ткани.

Мы можем говорить о наличии мельничного ремесла и небольших мукомольных производствах в провинции Кефе, османские дефтеры сообщают нам о наличии ветряных и движимых при помощи лошадиной силы мельниц. Турецкий путешественник Эвлия Челеби утверждал, что в Кефе насчитывалось 160 мельниц, десять из которых работали на конной тяге, а большинство прочих приводилось в действие силой ветра³². С конских и ветряных мельниц взималось по три акче за три месяца, при условии работы мельницы. Если же мельница не использовалась по назначению, в этом случае налог не брали.

Эвлия Челеби писал, что в Кефе есть очень искусные мастера 167 ремёсел: ткачи, ювелиры, башмачники и изготовители молитвенных ковриков³³.

В городе Керчь армяне и татары занимались ремеслом, и были они «плотники и каменщики, шапошники, сапожники, портные и медики...»³⁴.

В многонациональной и поликонфессиональной провинции Кефе ремеслом занимались больше греки, армяне, евреи, караимы и турки. Рынки городов служили основным местом для расположения мелких ремесленных производств.

Таким образом, наличие и активное функционирование разнообразных промыслов и ремёсел в крымской провинции способство-

вало поддержанию и дальнейшему развитию торгово-экономической инфраструктуры эялета Кефе, который обеспечивал разнообразными товарами и продовольствием как свои территории, так и Стамбул и другие провинции Османской империи.

Примечания

¹ Османская провинция Кефе с 1475 по 1588 год являлась санджаком в составе бейлербейства Румелия. В 1588 году Кефе получила статус эялета. Уровень провинции был повышен без изменения её территориальных границ. Земли эялета Кефе были разделены на каза (кадылыки), в Крыму было 4 каза (кадылыка) – Кефе, Судак, Мангуп, Керчь; на Тамани – 2 каза (кадылыка), Тамань и Азов. Провинция Кефе занимала западное побережье, Южный берег Крыма, восточное побережье, Керченский и Таманский (Тамань, Азов) полуострова. Столица – город Кефе (генуэзская Каффа, современная Феодосия). Исходя из расположения городов и деревень, границы провинции Кефе можно обозначить следующим образом: начиная с юго-западной части Крымского полуострова, затем – устье реки Бельбек, верховья рек Альма и Кача, далее – по склонам Крымских гор, а также весь Южный берег, город Кефе и его окрестности и Керченский полуостров.

² Есть версия, что название города происходит от турецкого слова «балык» – рыба.

³ Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация авторов.

⁴ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008. С. 23.

⁵ Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД). Т. VI. Одесса, 1867. С. 344.

⁶ Акче – османская серебряная монета.

⁷ Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Tahrir defterleri №№ 370, 214; Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à L'Empire Ottomane // Turcica. VIII 2. Paris – Strasbourg, 1976. P. 110–201; Berindei M., Veinstein G. La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIe siècle. Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. XX 3–4. P. 390–465; Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. V. 2. Cambridge, 1981. P. 138; İnalçik H. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa,

1487–1490. Harvard University Press, 1996; Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. Memorial Omer Lütfi Barkan. 1980; Fisher A. Ottoman Sources for a Study of Kefe Vilayet: The Maliyeden Müdevver Fond in the Başbakanlık Arşivi in Istanbul // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. Vol. 9. No. 1–2. P. 191–205; Berindei M., Veinstein G. Règlements de Suleyman 1er concernant le Liva de Kefe // CMRS. 1975. V. 16 (1); Перепись османских владений в Крыму 1520 года. М., 2023.

⁸ Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 17.

⁹ Челеби Э. Книга путешествий. С. 189.

¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹ Дортелли д'Асколи. Описание Чёрного моря и Татарии // ЗООИД. Т. 24. Одесса, 1902. С. 122.

¹² Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года // ЗООИД. Т. VII. Одесса, 1868. С. 197.

¹³ Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800. С. 73.

¹⁴ де Боплан Г.Л. Описание Украины. М., 2004. С. 209.

¹⁵ Тунманн И.Э. Крымское ханство. С. 37.

¹⁶ Дортелли д'Асколи. Описание Чёрного моря и Татарии. С. 120–121.

¹⁷ История Севастополя. Т. 1. 2021. С. 605.

¹⁸ Челеби Э. Сейяхатнаме – Книга путешествий. Симферополь, 1996. С. 82.

¹⁹ Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 328.

²⁰ Дортелли д'Асколи. Описание Чёрного моря и Татарии. С. 121.

²¹ Неделькин Е.В., Бойцова Е.Е. История Севастополя. В трёх томах. Том I. Юго-западный Крым с древнейших времён до 1774 г. М., 2021. С. 640.

²² Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства. С. 328.

²³ Челеби Э. Сейяхатнаме – Книга путешествий. С. 61.

²⁴ Челеби Э. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. С. 17.

²⁵ Тунманн И.Э. Крымское ханство. С. 39.

²⁶ «Тузла значит, собственно, вообще солёное озеро. Такого названия озера теперь нет на Керченском полуострове. Тузла теперь называется коса в Керченском проливе. Очевидно, автор имеет в виду находящиеся у мыса Опук озера Элькенское и Узунларское» – примечание № 219,

сделанное Л.Н. Эрнстом. *Тунмани И.Э.* Крымское ханство. С. 90.

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ *Прохоров Д.А.* Хозяйственная деятельность и основные занятия крымских караимов в XII–XVIII вв.: развитие ремёсел, промыслов и торговли // *Боспорские исследования.* Вып. XXV. Симферополь, 2011. С. 216.

²⁹ *Челеби Э.* Книга Путешествий, Крым и сопредельные области. Симферополь. 2008. С. 76–79.

³⁰ *Прохоров Д.А.* Хозяйственная деятельность... С. 216.

³¹ *Бахрушин С.В.* Основные моменты истории Крымского ханства. С. 328.

³² *Челеби Э.* Сейяхатнаме – Книга путешествий. С. 145.

³³ *Челеби Э.* Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме 1666–1667 гг. Симферополь, 1999. С. 96.

³⁴ Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской Империи землям, 1774 года // *ЗООИД.* Т. 7. Одесса, 1868. С. 193.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-10-16

А.В. Болдырев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

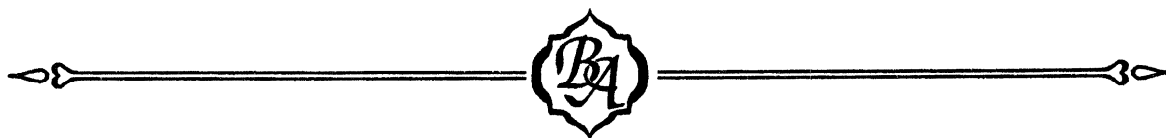
После Крымской войны 1853–1856 гг. резко возрос интерес русского общества к проблемам, связанным с экономическим развитием Черноморского региона, в первую очередь местом России в системе внешне-экономических связей в Чёрном море и на Ближнем Востоке. Связано это было, прежде всего, с блокадой англо-французским флотом черноморского побережья России. По воспоминаниям А.В. Мещерского¹, за время войны из Одессы лишь в конце июля 1855 года вышло одно русское судно². В газете «Кавказ» по этому поводу отмечалось, что война неблагоприятно повлияла на южнорусскую морскую торговлю. «В течение всего 1856 года мы не имели правильного пароходного сообщения ни с Константинополем, ни со средиземными, ни с черноморскими портами: ближайший Крым был отделён от нас с моря непреодолимою стеной (англо-французской блокадой черноморского побережья. – *Авт.*)»³. Это показало российскому обществу всю важность черноморской торговли для России.

Судя по характеру публикаций, в рассматриваемый период русское общество не только обратило серьёзное внимание на внешнеэкономические проблемы, но и пыталось понять причины отсутствия должного влияния России на Чёрном море. Так, А.А. Скальковский⁴, рассматривая грузовые и пассажирские потоки в Чёрном море за 1847–1853 гг., указывал на их главный недостаток: «Никогда доходы не покрывали расходов пароходства (российских пароходных линий. – *Авт.*), чего, впрочем, и правительство не ожидало от внутренних линий»⁵. Отсутствие систематической поддержки со стороны правительства российских внешне-экономических интересов в Черноморском регионе общественное мнение склонно было

расценивать как причину того, что Россия не имела экономического преобладания на Чёрном море. Так, подавляющая часть грузов между портами России и Османской империи перевозилась на судах третьих стран, и прежде всего на парусниках и пароходах английских, французских и австрийских судоходных компаний. Такая ситуация продолжалась до конца 1850-х годов⁶. Что касается собственно русской внешней торговли, то в 1847 году из общей суммы российского экспорта на долю торговых кораблей под российским флагом приходилось не более 13,5%. В результате высокого фрахта иностранных судов продукция, привезённая в порты России, в том числе и черноморские, стоила в несколько раз дороже, чем в Европе⁷.

В той же газете «Кавказ» в одной из статей отмечалось, что благоприятный для земледелия климат и природные богатства Черноморско-Азовского региона обладают огромным экономическим потенциалом на будущее. Автор упомянутой статьи подчеркивал, что если до сих пор черноморская морская торговля уступала по своему объёму Балтике, то только потому, что основное население Европейской России сконцентрировано в центральной и северной части страны, а также ввиду более развитой транспортной инфраструктуры центральных губерний. Особое внимание обращалось на исключительное значение черноморских проливов в южнорусской торговле. В статье говорилось, что «Чёрное море <...> составляет и теперь удобный путь для торгового сообщения с Западом, а в будущем представляет ещё более блестящие виды, поскольку через Босфор Россия отправляет значительные массы товаров»⁸.

В связи с этим реакция русской прессы и публицистики на создание правительством

Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) была исключительно положительной. Многие увидели в этом возможность не только усилить собственно российское присутствие в морских перевозках, но и переломить внешнеэкономическую ситуацию на Чёрном море в пользу России. Указом Александра II от 3 августа 1856 года «для развития торговли южного края России и пароходных как торговых, так и портовых сообщений этого края с русскими и иностранными портами» было учреждено Русское общество пароходства и торговли. По словам А.А. Скальковского, «Общество это ввиду <...> упразднения Черноморского флота⁹ должно было заменить его, если не боевою силою на южных морях, то нравственным влиянием русского флага на всех берегах и во всех гаванях не только Европы, но и Азии и Африки»¹⁰.

Более точно о целях создания Русского общества пароходства и торговли высказался Д.А. Милютин¹¹, который писал, что «с уничтожением Черноморского флота <...> представилась новая задача: какими мерами было бы возможно на будущее время оградить политические и торговые интересы России на юге и на востоке ввиду проявившегося в последнее время с таким ожесточением враждебного соперничества Англии. Возникла мысль об учреждении в Чёрном море частного пароходства по примеру некоторых иностранных предприятий такого рода, каковы, например, австрийский Ллойд, французская Messagerie Imperiale и др.»¹².

Принципиальным в создании РОПиТ было то, что эта компания в значительной степени субсидировалась самим правительством, а в акционеры Общества пароходства и торговли, помимо собственно государственного участия (до 1/3 акций, согласно п. 25 Устава РОПиТ), могли вступать лишь российские подданные. Газеты «Одесский вестник» и «Кавказ» отмечали, что «Русское общество пароходства и торговли, важное по самой цели и объёму своих действий, приобрело ещё и другую историческую важность тем, что исключительно организовалось на русские капиталы»¹³. Учредителями Общества являлись крупный российский предпри-

ниматель Николай Александрович Новосельский и контр-адмирал Николай Андреевич Аркас. Учредители намеревались оградить новую компанию от возможной конкуренции со стороны других частных компаний, запретив в течение 10 лет учреждение русскими подданными других пароходств на Чёрном и Азовском морях.

Большие надежды на деятельность вновь образованного русского пароходного общества возлагал П.А. Чихачёв¹⁴, который весьма эмоционально отозвался о возможных перспективах РОПиТ. В «Письмах о Турции» он указывал на то, что именно на Чёрном море «открывается новая эра коммерческого и политического развития». «Если в организации пароходства на Чёрном море Россия сумеет воспользоваться огромными материальными и моральными преимуществами, которые, к несчастью, были ею ранее утрачены, то можно без преувеличения сказать, что <...> тот день, когда волшебная сила пара помчит русские пароходы по водам Понта Эвксинского, а русские поезда по путям между морями Чёрным, Балтийским и Каспийским, Россия будет вправе отметить <...> как одно из самых славных <...> и наиболее благоприятных для неё событий <...>»¹⁵.

Оценивая реакцию общества на попытку правительства усилить влияние российской торговли на Чёрном море, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, главной задачей РОПиТ, как отмечали публицисты, было не только развитие внутренних коммуникаций Черноморского бассейна, хотя это и признавалось первоочередной задачей, но и превращение Общества в судоходную компанию, способную обслуживать в будущем международные коммуникации. В прессе подчёркивалось, что каботажное плавание (плавание в пределах российского черноморского побережья. – *Авт.*) не составляет «исключительной цели учреждения Русского Общества пароходства и торговли. Оно имело в виду общее развитие торговли южного края России и пароходных как торговых, так и почтовых сообщений с русскими и иностранными портами, не стесняя себя в этом случае никакими ограничениями, а, напротив, расширяя круг своих действий,

по мере возникающей потребности <...> А потому, если Русское Общество пароходства и торговли и ограничит на время свои рейсы означенными в уставе пределами: Александрией, Марселем и Триестом, то не подлежит никакому сомнению, что скоро оно распространит их гораздо далее и коснётся отдалённейших пунктов европейского и американского материков»¹⁶.

В газете «Кавказ» обращалось внимание и на то, что за непродолжительное время РОПиТ сумел быстро и умело организовать. «Приняты и все необходимые меры для доставки всевозможных удобств и выгод при совершении переездов: умеренная плата, удобное помещение, быстрота и точность в отходе и приходе судов, и наконец, роскошное содержание – вот те преимущества, о которых всегда заботились пароходные компании на Западе, и которыми русское общество обратило на себя всеобщее внимание при самом открытии рейсов». В связи с этим открытие рейсов РОПиТ сразу вызвало повышенное внимание к ней со стороны пассажиров и производителей, нуждающихся в перевозке грузов¹⁷.

А.А. Скальковский писал, что ещё до Крымской войны российские пароходные линии, по мысли правительства России, должны были в дальнейшем составить достойную конкуренцию австрийской пароходной компании Ллойда и французским пароходным компаниям, плавающим между Стамбулом, Марселем и Александрией. По его мнению, Одесса должна была сделаться «одною из оконечностей огромной сети правильных морских сообщений, ныне раскинутой между Марселем, Генуей, Ливорно, Неаполем, Мальтой, Триестом, портами Греции и Турции, и Александрией в Египте»¹⁸. В русском обществе выражалась надежда и на развитие русского судоходства в сопредельном с Чёрным морем бассейне Дуная. Отмечалось, что «до сих пор плавание по этой реке составляло монополию Австрии. Пароходы Русского общества не могли ходить дальше Галаца и подвергались разного рода притеснениям со стороны австрийцев; теперь наше Общество может <...> конкурировать с Ллойдом, передавая пасса-

жиров и товары из Константинополя и Одессы на пароходы новой компании»¹⁹.

Во-вторых, и это самое главное, рассматривая перспективы РОПиТ, публицисты считали необходимым развитие в первую очередь собственно российских коммуникаций на Чёрном море. По Уставу Русское общество пароходства и торговли обязалось содержать несомненную выгоду торговых сообщений России с турецкими портами на Чёрном море и Дунае (Стамбулом и Галацем. – *Авт.*); отмечалось, что «гораздо большие выгоды предстоят судам, которые предназначены для устройства правильных пароходных сообщений русских портов между собою... Обороты её (каботажной торговли. – *Авт.*) были всегда значительны». Ввиду этого подчёркивалось, что «нельзя, кажется, и сомневаться, что пароходные рейсы между Одессою, Херсоном и Николаевом, с одной стороны, и между портами Азовского моря, с другой, доставят компании (РОПиТ. – *Авт.*) значительную и верную прибыль». При этом также отмечалось, что значительная протяженность Черноморско-Азовского побережья России, имеющего потенциально широкий рынок сбыта и широкий ассортимент товаров для продажи, предоставляет большие возможности для развития именно каботажного мореплавания. Также выражалась надежда, что развитие каботажа поможет связать Закавказье с остальной Россией²⁰.

Таким образом, цели учреждения РОПиТ рассматривались в обществе как необходимая мера по утверждению преобладающего положения России в Черноморском регионе. Следует отметить, что перспективы русско-турецких торговых отношений не стали предметом пристального внимания, поскольку на передний план вышли задачи уравнивать место России на Чёрном море с её потенциальными экономическими возможностями. Уже в конце 1850-х – начале 1860-х годов РОПиТ установило регулярные пароходные сообщения между Одессой и Стамбулом, а также портами Восточного Средиземноморья вплоть до Александрии. Согласно данным А.А. Скальковского, уже в 1857–1858 годах РОПиТ приобрело 35 пароходов и открыло

12 заграничных и шесть внутренних линий – так, «как было до войны»²¹. Помимо этого, пароходы РОПиТ обслуживали торговые, пассажирские и почтовые перевозки между всеми портами Чёрного моря, включая черноморское побережье Турции. Поддерживалось регулярное сообщение между Одессой и дунайскими портовыми городами. Пароходы РОПиТ совершали регулярные рейсы в Триест на Адриатике и в Марсель. В результате Русское общество пароходства и торговли при поддержке правительства превратилось в весьма солидное транспортное предприятие²².

Современники положительно оценивали деятельность РОПиТ, считая, что оно сыграло важную роль в расширении русского экспорта на ближневосточные рынки. Так, П.А. Чихачёв уже в самом начале деятельности Общества отмечал, что благодаря усердию, честности и деловитости представителей Русского общества пароходства и торговли корабли этой компании «пользуются необходимым успехом <...> как на Чёрном море, так и на Дунае»²³. Отличительными качествами РОПиТ были быстрота в доставке грузов и качество обслуживания пассажиров. Н.В. Берг²⁴, описывая своё паломничество в Иерусалим, отмечал, что морские рейсы по пути в Палестину происходят теперь «при новых условиях, которых не существовало для наших отцов»²⁵, в удобной комфортабельной каюте русского парохода²⁶, с маленькой паровой библиотекой под руками, где чего хочешь, того просишь <...> и, наконец <...> съедая обеды, к каким привык всякий благовоспитанный желудок». Он же отмечал, что у русского консула по сравнению с его зарубежными коллегами больше работы, поскольку «последнее время их (паломников. – *Авт.*) стало валить около сотни в сутки, потому что открылось паровое сообщение между Яфой (портом на территории Палестины. – *Авт.*) и Одессой, неизменно облегчившее путь и сократившее издержки»²⁷.

Ту же положительную характеристику качеству обслуживания пассажиров со стороны Русского общества пароходства и торговли давал П. Успенский²⁸, отмечавший в

письме главе Херсонской епархии епископу Антонию от 29 ноября (11 декабря) 1860 года, что его плавание к месту своей службы (в церкви русского посольства в Стамбуле) на пароходе «Олег» «было тихо и быстро. Этот пароход-скороход на другой день после отъезда из пристани Одессы в девять часов пополудни уже на якоре стоял в Босфоре, озарённом луною»²⁹.

Необходимо отметить, что организация паломничества имела и практический характер. Во-первых, это способствовало сбыту российских товаров на территории Османской империи, так как христианским паломникам к Святым местам в Палестине западноевропейские товары часто не могли заменить товары русского производства³⁰. Во-вторых, организаторы РОПиТ надеялись с помощью регулярных рейсов в Палестину усилить там влияние России.

При этом описания Н.В. Берга резко контрастировали с тем, что происходило на турецких пассажирских линиях в Чёрном море. Так, К.Н. Леонтьев³¹, ставший российским консулом в Адрианополе (Эдирне) и направлявшийся к месту назначения, описывая плавание по Мраморному морю на одном из турецких пассажирских пароходов, отмечал: «Пароход был маленький, старый, очень плохой, один из тех, которые ходят по Босфору. И только для плавания в проливе поблизости и годятся. Он был донельзя наполнен пассажирами и сидел в воде так глубоко, что было неприятно смотреть с палубы на свинцовое, мрачное, открытое море, которого волны кипели так близко за бортом. <...> Палуба маленького плоского и тесного судна нашего была полна черкесами и всяким народом. Казалось, пароход стоит на месте, так мы медленно шли. Уже вечерело, но мы не только не приближались к Родосто³², но ещё и приморского города Силиврии на полпути не было видно. Так прошло несколько часов»³³. В результате К.Н. Леонтьев решил сойти в Силиврии и ехать до Адрианополя верхом.

Во время своих очередных путешествий в Стамбул М.И. Венюков³⁴ отдавал предпочтение пароходам общества РОПиТ. Он указывал на то, что РОПиТ рассчитывает свои

рейсы из Одессы таким образом, чтобы появиться в Босфоре в половине шестого утра и дать пассажирам возможность полюбоваться ранним утром на Босфоре³⁵.

Оценивая итоги деятельности РОПиТ за полтора десятилетия его существования, А.А. Скальковский приходил к выводу, что, «несмотря на некоторые недоразумения в самом обществе (РОПиТ. – *Авт.*), на ошибки некоторых распорядителей, столь естественные в деле новом и столь громадном, <...> общество идёт постоянно вперёд и четыре последние года (1866–1869 гг. – *Авт.*) достигло самых изумительных результатов – доказательство неколебимой уже его прочности»³⁶.

В немалой степени именно благодаря деятельности РОПиТ географический центр экспортной русской торговли после Крымской войны переместился из Балтийского моря в бассейны Чёрного и Средиземного морей, а русский торговый флаг стал привычным во всех наиболее важных портах Османской империи³⁷. Так, если до конца 1850-х годов на русских судах доставлялось лишь от 7 до 12% грузов от всего внешне-торгового оборота России, то к концу 1860-х годов эта цифра составляла уже около 30%³⁸.

Необходимо отметить и тот факт, что деятельность РОПиТ вызывала в российском обществе и критические замечания. Редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков³⁹, признавая несомненные заслуги РОПиТ в организации ближневосточной и особенно черноморской торговли России, отмечал, что главный недостаток Русского общества пароходства и торговли заключался в монополизации им морских перевозок по Чёрному морю. Дело в том, что, учреждая Общество пароходства и торговли, его создатели намеревались оградить новую компанию от возможной конкуренции со стороны других частных компаний, запретив в течение 10 лет учреждение русскими подданными других пароходств на Чёрном и Азовском морях⁴⁰. По мнению М.Н. Каткова, это привело к отсутствию конкуренции, совершенно необходимой для развития торгового судоходства⁴¹.

Оценка деятельности РОПиТ М.Н. Катковым находила поддержку и у его современников. Главный упрёк состоял в том, что, несмотря на беспрецедентную поддержку деятельности этой компании, к концу рассматриваемого времени России не удалось добиться создания национального флота, способного контролировать торговое судоходство в зоне Чёрного моря. По мнению М.М. Литвинова⁴², если «целью возникновения Общества было создание дальнего плавания, развитие каботаж и судостроения, то ни одной из этих задач Общество не выполнило». Он отмечал, что РОПиТ, получающее большие правительственные субсидии, стало вследствие этого «совершенным монополистом», тормозя развитие промышленности юга России⁴³.

В результате к началу 1870-х годов из 13 крупных судоходных компаний, обеспечивавших регулярную связь между важнейшими портами Восточного Средиземноморья, России принадлежало лишь Русское общество пароходства и торговли. Англии в этом регионе принадлежали три пароходные компании, Франции – пять, Австрии – четыре, Италии – три⁴⁴.

Таким образом, воспоминания современников, а также материалы прессы и публицистики свидетельствуют о том, что экономическое значение Черноморского региона для русского общества после Крымской войны состояло в развитии собственных и «ближних» внешнеторговых коммуникаций. Статус РОПиТ как флагмана внешнеэкономической политики России на юге страны привёл к тому, что взгляды современников на деятельность Общества носили до известной степени апологетический характер. Подобный позитив объяснялся «российским» характером компании и её успехами в развитии национальной торговли. Критики дотационной политики правительства обращали внимание на то, что она привела к невозможности развития конкуренции среди других российских пароходных компаний на Чёрном море – главного условия конкурентоспособности в новых экономических условиях. В конечном итоге именно этот фактор следует рассматривать как одну из причин

того, что переломить экономическую ситуацию в Черноморском регионе в пользу России не удалось.

Примечания

¹ Мещерский Александр Васильевич (1822–1900) – князь, участник Крымской войны и общественный деятель.

² Из воспоминаний А.В. Мещерского. О размене пленных войны 1854–1856 годов // Русский вестник. 1899, № 3. С. 470.

³ Кавказ. 1857. № 46. 16 (28) июня.

⁴ Скальковский Аполлон Александрович (1808–1898) – российский и украинский историк, статистик, экономист, этнограф и публицист. Член-корреспондент Российской академии наук и секретарь Одесского статистического комитета.

⁵ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 гг. // Труды Одесского статистического комитета. Вып. IV. Одесса: Типография И. Францова, 1870. С. 201.

⁶ Подробнее о состоянии российских пароходных коммуникаций на Чёрном море до Крымской войны см.: Болдырев А.В. К истории русско-турецкой черноморской торговли второй четверти XIX века // Восточный архив. 2018, № 1(37). С. 11–12.

⁷ Кожекина М.Т. Добровольный флот и развитие экономических отношений России с Востоком // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 95.

⁸ Сокальский Н. Русское общество пароходства и торговли // Кавказ. 1857. № 46. 16 (28) июня.

⁹ Т.е. ликвидации военно-морских сил России на Чёрном море, согласно Парижскому мирному договору 1856 года.

¹⁰ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. С. 201.

¹¹ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф, русский военный историк и теоретик, военный министр России в 1861–1881 гг. Последний из русских военных деятелей дореволюционного периода, носивший чин генерал-фельдмаршала.

¹² Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М.: Российский фонд культуры, Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова. «Российский архив», 2000. С. 425.

¹³ Кавказ. 1857. № 46. 16 (28) июня.

¹⁴ Чихачёв Пётр Александрович (1808–1890) – известный русский географ и путешественник, востоковед и геолог.

¹⁵ Письма о Турции (Письмо 9-е. 10 (22) октября 1858) // Чихачёв П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. С. 122–123.

¹⁶ Кавказ. 1857. № 46. 16 (28) июня.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. С. 198.

¹⁹ Без автора. Возрождение Турции // Русский вестник. 1860. № 23–24. С. 287.

²⁰ Кавказ. 1857. № 46. 16 (28) июня.

²¹ Скальковский А.А. Русское общество пароходства и торговли. С. 201–202.

²² Иванов С.М. Из истории русско-турецкой торговли в XVIII – начале XX в. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 143.

²³ Письма о Турции (Письмо 9-е. 10 (22) октября 1858) // Чихачёв П.А. Великие державы и Восточный вопрос. С. 120.

²⁴ Берг Николай Васильевич (1823–1884) – поэт и переводчик, первый русский военный корреспондент и путешественник по Ближнему Востоку.

²⁵ До Крымской войны морское сообщение между Одессой и Стамбулом обеспечивала Новороссийская пароходная компания. Далее в средиземноморские порты Палестины и Египта можно было добраться лишь на иностранных судах. Подробнее об организации русского паломничества в Палестину см.: Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века). М.: ИВ РАН, Летний сад, 2003. С. 88–94.

²⁶ Имеются в виду пароходы РОПиТ «Константин», «Олег» и «Владимир», доставлявшие русских паломников на Ближний Восток.

²⁷ Берг Н.В. Мои скитания по белу свету (Греция, Сирия, Египет и Палестина) // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников в XII–XIX вв. М.: Приложение к журналу «Лепта», 1995. С. 177, 202. (Сведения Н.В. Берга относятся к 1862 г.).

²⁸ Порфирий Успенский (в миру Успенский Константин Александрович) (1804–1885) – епископ, видный православный и общественный деятель России первой половины XIX века. Внёс огромный вклад в дело изучения и сбора сведений о Востоке (главным образом о Палестине, Сирии, Ливане и Египте, т. е. тех местах, где было сильно влияние восточно-христианской церкви).

²⁹ Материалы биографии епископа Порфирия Успенского / Под ред. П.В. Безобразова. Т. 1–2. Т. 2. Переписка. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. С. 872.

³⁰ *Иванов С.М.* Из истории русско-турецкой торговли. С. 143.

³¹ Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – русский дипломат, философ, писатель и публицист.

³² Порт, откуда К.Н. Леонтьев должен был ехать к месту назначения.

³³ *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии // *Собрание сочинений К.Н. Леонтьева*. В 12 т. Т. 9. Воспоминания (1831–1868). СПб.: Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. С. 242.

³⁴ Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – генерал-майор, русский путешественник и военный географ.

³⁵ *Венюков М.И.* С дороги по Азиатской Турции (из писем путешественника) // *Военный сборник*. 1874, № 8. С. 371.

³⁶ *Скальковский А.А.* Русское общество пароходства и торговли. С. 201.

³⁷ *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 274.

³⁸ *Кожеекина М.Т.* Добровольный флот... С. 96.

³⁹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский публицист, издатель и литературный критик. Многолетний редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

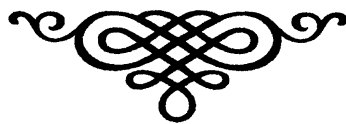
⁴⁰ *Степанов Д.А.* Учреждение Русского Общества пароходства и торговли (1856–1857 годы) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 32.

⁴¹ *Катков М.Н.* Собрание передовых статей... Т. IX. 1871 год. С. 373 // *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». В 25 томах. 1863–1887. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897; Он же. Собрание передовых статей... Т. X. 1872 год. С. 182. Подробнее см.: *Болдырев А.В.* Деятельность РОПиТ в публикациях редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова // *Восточный архив*. 2022. № 2 (46). С. 15–18.

⁴² Литвинов Михаил Михайлович (1844–1900) – профессор Николаевской академии Генерального штаба.

⁴³ *Литвинов М.М.* Чёрное море. Роль моря в разные исторические эпохи. Современное экономическое и военное значение Чёрного моря. Военно-статистический обзор. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881. С. 157–158. Более подробно о развитии внешнеэкономических связей России в Черноморском и Восточно-средиземноморском регионах см.: *Болдырев А.В.* Внешнеэкономические связи России с Османской империей в середине XIX века и российское общество // *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 96–105.

⁴⁴ *Литвинов М.М.* Чёрное море. С. 157–159; *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе. С. 275–276.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-17-24

О.А. Гоков

МУЗЕУМ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1852–1864 гг.)

Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (далее КОИРГО или Отдел) был создан в 1850 году, когда император утвердил «Положение о КОИРГО», а открыт 10 марта 1851 года в Тифлисе. Согласно «Положению», при нём, помимо библиотеки, должны были быть сформированы Депо местных карт, Статистический архив и Этнографический музей. Однако из-за недостатка средств были созданы только библиотека и Музеум.

С момента основания библиотека и музей (Музеум) КОИРГО были тесно связаны между собой. До 1864 года для них нанималось специальное помещение, в котором также проходили общие собрания и заседания Комитета. История этих двух составляющих Отдела практически не освещена в научной литературе. О Музеуме публикаций не имеется. В нашей статье на основе опубликованных материалов КОИРГО мы постараемся реконструировать историю развития Музеума Отдела.

5 апреля 1852 года на заседании Распорядительного комитета КОИРГО (далее – Комитет) И.А. Бартоломей и граф В.А. Соллогуб выдвинули предложение создать при Отделе Музеум, который должен был существовать по 4 пункту 3 параграфа «Положения о КОИРГО». Члены Комитета предложили им разработать проект¹. 10 мая 1852 года на заседании Распорядительного комитета граф В.А. Соллогуб зачитал записку об учреждении при КОИРГО Общего кавказского музеума. На основании этой записки было принято решение разработать смету расходов на наём помещения для Музеума и библиотеки, а также обратиться к членам Отдела с просьбой о помощи в наполнении Музеума².

Окончательно Музеум был оформлен в 1853 году³. Он состоял из трёх отделов, или

кабинетов – этнографического, естественно-го и исторического⁴. Первоначально по поручению Отдела помещение Музеума и библиотеки сроком на пять лет с платой по 600 рублей серебром в год (начиная с 1 августа 1853 г.) было снято А.Б. Иваницким на верхнем, втором этаже дома подполковницы Липинской⁵ (с 1859 г. – дом И.А. Зубалова) на Чавчавадзевской улице⁶. Для посещения Музеума всеми желающими был определены конкретные часы. Первоначально предполагалось, что это будет время с 11 до 13 часов. Для посещения же Музеума и библиотеки членами Отдела была выбрана суббота, с 19 до 23 часов⁷. В 1856 году часы всеобщего посещения Музеума были сдвинуты: с 12 до 14 по воскресеньям⁸.

1 августа 1857 года контракт на наём квартиры закончился, но подполковница Липинская согласилась его продлить с условием некоторого ремонта. Условие это было принято решением Распорядительного комитета от 23 апреля 1857 года. Было постановлено, что после ремонта, проведённого за счёт хозяйки, Отдел снимет помещение на два года (с 1 августа 1857 г. по 1 августа 1859 г.) по прежней цене, 600 рублей серебром в год⁹.

После окончания указанного срока в 1859 году дом сменил владельца: им стал титулярный советник (позже – коллежский асессор) Иван Андреевич Зубалов, занимавший должность чиновника VII класса в Особом о земских повинностях присутствии по Закавказскому краю. С ним был заключён новый контракт. Он предусматривал наём помещения на 10 лет по 600 рублей серебром в год¹⁰. Срок позже был сокращён до шести лет, начиная с августа 1859 года¹¹.

К самому И.А. Зубалову представители КОИРГО обратились с указанием на то, что

«некоторые службы квартиры требуют значительных исправлений». Однако тот, «несмотря на неоднократные напоминания, до настоящего времени (5 января 1860 г. – *О.Г.*) не делает никаких поправок». Именно поэтому на заседании Распорядительного комитета было принято решение или сделать ремонт самостоятельно, но вычесть эту сумму из оплаты за наём квартиры, или, если И.А. Зубалов откажется и не захочет проводить ремонт, искать другое помещение¹².

В результате И.А. Зубалов обратился в Отдел с просьбой принять на себя половину издержек по переделке печей в квартире и производству других исправлений. Решением Распорядительного комитета от 4 июня 1860 года предложено было выдать И.А. Зубалову 70 рублей и ещё 30 для изготовления двойных рам к окнам северной стороны квартиры¹³. 30 июля 1860 года с ним был заключён новый контракт, однако ремонтных работ И.А. Зубалов не проводил. Это вынудило Комитет снова обратиться к нему весной 1861 года с требованием окончить «нужные починки» по контракту к 1 августа 1861 года¹⁴. В ответ И.А. Зубалов написал письмо, в котором утверждал, что сомневается в необходимости ремонта и считает «службы», которые, по мнению Отдела, нуждались в починке, «удобными и безопасными». Не отказываясь прямо от переделок, И.А. Зубалов просил у Отдела по примеру прошлого года выделить ему денежное пособие.

Общее собрание КОИРГО 13 мая 1861 года, рассмотрев эту просьбу, отметило, что выданные в 1860 году деньги не были потрачены на ремонт, который по контракту хозяин вообще должен был провести бесплатно. Поэтому было решено в пособии отказать и составить комиссию из трёх человек с архитектором для осмотра дома на предмет необходимости ремонта. После осмотра И.А. Зубалову предлагалось окончить исправления до 1 августа. Если же хозяин не исполнит обязательств – считать контракт неисполненным и искать новое помещение¹⁵.

Поскольку И.А. Зубалов это предложение не принял, летом 1861 года было подыскано новое помещение для Отдела и, соответ-

венно, для Музеума и библиотеки. Хозяином его был старший столоначальник Департамента государственных имуществ на Кавказе коллежский секретарь Аркадий Михайлович Гамазов. За год ему было выплачено вперёд 650 руб. и 25 руб. за устройство нового потолка над парадным входом. Заключение долговременного контракта было отложено до того, как хозяин помещение проведёт необходимые ремонтные работы¹⁶.

Для управления Музеумом на общем собрании КОИРГО 25 января 1853 года была создана дирекция Музеума в составе председателя Э.С. Андреевского и директоров графа В.А. Соллогуба и К.Л. Чермака, а также секретаря Г.А. Токарева¹⁷. 16 декабря 1853 года на общем собрании Э.С. Андреевский подал в отставку, и на его место был избран барон А.П. Николаи¹⁸. В 1855 году граф В.А. Соллогуб покинул Край, поэтому на его место директором по части этнографии на общем собрании 27 июня 1855 года был избран И.А. Бартоломей. А на заседании Комитета 15 февраля 1855 года А.П. Берже, который исправлял должность секретаря после смерти Г.А. Токарева, был утверждён в должности¹⁹.

В 1854–1858 гг. Дирекция состояла из: председательствующего барона А.П. Николаи и членов – И.А. Бартоломея, К.Л. Чермака, а также секретаря А.П. Берже²⁰. В 1860 году на должность секретаря был назначен П.Ф. Рисс²¹. В 1861 году на общем собрании 13 мая барон А.П. Николаи, в связи с выездом из Края, сложил с себя свои обязанности. К.Л. Чермак также отказался состоять в Дирекции. В результате от неё остался только И.А. Бартоломей. Поэтому Дирекция была ликвидирована, а функции её были переданы Распорядительному комитету КОИРГО²². И.А. Бартоломею как «опытнейшему в этом деле из членов» было поручено «ближайшее заведование и руководство сими занятиями (Музеума. – *О.Г.*), а должность секретаря Дирекции соединить с должностью правителя дел Отдела»²³. Поэтому в «Кавказских календарях» заведующим Музеумом показывали правителя дел Д.И. Коваленского²⁴, хотя это было не совсем точно.

В 1853 году решением общего собрания от 7 апреля на нужды Дирекции Музеума было решено выделять 300 рублей серебром в год²⁵. Впрочем, в первые годы траты были не слишком большими. Об этом свидетельствует то, что до конца 1856 года из причитавшихся ежегодно 300 рублей серебром Дирекция вытребовала только 100 руб. в 1854 году, 125 руб. в 1854–1855 гг. Только в конце 1856 года Дирекция обратилась к общему собранию о выдаче всех остальных средств. По его решению из казны КОИРГО было выделено 675 руб.²⁶. В начале 1859 года Музеуму снова были выделены деньги за три года: 900 рублей за 1856–1858 гг.²⁷. Помимо расходов на наём помещения и составление коллекций, денежные траты предполагали заказ необходимой мебели, наём сторожа, заготовление дров и покупку разных необходимых принадлежностей²⁸.

Музеум пополнялся «из собственных средств Отдела» и «из добродетельных приношений разных лиц»²⁹. Дирекция составила программу, в которой было определено, что именно должно войти в состав Музеума. Она была отпечатана в количестве 400 экземпляров и разослана во все места Кавказского и Закавказского краёв с приглашением принять посильное участие в пополнении Музеума³⁰. В 1853 году было принято предложение австрийского натуралиста Фридриха С. Байера (Байерна) о составлении им для Музеума первоначальной коллекции естественных произведений Кавказа. На это было выделено 326 руб.³¹. Ф.С. Байер около 15 лет занимался собиранием предметов естественной истории Кавказа, поэтому Дирекция Музеума предложила ему должность консерватора естественно-исторического отделения с окладом 200 рублей серебром в год и с оплатой по необходимости поездок по Кавказу.

С марта 1859 года австриец приступил к исполнению своей должности. Он совершил четыре поездки по краю (1859, 1860 и 1862 гг. – за счёт Отдела, 1861 г. – за свой счёт³²) для сбора материалов, объездив большую его часть. Собранных им предметов оказалось так много, что из них можно было бы составить полноценные геогностическое,

ботаническое и энтомологическое собрания. Однако средства Отдела и отсутствие достаточного помещения не позволили это сделать³³. Мешало и отсутствие специалистов, кроме самого Ф.С. Байера. В результате большая часть материалов так и не была разобрана и хранилась у австрийского учёного дома.

Кроме того, подполковник горных инженеров А.Б. Иваницкий подобрал для Музеума коллекцию минералов³⁴.

Коллекция Музеума пополнялась постоянно за счёт покупок, дарения и сбора материалов членами Отдела. Например, в 1854 году начальник 21 пехотной дивизии генерал-лейтенант барон А.К. Врангель пожертвовал Музеуму коллекцию насекомых в числе 774 экземпляров, собранную им в разных частях Закавказья³⁵. В том же году значительная коллекция древних вещей и монет была принесена в дар Музеуму управляющим Московским торговым домом с Азией в Тегеране купеческим сыном Егором Давидовичем Макинцевым³⁶; действительный член КОИРГО наказной атаман Кавказского линейного войска генерал-майор князь Г.Р. Эристов подарил Музеуму четыре наконечника стрел, найденных ногайцами в «песчаных сугробах около урочища Ан-Кетер»³⁷, а княгиня М.С. Бебутова – раковину «замечательного вида»³⁸.

27 июня 1855 года на общем собрании был представлен «альбом персидских типов, портретов некоторых замечательнейших в Персии лиц и проч.», пожертвованный в пользу Отдела посетившей Персию Амалией Фёдоровной Решетовой, урождённой Вольтерс. В нём было до 40 рисунков. Альбом этот также был передан в Музеум³⁹.

В 1855 году поступило предложение от чиновника штаба Отдельного Кавказского корпуса А.П. Черепова принять на себя за плату изготовление птичьих чучел для орнитологической коллекции Музеума⁴⁰. Решением Распорядительного комитета 23 января 1856 г. было решено, чтобы А.П. Черепов посылал в Отдел готовые чучела, их здесь изучали и, если они подходили для Музеума, то чучела покупали, если же нет, то возвращали обратно⁴¹.

К началу 1855 года количество экземпляров Музеума составляло до 3 300 образцов⁴². Полный список пожертвований по 1 июля 1855 года составлял 44 позиции. В целом, к тому же числу в Музеуме было 3 355 предметов:

1) По этнографическому кабинету – 24 предмета домашней утвари, 47 костюмов, шесть предметов оружия, одна сбруя, девять музыкальных инструментов, 40 рисунков типов, костюмов и пр.

2) По естественному кабинету: 342 представителя царства ископаемых, 333 – царства растений, 2 108 – царства животных.

3) По историческому кабинету: четыре рисунка древних зданий, четыре обломка барельефов, 384 древние монеты, восемь древних костюмов и украшений, 45 единиц древнего оружия и утвари⁴³.

Музеум в 1855 году получил в дар: от генерал-лейтенанта барона А.К. Врангеля коллекцию жесткокрылых, собранных в разных местностях Закавказья (до 300 экземпляров); от княгини Марии Соломоновны Бебутовой две морские раковины и до 30 штук окаменелых раковин, найденных близ Пятигорских минеральных источников⁴⁴. В конце 1855 года в коллекции было 3 532 образца⁴⁵.

В 1856 году от генерал-лейтенанта и действительного члена Отдела барона И.А. Вревского поступил интересный подарок. В июне 1854 года в верховьях реки Валерик от сильных дождей случился обвал, и под ним открылась пещера, в которой был найден скелет женщины. На ней были два золотых браслета, два золотых перстня, ожерелье и несколько золотых слитков. Барон сообщил, что различных старинных находок в этих местах обнаруживается местным населением много. В Музеум он передал золотой браслет, золотой перстень, два слитка серебра, два украшения от ожерелья, четыре монеты и железный колокольчик⁴⁶.

В 1856 году от княгини М.С. Бебутовой в Музеум поступило 27 окаменелых раковин⁴⁷. В октябре того же года от штаба Кавказского корпуса в дар Музеуму были переданы древние вещи в виде слитков золота и бронзовой композиции, которые были найдены линейными казаками в обрыве горы

над р. Лабой; а также окаменелости и статуэтка, которые через Н.В. Ханькова передал из Персии почётный гражданин и член-сотрудник Отдела К. Саррафов⁴⁸. В 1856 году член-сотрудник Е.Д. Макинцев подарил Музеуму две древних коробочки: китайскую черепаховую резную и индийскую из слоновой кости⁴⁹. В том же году навсегда покинувший Тифлис правитель дел и редактор «Записок КОИРГО» Е.А. Вердеревский подарил Отделу два стальных и четыре столовых подсвечника, бронзовую чернильницу и некоторую мебель из своей обстановки⁵⁰. А действительный член Отдела барон И.А. Вревский преподнёс Отделу 11 серебряных знаков, которыми Шамиль награждал отличившихся, и стул «осетинского племени»⁵¹.

В 1856 году из-за большого количества монет, собравшихся в коллекции Музеума, при содействии директора Музеума И.А. Бартоломея был создан Мюнц-кабинет, и была начата ревизия всех имевшихся монет⁵².

К 1 октября 1856 года состав Музеума был следующий:

1) В этнографическом кабинете: домашней утвари – 20 шт., костюмов со всеми к ним принадлежностями – 13 мужских, 38 женских, сбруи – 6, оружия – 8, музыкальных инструментов – 9, церковной утвари – 2. Всего – 96 предметов.

2) В естественном кабинете: царства ископаемого – 342 образца, царства растительного – 333, царства животного – 2 108. Всего – 2 783 предмета.

3) В историческом кабинете: рисунков древних зданий, городов, развалин и пр. – 4, обломков барельефов – 4, древних монет (определённых) – 93, древнего оружия и утвари – 10, вещей, находимых в земле при разрытии развалин – 4. Всего – 115⁵³.

К 1 октября 1857 года коллекция Музеума пополнилась по этнографическому кабинету – на 108 предметов (добавилось шесть предметов домашней утвари, костюмов со всеми к ним принадлежностями – четыре мужских, два женских), но сократилась до 113 предметов по историческому (вещей, находимых в земле при разрытии развалин,

добавилось две штуки, но четыре обломка барельефов исчезли из списка)⁵⁴. В 1857 году в Музей поступил аэролит (метеорит), который упал на глазах крестьянина Михаила Калашникова в хуторе Швидином села Петровского Ставропольского уезда и был им передан в Отдел⁵⁵. В том же году штабс-капитан Абабеликов подарил Музею свою коллекцию бабочек, а генерал-майор Исмаил-бек Куткашвили – фарфоровую чашку с грузинскими надписями⁵⁶.

К 1 октября 1858 года коллекция была следующей:

1) В этнографическом кабинете: домашней утвари – 26 шт., костюмов со всеми к ним принадлежностями – 17 мужских и 40 женских, сбруи – 6, оружия – 8, музыкальных инструментов – 9, церковной утвари – 2. Всего – 108 предметов.

2) В естественном кабинете: царства ископаемого – 342 образца, царства растительного – 333, царства животного – 2 108. Всего – 2 783.

3) В историческом кабинете: рисунков древних зданий, городов, развалин и пр. – 4, древних монет (определённых) – 93, древнего оружия и утвари – 10, вещей, находимых в земле при разрытии развалин – 6. Всего – 113⁵⁷.

В сентябре 1859 года в Отдел был направлен горшок с медными монетами древней персидской чеканки, найденный крестьянами селения Шагалакуджа Ленкоранского участка во время распахки. Отдел купил эти монеты за 15 рублей серебром⁵⁸.

В 1859 году при Музее была учреждена должность консерватора Естественного кабинета, которую занял упоминавшийся Ф.С. Байер. Первое дело, которое было совершено консерватором – путешествие по Эриванской губернии, где была собрана коллекция минералов и насекомых. По историческому и этнографическому кабинетам прибавления не было⁵⁹. В следующем году консерватор по-прежнему ездил по Краю, собирая коллекции. Но разбор их затянулся, поэтому в начале 1860-х гг. коллекции всех трёх кабинетов оставались неизменными⁶⁰.

В 1860 году действительный член КОИРГО А.П. Берже передал в подарок Му-

зеуму вещи из домашней утвари жителей Кутаисской губернии и Мингрелии⁶¹. В 1861 году О.И. Ходзько подарил Музею приобретенный им в Аварии музыкальный инструмент – чагана⁶². В 1862–1863 гг. продолжался и централизованный сбор экспонатов. Коллекция Музеума, благодаря поездкам его консерватора, пополнилась существенно: естественно-исторический отдел добавил в себя 300 номеров горных пород и 100 номеров окаменелостей, а исторический – 7 номеров⁶³.

Краткое описание содержимого отделений Музеума на 1863 год состояло из вещей собранных, пожертвованных и приобретенных⁶⁴. При этом пожертвованные вещи составляли большинство. Даже на общем собрании Отдела 14 апреля 1864 года, где рассматривалось предложение о ликвидации Музеума, в его коллекцию были сделаны приношения. И.И. Ходзько подарил коллекцию дагестанских пород и окаменелостей с научным каталогом, составленным академиком Г.В. Абигом, а действительный член КОИРГО А.А. Висковатов – привезённые им из Кубанской области башмаки на высоких деревянных подошвах, которые знатные женщины употребляли для перехода через грязь, деревянную чашу религиозного назначения, две стрелы, добытые в верховьях реки Пшекупса⁶⁵.

Впрочем, Дирекция Музеума далеко не все подарки принимала. Так, в 1856 году после экспертизы, проведённой полковником И.А. Бартоломеем, были возвращены одна золотая и 340 серебряные монеты, найденные в русле реки Куры в кочевье Мюскюрлы Шемахинской губернии и присланные шемахинским военным губернатором. Серебряные монеты относились к временам Надиршаха и его преемников, а золотая – «к позднему времени, но венецианского чекана». Поэтому они были признаны не подходящими для коллекции⁶⁶.

В 1857 году предложение покупки коллекции монет скончавшегося в 1856 году нумизмата князя М.П. Баратаева также было отклонено из-за высокой цены (2 000 руб. серебром) и «ещё более и потому, что она составляет предмет, совершенно не соответствующий цели Отдела»⁶⁷.

Несмотря на наличие кабинетов, в целом пополнение коллекций Музеума происходило бессистемно (за исключением поездок Ф.С. Байера). Не случайно поэтому на общем собрании Отдела 13 мая 1861 года И.А. Бартоломей поднял вопрос о сокращении коллекции Музеума. По его мнению, КОИРГО должен не просто хранить вещи, а заниматься распространением сведений о Крае. Музеум же занимал много места и дорого обходился КОИРГО. Поэтому И.А. Бартоломей предложил хранить в Музеуме только небольшие вещи, не подверженные порче, а громоздкие, тяжёлые и подверженные порче передать в учреждения, где они могут принести действительную пользу⁶⁸.

В дальнейшем, в связи с проблемами с помещением, деньгами и постоянным бессистемным ростом коллекций, встал вопрос о целесообразности Музеума. Как отмечалось в отчёте 1863 года, «все отделения его далеко не полны, а, следовательно, в настоящем виде не представляют материала для изучения Края. Чтобы он удовлетворял своему назначению, необходимо расширить его помещение, дополнить и привести в систематический порядок его коллекции»⁶⁹. Для этого не хватало денег.

На общем собрании КОИРГО 14 апреля 1864 года А.П. Карцов доложил собранию Комитета относительно финансовой стороны существования Отдела, отметив, что главные траты производились на издание «Записок» и на составление Музеума. Составление последнего стоило Отделу примерно 1 350 руб. в год и состояло из: 800 руб. на наём помещения, 200 руб. жалования консерватору, 300 руб. ему же на поездки по Краю, около 50 руб. на мелкие расходы⁷⁰. При сдаче должности директора Музеума в апреле 1861 года барон А.П. Николаи передал оставшиеся у него из ассигнованных на Музеум денег 235 руб., а после скорострительной смерти П.Н. Рисса у него в столе было найдено 51 руб. 89 коп. Таким образом, при сдаче в Распорядительный комитет шнуровой книги Музеума (так называлась финансовая книга) общая сумма имевшихся в его распоряжении денег со-

ставляла 286 руб. 89 коп. Правитель дел Отдела, к которому перешло управление Музеумом, выплатил из неё 200 руб. жалования консерватору. На декабрьском 1862 года заседании Комитета было решено жалование консерватору выплачивать раз в четыре месяца, на расходы Музеума «выдавать по представлениям его из сумм Отдела каждый раз по обсуждению Комитетом необходимости расхода». Правителю дел Д.И. Коваленскому было постановлено выдать на жалование консерватору Музеума в январской трети 1863 года 66 руб. 66 коп. и на расходы Музеуму примерно 100 руб.⁷¹.

Финансовые проблемы КОИРГО начала 1860-х годов окончательно поставили крест на Музеуме. Недостаток средств для содержания Отдела вызвал необходимость резко сократить расходы. Общая сумма прихода составляла в среднем 2 400 рублей в год, а траты – около 3 130 рублей серебром⁷². «Теперь для Отдела трудно не только какое бы то ни было новое предприятие, но даже и выполнение прежних, – отмечалось в отчёте 1864 года. – ...Между тем, бросается в глаза состояние нашего Музеума, при котором он остаётся совершенно бесполезною роскошью и требует не поддержания его в теперешнем виде, но улучшений и расширений. А для этого потребуются новые и большие издержки, по крайней мере, до 700 рублей в год; а ежегодный дефицит (в бюджете КОИРГО. – *О.Г.*) возрастёт до 1 430 руб. Притом Музеум должен обратить на себя внимание собрания и тем, что расход на него есть самый большой из всех расходов Отдела»⁷³.

Обсуждения проблемы в Распорядительном комитете привели его членов к выводу о необходимости вынести её на рассмотрение общего собрания. 14 апреля 1864 года оно заслушало решение Комитета. «Несмотря на сознание пользы, которую может принести полный и хорошо составленный Музеум для научных исследований Кавказа, – отмечалось в нём, – нельзя не признать, что деятельность, служащая к собиранию и распространению географических сведений о Кавказе, наиболее соответствует назначению Отдела. А потому следовало бы прекратить

содержание и пополнение Музеума и передать его или в Общество сельского хозяйства, или переслать все заслуживающие внимания предметы в Музеум Общества (Императорского Русского географического общества. – *О.Г.*) или в Московский публичный музеум, о содействии которому неоднократно уже просило его управление, или, наконец, сохранить его в настоящем виде до приискания средств к открытию городского музеума, учреждения которого, вероятно, придётся ждать недолго»⁷⁴. С упразднением Музеума, по мнению Комитета, отпадала необходимость иметь помещение, поскольку фонды библиотеки можно было передать в Публичную библиотеку в Тифлисе. Таким образом, получалась существенная экономия средств – 2 130 руб., из которых 1 350 руб. приходились только на Музеум⁷⁵.

В результате, в сентябре 1864 года Музеум был ликвидирован. С августа 1864 года своего помещения лишился и Отдел⁷⁶. Материалы Музеума стали основанием для Кавказского музея⁷⁷. 2 июня 1865 года был утверждён его штат, а 2 января 1867 года состоялось официальное открытие⁷⁸. На общем собрании Отдела 30 сентября 1865 года выступил его действительный член Г.И. Радде, назначенный директором Кавказского музея. Он выразил благодарность за передачу ему коллекций и мебели Музеума КОИРГО и рассказал о том, какие шаги предпринял для организации нового заведения⁷⁹. В июне 1868 года К.Г. Радде провёл переговоры с Ф.С. Байером о передаче в музей его коллекции, которые увенчались успехом. Ф.С. Байер перешёл на работу в Кавказский музей.

Таким образом, Музеум КОИРГО просуществовал относительно недолго – около 12 лет. Его коллекции всё это время постоянно пополнялись, но в основном бессистемно, за счёт дарений и пожертвований. Исключение составляла работа Ф.С. Байера. Став в 1859 году консерватором Музеума, он за счёт Отдела и за свой счёт совершил четыре поездки по Краю, систематически собирая материалы для Музеума. Однако недостаток финансов, рост количества экспонатов при отсутствии достаточного помещения для их нормального размещения, малое

количество посетителей – всё это стало причинами ликвидации Музеума. В результате, его коллекции были переданы в создававшийся Кавказский музей, а сам Музеум был ликвидирован в 1864 году.

Примечания

¹ Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗКОИРГО). 1852. Кн. 1. С. 221.

² ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 224–225.

³ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 297; ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 2.

⁴ Кавказский календарь на 1857. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 204. Отчёт ИРГО за 1854 г. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 19.

⁵ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 197.

⁶ Кавказский календарь на 1860. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1859. С. 110.

⁷ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 292.

⁸ Кавказский календарь на 1857. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 205.

⁹ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 44–45.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 56–57.

¹³ Там же. С. 79–80.

¹⁴ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 8–9.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 190; Отчёт ИРГО за 1854 г. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 19.

¹⁸ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 243.

¹⁹ Отчёт ИРГО за 1855 год. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. С. 13.

²⁰ Кавказский календарь на 1857 год. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 563; Кавказский календарь на 1858. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. С. 460; Кавказский календарь на 1859. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1858. С. 481

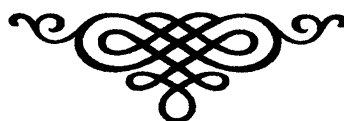
²¹ Кавказский календарь на 1861. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1862. С. 47.

²² Кавказский календарь на 1862. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1861. С. 374.

²³ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 8.

- ²⁴ Кавказский календарь на 1862. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1861. С. 374.
- ²⁵ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 192.
- ²⁶ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 246.
- ²⁷ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 47.
- ²⁸ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 197.
- ²⁹ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 298.
- ³⁰ Отчёт ИРГО за 1854 г. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 19.
- ³¹ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 195–196.
- ³² ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 27–29.
- ³³ Там же. С. 24–25.
- ³⁴ ЗКОИРГО. 1853. Кн. 2. С. 197.
- ³⁵ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 257.
- ³⁶ Там же. С. 279.
- ³⁷ Там же. С. 280.
- ³⁸ Там же. С. 292.
- ³⁹ Там же. С. 267.
- ⁴⁰ Там же. С. 292.
- ⁴¹ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 247.
- ⁴² Отчёт ИРГО за 1854 г. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 18.
- ⁴³ ЗКОИРГО. 1855. Кн. 3. С. 300.
- ⁴⁴ Отчёт ИРГО за 1855 год. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. С. 13.
- ⁴⁵ Там же. С. 13.
- ⁴⁶ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 240.
- ⁴⁷ Там же. С. 244.
- ⁴⁸ Там же. С. 246.
- ⁴⁹ Там же. С. 250.
- ⁵⁰ Там же. С. 251.
- ⁵¹ Там же. С. 253.
- ⁵² Там же. С. 256.
- ⁵³ Кавказский календарь на 1857. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1856. С. 204–205.
- ⁵⁴ Кавказский календарь на 1858. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. С. 198–199.
- ⁵⁵ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 18.
- ⁵⁶ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 256–257.
- ⁵⁷ Кавказский календарь на 1859. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1858. С. 195–196.
- ⁵⁸ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 58–59.
- ⁵⁹ Кавказский календарь на 1860. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1859. С. 110.
- ⁶⁰ Кавказский календарь на 1862. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1861. С. 176.
- ⁶¹ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 79.
- ⁶² ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 12.
- ⁶³ Кавказский календарь на 1864. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1863. С. 122.
- ⁶⁴ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 26–27.
- ⁶⁵ Записки Императорского Русского географического общества (далее – ЗИРГО). 1864. Кн. 3. С. 95.
- ⁶⁶ ЗКОИРГО. 1857. Кн. 4. С. 246.
- ⁶⁷ ЗКОИРГО. 1862. Кн. 5. С. 16–17.
- ⁶⁸ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 10.
- ⁶⁹ Там же. С. 27.
- ⁷⁰ ЗИРГО. 1864. Кн. 3. С. 91.
- ⁷¹ ЗКОИРГО. 1864. Кн. 6. С. 38.
- ⁷² Там же. С. 41.
- ⁷³ Там же. С. 41.
- ⁷⁴ ЗИРГО. 1864. Кн. 3. С. 92.
- ⁷⁵ Там же. С. 92.
- ⁷⁶ Кавказский календарь на 1867. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1866. С. 471.
- ⁷⁷ Отчёт Кавказского отдела Императорского Русского географического общества за 1870 год. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1871. С. 2.
- ⁷⁸ Раdde Г.И. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1-го января 1867 по 1-е января 1892 года. Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1891. С. 30.
- ⁷⁹ Известия Императорского Русского географического общества. 1865. Т. 1. С. 295.

ЭФИОПЫ В ИЕРУСАЛИМЕ

Эфиопы, или, как их раньше чаще всего называли, абиссинцы, в массе своей христиане. Они придерживаются той же конфессии, что и часть египтян, и до 1959 года подчинялись александрийскому коптскому патриарху¹. В 1874–1876 годах Египет, расширявший контролируемую им территорию, попытался захватить Абиссинию. Но ему это не удалось. Египтяне потратили немало сил и средств на эту кампанию и только усилили свою финансовую зависимость от Запада. Через 6 лет, в 1882 году, Египет был захвачен Великобританией и надолго стал колонией, оставаясь при этом формальным владением Османской империи.

Абиссиния тем временем столкнулась с ещё одним желающим захватить её – итальянским королевством. В конце XIX века она оставалась практически единственной в Африке независимой страной. Итальянцы попытались подчинить абиссинцев силой. В 1887–1889 годах они вели военные действия в Абиссинии, но безуспешно. 2 мая 1889 года был подписан Учальский мирный договор между государствами. Итальянцы решили, что договор превращает Абиссинию в их протекторат. Абиссинцы с этим не согласились. В 1895–1896 годах вспыхнула новая война с Италией, закрепившейся в Эритрее, и вновь Абиссиния сохранила свою независимость. Тем не менее, попытки итальянцев захватить эту страну продолжались. Это заметно и в приводимых документах.

Абиссинцы, хотя и подчинялись коптскому патриарху, но находились довольно далеко от Египта. Большая разница в языках тоже препятствовала общению. Да и египтяне нередко считали абиссинцев не своими, равными себе, а более низкими, как евреи в Израиле считают арабов. Поэтому египтяне притесняли абиссинцев в Иерусалиме, как это видно из публикуемых документов. Помогали абиссинцам российские дипломаты.

Поставленный на первое место документ составлен на месяц позже второго. Но он показывает попытку абиссинцев добиться у турок равноправия с египтянами в Иерусалиме. Второй же документ даёт общую картину положения абиссинцев в Святой Земле.

Депеша № 62 Д.С.С. Лишина² Аддис-Абеба, 12 декабря 1903 года

Император Менелик³ намеревается отправить в Константинополь одного из доверенных лиц, Деджамача Машиша, с поручением к турецкому Султану. Машиша должен убедить последнего отдать в Иерусалиме эфиопским монахам находящееся возле купола Гроба Господня место, которым завладели копты.

Посланец Джанхоя⁴ повезёт Султану орден Эфиопской Звезды, щит, украшенный золотом, шитое золотом седло, два копы с серебряными украшениями и несколько слоновых клыков. Турецким министрам он привезёт ордена и разные подарки.

Сегодня утром, по желанию Джанхоя, меня посетил Деджамач Машиша, отъезд которого из Аддис-Абебы состоится в первых числах будущего января.

Он подробно изложил мне план своего путешествия и просил моего содействия и рекомендации к русским представителям в Египте, Иерусалиме и Константинополе.

Деджамач Машиша отправится в путь в сопровождении настоятеля Эфиопского подворья в Иерусалиме Мамыр (игумен) Факаде.

Он проедет сначала в Египет, где обратится к Коптскому патриарху с просьбой приказать коптским монахам в Иерусалиме возвратить абиссинцам неправильно захваченный коптами участок. После переговоров с Патриархом Машиша и Факаде направятся в Иерусалим, где они проведут Пасху. В случае согласия Коптского патриарха на возвращение захваченного участка, Машиша зай-

мёт этот участок и оформит передачу его официальными актами, прибегнув, ежели коптские монахи окажут сопротивление, к содействию турецких властей. Если же Коптский патриарх откажется возвратить участок абиссинцам, то Машиша всё-таки поедет в Иерусалим для изучения на месте дела о захвате.

Из Иерусалима посланец Джанхоя направится в Константинополь, чтобы благодарить Султана за передачу участка, если она состоится, или же, в случае упорства коптов, просить Падишаха о восстановлении права Эфиопского правительства, нарушенного подданными Султана коптами.

Деджамач Машиша просил содействия России, к которой император Менелик обращается с целью избежать предлагаемого и даже навязываемого ему содействия Италии⁵.

«Мы все знаем, - говорил Машиша, - как весною прошедшего 1902 года вы устроили высадку Абуны Матеоса в Бейруте, вопреки желанию итальянцев принять его у себя; поэтому мы надеемся, что теперь, после приёма Абуны Матеоса в России, нам легко будет обойтись без помощи католиков».

Я посоветовал Машише плыть от Александрии до Яффы и от Яффы до Константинополя на русском пароходе, вследствие чего он косвенно поставит себя под покровительство русских властей, а об остальных эти власти могут позаботиться, не навлекая на него неудовольствия итальянцев, ревниво следящих за сношениями абиссинцев с иностранными властями. Я обещал посланцу Императора Менелика снабдить его письмами к нашему Дипломатическому агенту в Египте Д.С.С. Максимову, к Генеральному консулу в Иерусалиме С.С. Яковлеву и к послу в Константинополе Д.Т.С. Зиновьеву, лицам давно и хорошо мне знакомым. В письмах этих совершенно частного характера я уведомлю упомянутых лиц о поездке Деджамача Машиши и буду просить оказать ему содействие.

Со своей стороны осмеливаюсь просить Ваше Сиятельство о благосклонном извещении, если Вы изволите найти это возможным, Г.Г. Зиновьева, Максимова и Яковлева

о цели поездки Абиссинского посланца и об оказании ему помощи, в которой он необходимо будет нуждаться.

Деджамач Машиша благодарил меня за указания относительно пути и обещал заехать ко мне перед отъездом, чтобы ещё раз переговорить о предполагаемом им путешествии и взять рекомендательные письма.

В заключение прибавлю несколько слов о личности посланца Императора Менелика.

Деджамач Машиша здоровый, рослый старик с умным выразительным лицом и белыми курчавыми волосами. Он много сражался с итальянцами в Тигре и потом управлял областью Бегамдир. Он участвовал в заговоре против Менелика, был схвачен и посажен в цепи. Впоследствии Менелик простил его и приблизил к себе. В настоящее время Машиша является одним из наиболее доверенных лиц Джанхоя, который недавно выразился о нём таким образом: «Когда кто-нибудь из моих приближённых говорит мне что-нибудь, то я слышу его слова, но не знаю, что у него на сердце; когда же говорит Машиша, то я знаю, что его слова идут прямо от сердца».

Из достоверных источников мне известно, что Машиша беден, не притесняет своих подчинённых и не берёт взяток, что большая редкость среди абиссинцев.

С глубоким уважением и проч.⁶

**Записка российского императорского
генерального консула в Иерусалиме⁷
от 8 ноября 1903 года
о положении абиссинцев в Св. Земле**

С очень давних пор положение абиссинцев здесь было крайне неопределённо. За отсутствием договоров с Турцией они не имели ни национального, ни иностранного покровителя, и вследствие этого местная власть вполне употребляла их турецким подданным. Но, со времени открытия своего в Иерусалиме в 1859 г. и до конца 80-х годов прошлого века, императорское консульство неофициально заступалось за них. В 1888 г. император Менелик просил наше правительство принять под нашу защиту как здешних абиссинцев, так и их церкви и недвижимо-

сти. Г. императорский посол в Константинополе писал об этом г. министру иностранных дел в своей депеше от 2 июня 1888 г., № 85. Но о последующем ходе этого ходатайства в архивах генерального консульства не имеется никаких следов.

С 1889 г. Абиссиния начала живее интересоваться положением своих соотечественников. В декабре этого года сюда заехал, возвращаясь в Абиссинию, Рас Маконен и граф Салимбени, итальянский посланник при императоре Менелике. В конце 1896 г. через Константинополь проехала абиссинская миссия, главными членами коей были Ато Иосиф и г. Леонтьев. Императорское посольство покровительствовало ей и давало ей советы. На аудиенции у султана она подала его величеству записку о положении абиссинцев в Иерусалиме и просила его о возвращении им отнятых у них коптами: 1) в 1861 г. часовни Св. Ангела, находящейся в храме Св. Гроба Господня (см. № 38 на плане, приложенном к моему донесению от 28 ноября 1894 г. № 1050⁸); 2) в 1861 г. — двух комнаток в том же храме, находящихся за скамьёю мусульманских привратников (№№ 41 и 42 на том же плане) и 3) в 1893 г. часовни Сорока Мучеников, находящейся там же (№ 40 на упомянутом плане). Кроме этого, миссия просила о разрешении заменить лёгкими постройками те лачуги, в которых абиссинцы живут ныне на террасе Пещеры обретения Св. Креста, об освобождении абиссинцев от зависимости от армян и коптов в делах о наследстве, браке, приданом, разводе и о погребении умерших, а также о признании Портою⁹ политического представителя, которого император Менелик пожелает назначить.

Е.В. султан обещал миссии сделать всё возможное и в той форме, которая будет наиболее приятно императору Эфиопии, но ничего не сделал.

Тогда император Абиссинский обратился к Италии, и Е.В. король Гумберт в письме своём к императору Менелику от 27 июня 1897 г. согласился принять здешних абиссинцев под своё покровительство.

В сентябре 1898 г. чрез Иерусалим проехала абиссинская миссия, во главе которой

стоял дождаж Вольди. При нём находились два чиновника французского министерства иностранных дел, очень ревниво её охранявших и не допускавших никого с ней говорить о делах.

В сентябре 1900 года здесь была (проездом из Франции на родину) ещё абиссинская миссия. Ею также руководило французское генеральное консульство, где она оставила около 150 тысяч фр. на увеличение, под руководством французских монахов ассомпционистов¹⁰, дома, занимаемого абиссинским игуменом.

В 1902 г., в марте, приехал сюда Ликамакуас Надо с новым абиссинским игуменом Факаде Экзи. Им открыто руководил итальянский генеральный консул. Он в полной парадной форме прочёл у дверей загородной абиссинской церкви письмо императора Менелика к нему с просьбою, как мне передавали, о принятии здешних абиссинцев под своё покровительство. Чрез месяц сюда прибыл Маттеос, главный митрополит абиссинский. Как Надо, так и Маттеоса итальянский генеральный консул принял с очень большой торжественностью.

Несмотря, однако, на это, заступничество Италии ничем особенным здесь не выражалось. Только в начале нынешнего года положение абиссинцев значительно определилось.

Турецкий министр иностранных дел известили в марте месяце губернатора, что Е.В. Султан, по просьбе Негуса¹¹ и впредь до назначения абиссинского посла, приказал признать за итальянским консулом право покровительствовать абиссинцам на следующих условиях: 1) абиссинцы подведомственны турецким судам и законам, как и прежде, без права капитуляций; 2) к ним может быть прилагается международное право; 3) в отношении их учреждений, монастырей и церковей надо сохранить status quo.

Здесь я считаю нужным прибавить, что хотя абиссинское правительство и поручило Италии заступаться за своих подданных, но симпатии здешних монахов находятся по-прежнему на стороне императорского генерального консульства. Игумен настоятельно и многократно просил меня давать ему сове-

ты. Я не мог отказать ему в этом, и он следовал им. Так, напр., я указал ему на опасность от присутствия итальянских абиссинцев в монастыре, которые, увеличиваясь понемногу в числе, могут со временем изгнать абиссинских подданных из монастыря и завладеть им. По моему совету он без шума и под благовидными предложениями удалил их, вследствие чего ныне в монастыре находятся монахи только абиссинского подданства и абиссинской веры.

Несмотря на принадлежность свою к армяно-григорианскому вероисповеданию, они очень долго находились здесь под покровительством православной патриархии. Но в XV–XVI вв. в Иерусалиме появились копты. Так как высшее духовенство в Абиссинии избирается из среды коптов, то их здешние представители быстро вкрались в доверие абиссинцев и отобрали у них старинный, так наз. «Царский монастырь» (Дейр ес-Султан). Далее, в конце XVIII в. место православной патриархии заняла армянская патриархия. Дела покровительствуемых значительно ухудшились. Их начали обирать и копты, и армяне. Первые в особенности отличались своею мелочною придирчивостью в делах о похоронах, церковных службах, о мелких починках в лачугах, занимаемых абиссинцами.

В древние времена им принадлежало немало святынь в Иерусалиме и в Вифлееме. Ещё в XV–XVI вв. они владели монастырём Дейр ес-Султан (Царский монастырь) в 100 метрах от храма Св. Гроба Господня. Но приехавший из Египта копт втёрся к ним в доверие и начал содержать их. За ним прибыл диакон, затем священник и, наконец, епископ. Сей последний получил из Константинополя фирман на перестройку монастыря. Выведенных из него абиссинцев он поселил в жалких лачугах на террасе, покрывающей пещеру Св. Елены (№№ 130а–135а на упомянутом плане) и часовню Обретения Животворящего Креста (№№ 136–138), но затем обратно в монастырь их не пустил. Тем не менее, и на террасе они живут (по крайней мере, в нынешнее время) на правах гостей под присмотром одного копта.

В XIX в. копты начали ещё больше теснить абиссинцев.

В 1860–61 гг. копты хитростью отобрали у них ключ от входной двери на террасу и запирают её на ночь.

Когда именно они отняли у абиссинцев две комнаты (№№ 41 и 43), находящиеся за скамьёю мусульманских привратников храма Св. Гроба, я не могу сказать.

В 1860–65 гг. копты отняли у них часовню Св. Ангела, пристроенную к внешней стене храма (№ 38), а в конце 1893 года отобрали и последнюю принадлежащую им часовню Сорока Мучеников (№ 40). Последний грабёж ещё жив у всех в памяти. Посетивший Иерусалим Рас Маконен причащался в этой часовне в 1890 г. у Уальде Селляси, здешнего абиссинского священника.

Два последних завоевания коптов находятся, как говорит здешняя власть, под процессом (тахт-эль-дава). Так как они были сделаны после фирмана 1854 г., то они нарушили status quo в вопросе о святынях. Поэтому абиссинцы могут продолжать процесс и, при сильной поддержке России, могут его выиграть.

За отсутствием правильной помощи из Абиссинии их денежное положение очень печально. Их недвижимости приносят им мало дохода. Они состоят из:

1) двух домов внутри Св. Града, близ Харлампиевского монастыря, стоимостью в 100–120.000 фр. С них получалось 2500 фр. в год от найма комнат и лавок. Но с 1898 г. большой дом занят игуменом и главными монахами, а второй, меньший, отдаётся в наймы за 600–700 фр.;

2) пекарни, находящейся рядом с упомянутыми домами, и четырёх лавок, находящихся немного подалее, около Прусского Приюта Иоаннитов¹². Всё это отдаётся в наём за 700–800 фр.;

3) домика, по имени «дом Сакакини», вне города, близ дома Али бея, дающего 500 фр. дохода;

4) новой церкви, построенной за городом, и дома при ней, занятого монахами. При ней находятся три участка земли размером в 8000 кв. аршин и стоимостью в 40.000 фр.;

5) очень хорошего дома, оконченного в 1903 г. и обошедшегося им в 80.000 фр. Он предназначен для жития императрицы Таиту и выстроен на её средства. Ныне он отдан в наём за 1000 фр., но владелец соседней гостиницы хотел нанять его за 3.400 фр.

Несколько лет тому назад им принадлежал за городом, близ наших приютов, участок в 26.000 кв. аршин стоимостью в 80.000 фр. Но затем он был отдан ими в уплату долга одному банкиру, а ныне принадлежит г. Устинову, намеревающемуся построить на нём гостиницу.

Таким образом, их ежегодный доход в 1901 г. достигал 2.800 фр. Содержать на эту сумму около 100 монахов было крайне трудно. На каждого в день приходилось около 8 сантимов. Поэтому нередко монахи терпели крайнюю нужду. Так было в 1901 г. Чтобы поддержать их, православная патриархия послала им, по моей просьбе, 50 мер (около 70 п.) хлеба, стоимостью в 200 фр. Императорское посольство тоже пришло на помощь и разрешило дать им 200 франков пособия. Интересно, что в этот голодный год они просили помощи и в итальянском генеральном консульстве. Господин Карлетти обещал, но потребовал с них расписку с заявлением, что итальянское консульство всегда их кормило и содержало. Посоветовавшись со мною, они отказались от итальянской помощи. Ныне их положение немного улучшилось, так как они получают 1.000 франков за наём дома от императрицы Таиту, и, кроме того, их число уменьшилось.

В настоящее время монастырь состоит из 40 монахов и нескольких монахинь. Последние живут только в Дейр ес-Султане вместе с монахами. Все они абиссинской веры и абиссинского подданства.

Они управляются игуменом с несколькими монахами, образующими собою нечто вроде Синода. Игумен выбирается императором. Нынешний Факаде Экси толковый, развитой человек и, кажется, честен¹³.

Примечания

¹ Копты – древневосточная православная церковь.

² Лишин Константин Николаевич (1851–1906) – министр-резидент Российской империи в Эфиопии.

³ Менелик II (1844–1913) – император Эфиопии (Абиссинии) с 1889 года.

⁴ Джанхой – император.

⁵ Италия пыталась захватить Эфиопию, однако безуспешно. Эфиопия сохранилась как практически единственное в Африке независимое государство.

⁶ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Консульство в Египте. Опись 820/1. Год 1903. Дело 152. Листы 110–111.

⁷ Российским императорским генеральным консулом в Иерусалиме в это время был Александр Гаврилович Яковлев (1854–1909).

⁸ Донесение в архиве найти не удалось.

⁹ Порта (Высокая Порта) – принятое наименование правительства Османской империи.

¹⁰ Ассомпционисты (ассумпционисты) – католическая монашеская конгрегация, основана в 1845 году французским священником Эммануэлем д'Альзоном.

¹¹ Негус – царский титул в Эфиопии.

¹² Иоанниты – рыцари католического Мальтийского ордена, основавшие для паломников странноприимный дом (госпиталь) Св. Иоанна Крестителя в Иерусалиме в 1080 году.

¹³ АВПРИ. Консульство в Египте. Опись 820/1. Год 1903. Дело 152. Листы 112–115.

Л.Г. КОРНИЛОВ В АФГАНИСТАНЕ

Капитан Лавр Георгиевич Корнилов был высокообразованным офицером, овладевшим к тридцати годам персидским, татарским, английским, французским и немецким языками, а также разными местными наречиями народов Туркестана, где он пожелал служить по окончании в 1898 году Академии Генерального штаба¹. Знание языков, а также обычаев и традиций Востока очень скоро ему пригодилось.

Начало его карьеры разведчика вышло достаточно спонтанным и первоначально отдавало авантюрой. Судя по воспоминаниям генерала А.С. Лукомского, написанным уже после смерти Корнилова, произошло это следующим образом. Получивший назначение в штаб Туркестанского военного округа Корнилов вскоре был отправлен в командировку на афганскую границу в бригаду к генералу М.Е. Ионову. Ионов однажды посетовал, что ему никак не удастся получить сведений о выстроенной афганцами на берегу Аму-Дарьи крепости Дейдади. Присутствовавший при этом разговоре капитан Корнилов на другой день попросил Ионова дать ему трёхдневный отпуск и вскоре куда-то исчез.

«Через три дня, – вспоминал Лукомский, – он, как положено, вернулся и представил Ионову пять фотоснимков крепости, кроки и описание местности, подробную характеристику укреплений крепости и ведущих к ней дорог. Говорили, что во время этой рекогносцировки капитан Корнилов, рискуя жизнью (если бы он попался к афганцам, его бы ждала мучительная смерть), проделал за трое суток более 400 вёрст верхом»².

Прочтя ещё в начале 1990-х мемуары генерала Лукомского, я данным фактом очень заинтересовался, но подробностей найти нигде не мог.

Весной 2004 года, работая по какой-то теме в Российском государственном военно-

историческом архиве, я воспользовался случаем и попытался найти какие-нибудь сведения о ранней службе генерала Корнилова. На мою удачу, обнаружилась небольшая папка (архивное дело) под заголовком «Поездка в Дейдади причисленного к Генеральному Штабу капитана Корнилова». В деле содержался отчёт Л.Г. Корнилова о предпринятой им в январе 1899 года рекогносцировке под Дейдади и те самые упомянутые Лукомским пять снимков крепости.

После прочтения стало ясно, что, верно изложив события в общих чертах, генерал Лукомский сильно упростил и схематизировал подоплёку этой операции и, конечно, романтизировал образ Корнилова, изобразив его таким безбашенным партизаном.

На самом деле разведывательная поездка капитана Корнилова к крепости Дейдади была отнюдь не спонтанной, не в одночасье решённой и в три дня исполненной, а детально продуманной и тщательно подготовленной операцией.

В отчёте Корнилов пишет, что в начале ноября 1898 года он был командирован в Термез, где находилась в то время штаб-квартира начальника 4-й Туркестанской линейной бригады генерала М.Е. Ионова, с конкретным заданием – «для сбора сведений об Афганистане вообще и Афганском Туркестане по преимуществу».

Собирать сведения можно было по-разному. Например, засылая лазутчиков или используя для сбора информации местное население – торговцев, контрабандистов, караванщиков, которые регулярно бывали на той стороне границы. Благодаря хорошему знанию местных языков Корнилов быстро нашёл общий язык с термезскими туркменами и вскоре стал среди местных контрабандистов своим человеком. Им импонировало, что русский офицер держался с ними запросто, без кичливости, а главное, говорил по-туркменски почти так же хорошо, как они.

С ноября по январь Корнилов в компании с ними, видимо, неоднократно переправлялся через Аму-Дарью на афганскую сторону для проведения глазомерной съёмки приграничной полосы. Об этом, в частности, свидетельствует финансовый отчёт 13-го Туркестанского линейного батальона о выдаче капитану Генерального Штаба Корнилову 300 рублей «для разведок в Афганистане»³. Охотники этого батальона не раз помогали Корнилову переправляться на тот берег и обратно. С командиром охотников, военным инженером капитаном Кастальским у Корнилова установились дружеские и доверительные отношения.

Однако всё это были короткие вылазки. Они не позволяли получить информацию о более отдалённых районах приграничья. Вместе с тем генерала М.Е. Ионова более всего интересовала крепость Дейдади, выстроенная недавно афганцами при содействии британских военных инженеров.

«В ряду прочих вопросов, – пишет в рапорте Корнилов, – вопрос о крепости Дейдади был наиболее интересным и запутанным <...> почему единственное средство получить о ней сколько-нибудь верные сведения было одно – самому поехать и осмотреть Дейдади. На этом решении я и остановился»⁴.

Отсюда можно сделать вывод, что намерение добраться до крепости Дейдади было личной инициативой Корнилова. И, действительно, сомнительно, чтобы генерал решился отправить офицера Генштаба лазутчиком далеко за Аму-Дарью, подвергая его серьёзному риску быть схваченным и казнённым афганцами. Другой вопрос – совершалась ли та поездка с ведома Ионова или вовсе втихоря, «по-партизански» – остается открытым. Мне представляется возможным, что какой-то разговор на эту тему у Корнилова с Ионовым был. Капитан вызывался ехать добровольцем, ссылаясь на хорошее знание местных языков и свою азиатскую внешность. На что генерал мог ему ответить следующим образом: «Приказать не могу, но препятствовать не буду». Конечно, это лишь предположение, утверждать не берусь, но подобно-

го рода прецеденты случались и прежде, и после.

Дальше началась уже собственно подготовка самой операции: разработка маршрута, продумывание легенды, поиск проводников, выбор путей возврата.

С проводниками вопрос решился быстро. «Провести меня, – сообщает Корнилов, – взялись два Теркмена⁵: Мулла-Рузы, богатый торговый человек из кишлака Чушка-Гузара, и его приятель Худай-Назар, житель кишлака Шор-Тепе /на Афганском берегу Аму-Дарьи/, – по ремеслу – отчаянный, смелый контрабандист»⁶.

Туркмены, однако, поставили офицеру условие: ни в коем случае не даваться афганцам в руки живым. В противном случае они обрекали на гибель и себя тоже. Он заверил их, что последнюю пулю оставит для себя.

План Корнилова состоял в том, чтобы выдать себя за туркмена и под этой личиной пройти линию афганских пограничных постов, а, «миновав их, идти далее совершенно свободно и открыто, днём, держа путь на Балх и Дейдади»⁷.

Скрытности предстоящей рекогносцировки способствовало наступление рамадана⁸ – месяца мусульманского поста, «во время которого, – как пишет Корнилов, – мусульмане днём почти не ездят», и путники на дорогах попадают редко. Чтобы крепость, при необходимости, можно было бы осмотреть и ночью, время вылазки специально приурочили к полнолунью.

Возвращаться – из предосторожности – планировалось другой дорогой: через Тахтапуль, Мазари-Шариф и Сылгырт.

Для обеспечения надёжного и безопасно-го возвращения вылазка Корнилова в афганские тылы была совмещена с гидрографическими исследованиями русла Аму-Дарьи, которые проводились силами команды охотников капитана Кастальского. «С капитаном Кастальским, – писал Корнилов, – я условился, что с 12-го по 16-е января его люди будут каждую ночь наблюдать с лодок афганский берег»⁹. При появлении на афганском берегу условного знака люди капитана Кастальского должны были скрытно подой-

ти к афганскому берегу на лодках и забрать разведчиков.

В ночь с 12-го на 13 января 1899 года Корнилов с Мулла-Рузы переправились вплавь через Аму-Дарью на надутых воздухом бурдюках (гупсарах) в районе кишлака Шор-Тепе, где их ждал Худай-Назар с заранее приготовленными и осёдланными лошадьми. Они немедленно выехали, скрытно минуя афганские пограничные разъезды, в сторону Балха, куда прибыли к исходу дня 13 января.

В городском караван-сараяе остановиться не рискнули, поскольку выяснилось, что там обосновались на ночлег несколько туркменов, служивших в афганской иррегулярной коннице. Для ночлега выбрали одну из пустых лавок базара. Однако эта скрытность едва не оказалась роковой. Из караван-сарая, явно по их душе, явился человек, вооружённый револьвером, который, по словам Корнилова, всё время вертелся подле них и «приставал с расспросами»¹⁰. Троица лазутчиков изо всех сил старалась продемонстрировать беспечность, но один неверный ответ мог привести к провалу. В итоге от ночлега в Балхе решили вообще отказаться. Нежелание остановиться в караван-сараяе пристававшему с расспросами афганцу объяснили спешной надобностью быть к утру в Мазари-Шарифе, а остановку в Балхе сделали, мол, только для того, чтобы совершить здесь ифтар¹¹ и дать отдых лошадям.

Чтобы избежать дальнейших вопросов, снялись срочно, наскоро перекусив и даже не успев покормить лошадей (их пришлось кормить, выйдя из города и хорошенько спрятавшись в глубине заброшенного фруктового сада). Около часа ночи Корнилов с проводниками двинулись по дороге к Мазари-Шарифу, но, проехав полторы версты, резко свернули на юг, к кишлаку Дейдади.

«По южную сторону моста, шагах в 400 от него, – сообщает Корнилов, – виднелись казармы афганских войск, по другую – приблизительно в таком же расстоянии, крепость Дейдади. Через мост, из казарм в крепость и обратно беспрестанно проходили солдаты. Некоторые подсаживались к нам

перекинуться несколькими словами и покурить “лим”»¹².

Один из проходивших через мост афганцев оказался джамадаром (поручиком. – А.Х.) пехотных частей, расквартированных в Дейдади. Он задал путникам вопрос: «Вы назначены в караул? Отчего не едете на службу?» Такого вопроса не ожидали, но Худай-Назар, по словам Корнилова, быстро нашёлся и очень удачно ответил: «Сейчас едем». Удовлетворённый ответом, офицер ушел в крепость. Из вопроса офицера стало ясно, что части туркменской иррегулярной конницы время от времени наряжаются в сторожевые разъезды вокруг крепости¹³. «Очевидно, в этот день, – записывал позже свои соображения Корнилов, – ввиду ухода Джума-ханцев и неприбытия из Акчи двух туркменских сотен, которые, по имевшимся у меня сведениям, должны были их сменить, караулов и разъездов не было наряжено. Афганский пехотный офицер и солдаты могли этого и не знать, и они, по-видимому, приняли нас за нукеров, уже прибывших из Акчи»¹⁴.

Однако выехали они всё-таки не сразу, оттягивая под разными предлогами отъезд. Решили дожидаться, пока поднимется солнце, чтобы Корнилов мог использовать портативный фотоаппарат, имевшийся при нём.

Около 8 часов утра офицер, который отправлял их ночью в дозор, снова явился в харчевню и, увидев, что они ещё здесь, принялся их отчитывать: «Вы ещё не уехали на службу? Убирайтесь отсюда!» Ослушаться было уже невозможно. Но как раз в это время выглянуло солнце, и Корнилову на выезде из харчевни удалось скрытно сделать несколько снимков казарм, расположенных вблизи крепости.

Объезжая саму крепость по периметру, Корнилов вёл себя ещё более отчаянно и дерзко. Он не только зарисовывал в блокнот схему крепости и делал заметки, но и, следуя вдоль восточной, наиболее освещённой её стены, решил извлечь из седельной сумки фотоаппарат и сделать пять фотографических снимков¹⁵. Его манипуляции с аппаратом, по счастью, не заметили ни со стен крепости, ни из кишлака.

Из-под стен Дейдади Корнилову, выдававшего себя за туркмена, удалось ускользнуть уже буквально под носом у подходивших к крепости туркменских конных сотен. Они появились в тот момент, когда капитан собирался осмотреть западный фас крепости.

Сам Корнилов пишет об этом очень сухо и кратко: «Осмотреть западного фронта [крепости] не удалось, так как со стороны кишлака Тохта подъезжали туркмены»¹⁶.

Увидев приближающиеся туркменские сотни, лазутчики немедленно покинули окрестности Дейдади, взяв направление на северо-восток, на Сылгыртскую дорогу, оставляя вправо от себя город Мазари-Шариф. Появляться там было ни в коем случае нельзя, поскольку по рассказам тех, кто побывал в Мазари-Шарифе, каждого путешественника, прибывшего в город, тотчас же опрашивал полицейский, записывая в особую книгу его имя, место жительства, цель приезда и имена лиц, которые могут удостоверить его личность. За неимением поручителей таковым становился хозяин дома или караван-сарая, где остановился прибывший; он и отвечал за него перед властями. «При таких условиях, – писал Корнилов, – легче было пробраться в Дейдади, чем побывать в Мазари-Шарифе»¹⁷.

Миновав Сылгырг, разведчик и его сопровождающие двинулись к русской границе, но в восемнадцати верстах, сообщает в отчёте Корнилов, «забрались в такие сыпучие барханы, что лошади с трудом передвигали ноги, и мы только к двум часам утра вышли к берегу Аму-Дарьи против развалин Термеза, где нас и взяли на лодки охотники 13 батальона»¹⁸.

Когда утром генерал М.Е. Ионов получил от Корнилова снимки Дейдади, кроки местности и подробное описание крепости, он немедленно направил рапорт командующему ТуркВО генерал-лейтенанту Н.А. Иванову, ходатайствуя о награждении инициативного офицера.

Командующий, однако, посмотрел на всё это дело иначе. Генерал М.Е. Ионов получил выговор за несанкционированную разведывательную акцию и за то, что рисковал

офицером Генерального Штаба в деле, которое могло бы окончиться не только дипломатическим скандалом, но и мучительной казнью офицера. Сам Корнилов также получил выговор и был предупреждён, что будет взят под арест при повторении подобного.

Впрочем, эта история имела для капитана и свои плюсы. Она сыграла заметную роль в его дальнейшей карьере разведчика. Инициативного, решительного и владеющего местными языками офицера с тех пор взяли на заметку и в дальнейшем целенаправленно привлекали к ответственным разведывательным операциям.

Примечания

¹ Как окончившему Академию Генштаба по первому разряду и с серебряной медалью Л.Г. Корнилову было предоставлено право выбрать место службы по своему усмотрению.

² Из воспоминаний генерала А. Лукомского // Архив русской революции. М.: Terra, 1991. С. 101-102.

³ *Басханов М.К.* Генерал Лавр Корнилов. Л.: Skiff Press, 2000. С. 68.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2128. Л. 1.

⁵ При цитировании архивных документов сохранено правописание оригинала.

⁶ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2128. Л. 7об.

⁷ Там же.

⁸ Корнилов называет его по-местному «Ураза».

⁹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2128. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 9об.

¹¹ Вечерний намаз, после которого в месяц рамадан мусульманам можно есть (примечание Л. Корнилова).

¹² Род кальяна (примечание Л. Корнилова).

¹³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2128. Л. 9об.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ Там же. Л. 12об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-34-42

Вальдемар Шмидт

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Периодическая печать имеет большое значение при исследовании определённых исторических событий, а также является одним из первостепенных источников при рассмотрении вопросов прошлого российских немцев и их переселения в восточноафриканские колонии Германии в годы, предшествующие Первой мировой войне, тем более, что тема этого переселения практически не исследована. Много интересного фактического материала имеется в публикациях периодической печати, которая непосредственно выходила в колониальных владениях Германии в Немецкой Восточной Африке. В исторических исследованиях, посвящённых колониальному прошлому Восточной Африки, практически не проанализированы публикации колониальной прессы, хотя материалы двух ведущих газет «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» не только освещали вопросы экономического развития этой колонии Германской империи, но и не остались в стороне от публикаций материалов о переселении в колонию различных контингентов европейских переселенцев, к числу которых принадлежали немцы Российской империи.

В публикациях в той или иной степени были освещены вопросы, связанные с процессом переселения немцев из России в колониальные владения Германии в Восточной Африке, его динамика и особенности, этапы и последствия для развития колонизации восточноафриканских колоний. Анализ газетных публикаций колониальной прессы 1906–1909 годов позволяет расширить наши представления о масштабах этого переселенческого движения, о регионах, куда были заселены российские немцы, а также об отношении различных слоёв населения колонии и ведомственных колониальных служащих к данной проблеме.

При анализе материалов колониальной прессы восточноафриканских колоний Германии периода 1906–1909 годов выявляется определённая закономерность в формировании мнений и взглядов на проблему переселения немцев-колонистов из Российской империи и их использовании в колонизации восточноафриканских колоний. Интересный фактологический материал по данному вопросу содержится в публикациях колониальной прессы, издававшейся в немецкой Восточной Африке, а именно в газетах «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung», на страницах которых публиковались различные материалы о развитии переселенческого движения немцев из России, а также полемические материалы об оценке этого переселения. Во многом публикации материалов, касающихся этого переселения, в колониальной прессе носили прежде всего информативный характер. Помимо этого, газетные публикации колониальной прессы затрагивали и чисто экономические вопросы, побудившие колониальные круги Германской империи использовать контингент из числа немецких колонистов Российской империи при заселении колониальных владений в немецкой Восточной Африке. Статьи колониальной прессы восточноафриканских колоний во многом отражали особенности этого переселения, трудности и мероприятия по преодолению различных бюрократических препятствий.

Автор статьи проанализировал материалы газет «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» за период с 1906 по 1909 год, то есть тот хронологический отрезок времени, когда происходил интенсивный процесс переселения немецких колонистов из России в колониальные владения Германии в Восточной Африке. Именно в этот период в колониальной прессе публиковались материалы непосредственно о переселении, о мероприятиях колониальной администрации относительно организации этого переселения и о создании переселенческого поселения для выходцев из Российской империи в восточноафриканских колониях.

Долгое время на страницах колониальной прессы практически не имелось и не публиковалось информации об этом переселении. Первым печатным органом, проявившим интерес к проблеме переселения российских немцев в колонии Германии в Восточной Африке, явилась газета «Usambara-Post», которая была независимым печатным органом, отражавшим экономические интересы переселенцев в Восточной Африке. Выходила каждое воскресенье в Танге.

Более полная информация об этом переселении появилась в газете «Usambara-Post» только лишь 1 февраля 1906 года. Было опубликовано сообщение капитана колониальной службы Августа Лейе¹, организатора переселенческого поселения для выходцев из России, в котором автор высказывал мысль о более благоприятных в экономическом смысле условиях для дальнейшего развития поселения российских немцев в горном районе Меру. Лейе обосновывал идею успешной колонизации этого региона выходцами из России тем, что во вновь организованном поселении российских немцев был собран богатый урожай пшеницы, культуры, которая являлась основной аграрной культурой, культивировавшейся на Кавказе, откуда переселилась основная масса немецких колонистов из России².

«Usambara-Post» в дальнейших публикациях о развитии поселения российских немцев в регионе Меру не разделяла мнения Лейе, вновь возвращаясь к обсуждению вопроса о возможностях заселения этого горного района восточноафриканских колоний выходцами из России. При этом высказывалась мысль, что «переселение в данный регион немецких переселенцев из России было бы желательным мероприятием и целью немецкого правительства, если бы в этом вопросе существовало единое мнение у немецкого правительства и различных колониальных учреждений»³.

В этой статье в июньском номере «Usambara-Post» высказывалось конкретное предложение губернатору Восточной Африки вплотную заняться вопросами переселения немецких колонистов из Российской империи в район Аруши и Моши, которые, по мнению редакции газеты, являлись благоприятными регионами для создания переселенческого поселения из числа переселенцев-немцев из России.

В сентябре 1907 года «Usambara-Post» публикует материалы, которые во многом противоречили взглядам и позиции А. Лейе относительно дальнейшего развития поселения российских немцев в регионе горного массива Меру. Газетная публикация по этому вопросу ссылалась на тот факт, что дальнейшее существование этого поселения невозможно по причине того, что немцы – переселенцы из Российской империи ищут возможность покинуть восточноафриканскую колонию. Газета сообщала, что «четыре семьи российских немцев требуют от окружного ведомства, чтобы их вновь выселили на родину»⁴.

К сожалению, данная публикация не указывала конкретные причины желания российских немцев покинуть Восточную Африку, ограничившись только тем, что причины бегства российских немцев были разнообразны, хотя многие поводы, побуждавшие переселенцев покинуть Восточную Африку, часто оказывались необоснованными.

19 октября 1907 года «Usambara-Post» вновь обсуждает вопрос о желании российских немцев покинуть Восточную Африку. В заметке сообщалось, «в окружном центре Аруша пойманы две семьи российских немцев из района Моши, предпринявшие попытку к бегству. Эти семьи, желающие покинуть Восточную Африку, состояли из 11 человек. Как объяснили беглецы, по их мнению, они не могут жить в районе Меру, так как посевных площадей недостаточно для того, чтобы прокормить семью, и что в этом горном районе практически нет работы, а земля, выделенная для обработки, очень плоха. Поэтому они не могут быть удовлетворены своим положением в этом районе, что и подтолкнуло их его покинуть»⁵.

Публикации об этом инциденте на страницах газеты «Usambara-Post» оставались актуальными в течение октября 1907 года. 26 октября статья, посвященная развитию поселения немцев – колонистов из России в районе Меру, была менее оптимистична, чем предыдущие публикации. Газета констатировала, что «две семьи из числа переселенцев российских немцев в

количестве 11 человек вернулись обратно в Европу, через посредничество Переселенческого комитета их переселили в Германию. Причиной их выезда из восточноафриканской колонии явилось то, что они получили очень плохую землю в горном районе»⁶. Газетная публикация не ограничилась только сведениями о причинах, побудивших российских немцев покинуть эту территорию, но и высказала довольно оскорбительные строки в адрес российских немцев-переселенцев: «Российские немцы совершенно не показали, – писала газета, – своего старания, которое было от них ожидаемо и которое должно, в сущности, быть у каждого немецкого переселенца в Восточной Африке, так что от их немецкого происхождения остался только немецкий язык»⁷.

В этом же номере газеты «Usambara-Post» была опубликована теоретическая статья Пауля Рорбаха о дальнейшей возможности колонизации района Меру выходцами из Европы. Рорбах высказал мысль, что для успешной колонизации района Меру выходцами из Европы необходимо строительство железной дороги, которая, по его мнению, должна быть построена от Узамбары до Меру, что, в свою очередь, будет способствовать проникновению европейского колониального элемента в этот район. Рорбах писал, что теперь в районе Меру живут сотни семей буров, а также немцев из России, которых колониальные органы использовали для создания прочного европейского поселения в этом районе восточноафриканской колонии Германии⁸. Однако колониальные власти Восточной Африки не разделяли мнение Рорбаха и искали другие возможности по привлечению иных переселенцев немецкого происхождения в данный регион. Свою позицию колониальная администрация в Восточной Африке объясняла неудавшейся попыткой использования контингента российских немцев при колонизации этого района.

Немцы – переселенцы с Кавказа в районе Меру, Немецкая Восточная Африка⁹.

2 ноября 1907 года «Usambara-Post» поместила материалы, в которых сообщалось, что в район Моши прибыли два представителя из немецких колоний Палестины – Георг Егер и Карл Кноль, которые по заданию своих земляков должны были ознакомиться с этим районом. Газета также упоминала о цели этой миссии, в задачи которой входило выяснение вопроса о наличии свободных земель в этом районе и о возможности переселения немецких

переселенцев из Палестины. Газета также поместила восторженный отзыв о том, что колониальные власти будут рады, если в этот район придут прилежные немецкие переселенцы из Палестины, поскольку Переселенческий комитет считает, что немцы из Палестины более выгодны для заселения этого района, чем российские немцы¹⁰.

30 ноября 1907 года «Usambara-Post» опубликовала путевые заметки Пауля Фукса, который в это время посетил поселение немцев – переселенцев из России в районе Меру. Материал интересен тем, что Фукс описал в нём общее состояние вновь созданного поселения, а к тому же указал на определённые трудности, с которыми пришлось столкнуться переселенцам из России. В частности, Пауль Фукс писал: «Большая часть переселенцев из России находится в этом районе уже семь месяцев. Губернатор передал в личное пользование каждой семье 50 га земли, помимо этого было также выделено 3 га земли на каждую семью для возделывания огородов и приусадебных участков. Для каждой семьи были построены жилые дома, а также хозяйственные постройки»¹¹.

Фукс также высказал в заметках мысль о том, что вновь прибывшие в Восточную Африку российские немцы практически не имеют никакого представления о ведении сельского хозяйства, и это, по его мнению, в конечном итоге приведёт к развалу специально созданного для этих переселенцев поселения¹².

Немцы с Кавказа в Немецкой Восточной Африке¹³.

Тема о переселении и создании поселения российских немцев в районе Меру оставалась актуальной на страницах газеты «Usambara-Post» вплоть до конца 1907 года. 28 декабря «Usambara-Post» вновь затронула тему о развитии поселения российских немцев в горном массиве Меру, поместив сообщение капитана колониальной службы А. Лейе об этом. Лейе писал: «Хозяйственные отношения в поселении благоприятные, и будущее этого поселения очень перспективное. Поселение находится в очень хорошем состоянии, так же хорошо идут дела у переселенцев. Сооружены жилые дома, коровники и другие хозяйственные постройки».

ки. Старые переселенцы (числом семь семей) в хозяйственном отношении стоят прочно. Некоторые из них работают в Аруше как ремесленники»¹⁴.

Тема развития поселения немецких переселенцев из России в районе Меру оставалась важнейшей в публикациях газеты «Usambara-Post» и в 1908 году. Правда, теперь сообщения газеты по этой теме носили совершенно иной характер, чем в предыдущие годы.

29 сентября 1908 года газета писала, что «настроения среди переселенцев российских немцев в районе Меру вновь плохое, так как урожай, собранный переселенцами, невелик, и большинство его погибло от засухи»¹⁵.

28 ноября 1908 года «Usambara-Post» публикует материал, посвящённый развитию поселения российских немцев в районе Меру. В статье отмечалось, что «положение мелких крестьян – переселенцев из России в районе Меру плачевное, их бедственное экономическое состояние объясняется тем, что у них нет достаточно транспортных средств, чтобы совершить поездку для покупки необходимой сельскохозяйственной продукции. И если так будет продолжаться дальше, то может возникнуть голод»¹⁶.

Исходя из создавшегося положения, колониальные власти в Восточной Африке были вынуждены искать новые пути и возможности для преодоления сложностей в дальнейшем развитии поселения немцев – переселенцев из России в районе Меру. 12 декабря 1908 года была опубликована информация о том, что государственный секретарь Линдекуист намерен в ноябре 1909 года посетить район Меру, где находилось поселение российских немцев. В ведомственных кругах колонии дискуссия о дальнейшем развитии поселения российских немцев в районе Меру оставалась одной из ведущих проблем в колониальных мероприятиях Германии в этом регионе.

Российский немец-каменщик в поселении Лейддорф в Немецкой Восточной Африке¹⁷.

Дальнейшие материалы, касающиеся вопросов переселенцев российских немцев в районе Меру, публиковались в газете «Usambara-Post» с мая 1909 года. 1 мая редакция газеты отмечала, что в дискуссии о дальнейшем развитии поселения в районе Меру большую роль игра-

ет вопрос об использовании российских немцев в колонизации этого района восточноафриканских колоний, в частности, в поселении Лейдорф¹⁸.

В статье о развитии отношений в Лейдорфе от 8 мая 1909 года содержался более подробный анализ создавшегося положения среди российских немцев, которое, по мнению автора публикации, и послужило основной причиной и поводом для их выезда. Газета сообщала: «Русские немцы, поселившиеся в районе Меру, большей частью происходили с Кавказа, некоторые переселенцы прибыли также из поволжских колоний. После того, как переселенцы прибыли в Лейдорф, они были очень удивлены, что им здесь нужно работать, хотя они думали, что на них будут работать местные жители. Поводом к отъезду послужил низкий урожай 1908 года, который и вызвал стремление среди немцев-переселенцев к их отъезду, так как они попросту голодали»¹⁹.

Исходя из анализа опубликованных на страницах газеты «Usambara-Post» материалов по вопросам заселения района горного массива Меру переселенцами – российскими немцами, можно сделать вывод, что все мероприятия, связанные с этим вопросом, со стороны колониальных властей не были основательно продуманы. Складывается впечатление, что со стороны ведомственных органов немецкой Восточной Африки это был чистый эксперимент. Кроме того, несостоятельность планов ведомственных органов была связана также и с тем, что основная масса переселенцев из России практически не получила работы в регионе, что, в свою очередь, повлекло развитие стремления среди немцев-переселенцев вернуться в Российскую империю или же уехать в Германию.

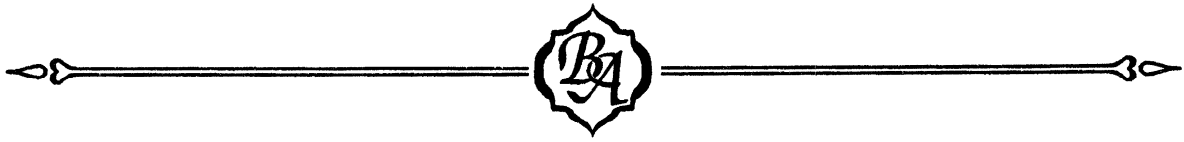
Тема переселения российских немцев в район Меру нашла своё отражение также на страницах ведущей газеты Немецкой Восточной Африки «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung», которая являлась печатным органом промышленных и хозяйственных союзов в Дар-эс-Саламе. В ней публиковались материалы о подготовке и развитии эмиграционного движения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке. Причём надо отметить, что сообщения и заметки по этой проблеме публиковались в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» с 1906 года.

«Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» в ряде мартовских номеров поместила сообщения о предстоящем переселении российских немцев в Немецкую Восточную Африку. 10 марта 1906 года газета опубликовала заметку, что «пастор Розенберг предложил план заселения восточноафриканских колоний российскими немцами. Предполагалось первоначально переселить 50 семей».

Несмотря на сообщение о подготовке переселения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке, эта статья ставила под сомнение возможность использования переселенцев из числа российских немцев, обосновывая это мнение тем, что «в прессе неоднократно подчеркивалось, что российские немцы являются подданными другого государства, и поэтому не могут быть полезны даже в случае принятия ими имперского гражданства при колонизации восточноафриканских колоний»²⁰.

20 мая 1906 года в связи с начавшимся переселением российских немцев в Восточную Африку «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» писала о целесообразности данных мероприятий следующее: «Создание поселения российских немцев в районе Меру, а точнее, в районе Узамбары нужно принять с полной серьёзностью»²¹. 16 июня 1906 года «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» сообщала, что «прибывшие в Момбасу немецкие переселенцы из России являются первым потоком колонистов для заселения района Килиманджаро. К тому же к приезду первых переселенцев колониальные власти приготовили приблизительно 100 молочных коров и других домашних животных, которые должны быть отданы во владение прибывшим переселенцам»²².

Однако «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» публиковала не только оптимистические статьи о переселении российских немцев в колониальные владения Германии, тем самым отражая различные взгляды на проблему этого переселения. 21 июля 1906 года в «Deutsch-

Ostafrikanische Zeitung» были опубликованы критические замечания Деэга, в которых автор подвергал резкой критике процесс переселения и мероприятия колониальных властей по этому вопросу. В своих замечаниях о начавшемся процессе переселения российских немцев в восточноафриканские колонии Деэг обосновывает идею о неизбежном провале начатого дела следующим образом: «Причина неудачи – ограничение земельных участков заселения в районе Моши и пригодность только трёх территорий, таких, как Кибошо, Кинди и северный Кибангаро, где ещё имеются свободные участки для переселения; всё-таки они во многом не могут быть достаточны для обеспечения переселенцев землёй. С другой стороны, переселение в какой-то степени нарушит традиционную экономическую инфраструктуру региона»²³.

Переселенческая семья российских немцев в поселении Лейддорф в Немецкой Восточной Африке²⁴.

Редакция газеты «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» в своих публикациях о переселении немцев из России выражала различные интересы и взгляды, а также опасения по поводу этого переселения. В марте 1907 года редакция газеты, ссылаясь на материалы статьи, опубликованной в «Tägliche Rundschau», критически рассматривала процесс переселения и задействования в нем контингента из числа российских немцев. В статье был затронут один из важнейших вопросов – о распределении земельных участков среди переселившихся в колонию.

Как отмечала статья, «колониальные власти должны отнестись к вопросу о переселении российских немцев в район горного массива Меру с большей серьёзностью и ответственностью. Прежде всего потому, что они должны иметь ясное представление о самих переселенцах, которые не имеют достаточно средств для своего жизненного обеспечения. Иными словами, это и есть тот самый случай, когда в район Меру переселяются абсолютно несостоятельные в экономическом отношении люди, которые в течение короткого времени не смогут создать себе определённых жизненных условий для дальнейшего своего обеспечения. К тому же раздача земельных участков выходцам из немецких колоний Российской империи будет способствовать ограничению обеспечения землёй имперских немцев, желающих переселиться в колонию»²⁵.

Эта мартовская публикация в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» в конечном итоге подвергла критике идею колониальных властей о колонизации района Меру на основе переселения немцев из Российской империи, так как это переселение, как отмечала газета, не может быть выгодным при дальнейшей колонизации этого района немецкими крестьянами из Германии.

Несмотря на первые положительные отзывы о начавшемся переселении, редакция «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» во многом оставалась на скептических позициях в отношении не только переселения немцев из России, но и деятельности местных колониальных властей по этому вопросу. 24 июня 1907 года редакция газеты высказала мысль о том, что «использование русских немцев в колониальных мероприятиях при заселении и создании прочного европейского поселения в районе Меру было использовано колониальными властями как агитационное средство для привлечения немецких крестьян из Германии, так как процесс переселения в колониальные владения имперских немцев шёл очень медленно»²⁶.

В дальнейшем редакция «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» сообщала о деятельности учреждений колонии по приёму переселенцев из России. 1 сентября 1907 года газета отмечала, что «окружное ведомство предприняло и провело огромную работу по поискам подходящего места для переселенцев российских немцев и создания определённых условий для создания этого переселенческого поселения, причём особое внимание было уделено климатическим условиям, подходящим европейским переселенцам»²⁷.

Завершая эту небольшую статью о колониальной прессе восточноафриканских колоний Германии, в которой нашли отражение вопросы, связанные с переселением в эти колониальные владения Германии в Африке немцев из России, хотелось бы отметить, во-первых, что подборка газетных статей двух ведущих газет колониальной прессы – «Usambara-Post» и «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» – определялась значимостью по освещению этого исторического факта, а во-вторых, автор преследовал конкретную цель – введение в научный оборот материалов колониальной прессы Восточной Африки для дальнейшего изучения такого малоизученного исторического факта, как переселение немцев Российской империи в колонию Германской империи. При этом надо отметить, что публикации в колониальной прессе по поводу переселения и дальнейшего использования контингента российских немцев в колониальных мероприятиях Германии имеют значение прежде всего в понимании отношения имперских колониальных кругов к российским немцам.

При анализе публикаций колониальной прессы, содержания статей и заметок по вопросу переселения российских немцев во многом становится очевиден их двойственный характер, что свидетельствует о том, что газетные публикации колониальной прессы отражали не только официальную точку зрения на переселение российских немцев, но и оппозиционные взгляды определённых кругов жителей колонии относительно этой проблемы. Анализ публикаций колониальной прессы свидетельствует о непродуманном подходе колониальных властей Восточной Африки к использованию в колониальных мероприятиях по освоению района Меру немцев из России. Это выявилось прежде всего в ограничении выдачи переселенцам земельных наделов и обеспечении их работой в созданном переселенческом поселении в этом районе. С другой стороны, публикации колониальной прессы в большинстве своём вступали в противоречие с официальной точкой зрения властей на процесс переселения, создание европейского поселения на основе переселенцев – российских немцев и его дальнейшее существование.

Примечания

¹ Август Лейе родился 1 октября 1854 г. в Дюльцене при Миндене в Вестфалии. Обучался в высшей технической школе в Ганновере. В начале 1880-х гг. примкнул к колониальному движению. Был секретарём Общества немецкой колонизации, затем секретарём Немецкого восточноафриканского общества. В 1887 году был участником организации поселения Дар-эс-Салам в немецкой Восточной

Африке и в 1888 году ввёл там немецкое управление. С 1907 по 1919 год был представителем Немецкого восточноафриканского переселенческого комитета в Лейдорфе. Умер в 1922 г. в Германии.

² «Usambara-Post» vom 1.02.1906, № 5.

³ «Usambara-Post» vom 22.06.1907, № 4.

⁴ «Usambara-Post» vom 18.09.1907, № 16.

⁵ «Usambara-Post» vom 19.10.1907, № 17.

⁶ «Usambara-Post» vom 26.10.1907, № 22.

⁷ «Usambara-Post» vom 26.10.1907, № 22.

⁸ «Usambara-Post» vom 26.10.1907, № 22.

⁹ Deutsch Russen Lager / DOA 4/52, Deutsch-Ostafrika. Bildnummer: 011-1209-13 (Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg). Koloniales Bildarchiv.

¹⁰ «Usambara-Post» vom 26.10.1907, № 22.

¹¹ «Usambara-Post» vom 2.11.1907, № 23.

¹² *Fucks, Paul*: Wirtschaftliche Erkundigungen im mittleren und nördlichen Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1907. S. 34–45.

¹³ Deutsch Russen Lager / DOA 4/51, Deutsch-Ostafrika. Bildnummer: 011-1209-12 (Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg). Koloniales Bildarchiv.

¹⁴ «Usambara-Post» vom 28.12.1907, № 31.

¹⁵ «Usambara-Post» vom 29.09.1908, № 35.

¹⁶ «Usambara-Post» vom 28.11.1908, № 47.

¹⁷ Ein deutsch-russischer „Klein-Maurer“ in Leudorf. Deutsch-Ostafrika. Bildnummer: 006-1150-17 (Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg). Koloniales Bildarchiv.

¹⁸ «Usambara-Post» vom 1.05.1909, № 16.

¹⁹ «Usambara-Post» vom 8.05.1909, № 17.

²⁰ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 10.03.1906, № 10.

²¹ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 20.05.1906, № 20.

²² «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 16.06.1906, № 24.

²³ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 21.06.1906, № 29.

²⁴ Deutsch Russen Siedler in Leudorf / DOA 4/53, Deutsch-Ostafrika. Bildnummer: 011-1215-55 (Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg). Koloniales Bildarchiv.

²⁵ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 22.03.1907, № 12.

²⁶ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 24.07.1907, № 35.

²⁷ «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» vom 1.09.1907, № 40.

РОЛЬ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ В РЕШЕНИИ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА

Примеру дашнаков – членов революционной националистической армянской партии Дашнакцутюн, истреблявших мусульманское население в Анатолии, Закавказье и Северо-Западном Иране в годы Первой мировой войны, после поражения в ней Османской империи последовали греческие интервенты, оказавшиеся в стане победителей в составе стран Антанты. Греческие войска высадились в Измире (Смирне), где устроили погром и вырезали до 10 000 мирных турецких жителей. До этого во время кровопролитных боёв между Османской империей и Грецией в годы Первой мировой войны турки «не имели никакого столкновения с греками (подданными Турции. – *Авт.*)... Греческое население вело себя корректно (по отношению к Османскому государству. – *Авт.*), соблюдало полный нейтралитет. Оно не принимало никакого участия в деле войны. Оно спокойно ожидало результатов войны. Ему, конечно, никто не мешал симпатизировать и сочувствовать в душе своим сородичам грекам...»¹.

Сказанное относится в основном к греческому населению внутренних регионов Османской империи, контролировавшихся её властями, а не прифронтовой зоны, где было достаточно повстанческих и бандитских групп из местного греческого населения, выступавших на стороне Антанты и принимавших участие в погромах мусульман. Впрочем, их массовость несоизмерима с тем, что творили дашнаки, так что даже у них действия последних вызывало осуждение. Интересны, в связи с этим, свидетельства греков о зверствах дашнаков в отношении мусульманского населения: «Армянские вооружённые беженцы на своём пути буквально сметают мусульманские селения, предают всё огню, мечу и неопишному ужасу дикого разгула... Нужно иметь нечеловеческие нервы, чтобы видеть и перенести этот ад мучений, оглушающий душераздирающими криками обезумевших женщин и детей и воплями беспомощных стариков»². Тем не менее, при всём вышесказанном, казалось, что у греков не было весомых поводов для мести туркам после того, как их страна оказалась в стане победителей. Однако из поведения греческих войск в Измире очевидно, как правящие круги Греции «оценили» лояльную политику Османской империи в отношении своих греческих подданных в годы Первой мировой войны.

Свою лепту в истребление мусульманского населения Анатолии внесла Франция, и поныне идущая в авангарде осуждения Турции за геноцид армян. Она была противником османов в Первой мировой войне, её войска оккупировали некоторые районы Турции после её поражения в 1918 году и установили в оккупированных районах режим террора.

Победа держав Антанты в Первой мировой войне над Германской, Австро-Венгерской и Османской империями, казалось бы, открыла путь к возрождению армянской независимой государственности. В сложившейся после войны ситуации армянский фактор мог послужить в качестве местной опоры для политики стран Антанты против Советской России в Закавказье, а также против новой Турции в Киликии, что способствовало приданию «армянскому вопросу» более обширного значения, чем это было раньше. Поэтому державы-победительницы, в частности, Франция, приняли меры к соответствующему укреплению своей «армянской базы» в Киликии, находившейся в непосредственной близости от центров турецкой государственности. Её возрождение стало основной задачей лидера и основателя Турецкой республики Мустафы Кемала Ататюрка, пришедшего к власти после поражения и распада Османской империи в Первой мировой войне.

После Мудросского перемирия 30 октября 1918 года французы направили из состава своих вооружённых сил для оккупации турецкой области Киликии три армянских батальона,

известные как Армянский легион и имевшие свой флаг. Его предполагалось задействовать «только в областях Киликии и Малой Армении, которые знакомы армянам (из легиона. – *Авт.*)», так как они являлись выходцами оттуда, «при первой возможности, которая представится подходящей с военной точки зрения». Там Армянский легион сразу начал мстить турецкому населению. Турецкие авторы говорят о зверствах, в том числе об «изнасилованиях женщин, убийствах невинных женщин и детей и поджогах мечетей, заполненных местными мусульманами». Даже сторонние наблюдатели признавали, что армянские legionеры французской армии совершали многочисленные преступления.

В конечном итоге, французы были вынуждены расформировать легион, хотя многие его бойцы остались в Киликии. При этом были сформированы «французами отряды жандармерии из состава дашнаков, которые совершают массовые убийства турецкого населения»³. Хотя части собственно французской армии сложно заподозрить в особо гуманном отношении к мусульманам в зоне боевых действий и на территориях их оккупации в Киликии, но нет и оснований говорить об их особой агрессивности по отношению к мирному турецкому населению. Тем не менее, это не снимает ответственности с французского командования, передавшего свои полномочия на ранее оккупированных французами территориях Турции отрядам бывшей французской армии, сформированным из армян. Вместе с местными террористическими группами армян Киликии они перешли к откровенным этническим чисткам этого региона Юго-Западной Анатолии.

Многие legionеры продолжили свою службу в этих отрядах. Воодушевлённые обещаниями освобождения из-под турецкой власти, полученными от премьер-министров Великобритании Г.А. Асквита и Д. Ллойд-Джорджа, дашнаки претендовали не только на шесть восточных провинций Анатолии, но также и на Киликию, чтобы иметь порт на Средиземном море. Союзники (Великобритания, Франция, США. – *Авт.*) официально обсуждали проект «Великой Армении» от Средиземного моря до Чёрного, включая Киликию и восточные провинции Турции до Трапезунда (совр. Трабзон. – *Авт.*) «Дашнакские банды... вырезали в ряде случаев поголовно целые деревни... Эта программа физического истребления турецкого населения проводилась вполне сознательно под руководством оккупантов (англичан и французов. – *Авт.*)»⁴.

Как свидетельствует первый премьер-министр Армянского государства и один из основателей партии Дашнакцутюн О. Качазнуни, весной 1919 года армянская правительственная делегация, в составе которой были турецкие армяне, представила в Париже державам Антанты меморандум со своими требованиями. Согласно меморандуму, к Армении должны были отойти вся Эриванская губерния, Карская область без северной части Ардагана, южная половина Тифлисской губернии, юго-западная часть Елизаветпольской территории бывшей Российской империи, а также семь вилайетов Турецкой Армении (Ван, Багеш, Диярбакыр, Хамберд, Себастиа, Карин, Трапезунд, без Южного Диярбакыра и западной части Себастиа), четыре санджака Киликии – Мараш, Сис, Джелал-Берекет, Адана с Александреттой (Искендеруном. – *Авт.*) – территории бывшей Османской империи. Проектировалось создание обширного государства – Великой Армении от Чёрного моря до Средиземного, с Карабахских гор до Аравийских пустынь.

Такого рода требования были обусловлены позицией турецких и французских армян, поддерживавшихся Францией, на поводу которых пошла вся делегация Армении. Турецкие армяне донесли свою позицию и заявили, что в случае несогласия с их мнением отдельно будут апеллировать к странам Антанты, так как считали, что Америка не примет мандат на управление маленькой Арменией, а на Армению «от моря до моря» примет⁵.

Сначала, поскольку дело происходило в Париже, именно к Франции апеллировали дашнаки в своём стремлении создать Армянское государство на руинах Османской империи: «4 февраля 1921 г. По проверенным данным из французских источников, армянское Национальное собрание в Константинополе провозгласило единственной полномочной делегацией

турецких армян в Европе делегацию Погоса Нубара... Так, Нубар был принят... французским премьером, который выслушал его мнение по киликийскому вопросу. Турецкие армяне через Нубара ведут переговоры с Антантой о предоставлении Киликии и Хараветскому вилайету независимости под протекторатом Франции»⁶.

Киликия представляла собой плодородную область Турции, где армянское население насчитывало тогда до 33% от общего населения. В 1920 году армянское население Киликии провозгласило независимую республику под протекторатом Франции, создало органы управления и сформировало 10-тысячный «легион армянской самообороны». Правительство недавно образовавшейся на руинах Османской империи Турецкой республики во главе с М.К. Ататюрком направило в Киликию войска, отгеснив воинские части французских оккупантов и отряды армянских коллаборационистов к морю. Были разгромлены армянские селения и убиты 16 000 их жителей.

В 1921 году французы заключили мирный договор с Турцией, согласно которому Франция отказалась от своих претензий на Киликию и бросила на произвол судьбы её армянскую общину. Осаждённые турками в своих опорных пунктах в Хаджине и Зейтуне армянские силы сопротивления после ожесточенных боёв были уничтожены. Погибло до 20 000 армян⁷. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин отмечал: «Армянский вопрос очень сильно волнует общественное мнение в Англии и в Америке. Во Франции к нему абсолютно равнодушны. Как раз по этому вопросу произошли серьёзные разногласия между Францией и Англией...»⁸. Возможно, в свете вышесказанного и лежит одна из причин отказа французов защищать армян Киликии.

Следует отметить, что ведущие страны Антанты старались переложить ответственность за решение «армянского вопроса» друг на друга. Так, лорд Керзон, член палаты лордов Великобритании в своём выступлении от 13 марта 1920 года заявил: «Мне кажется, что вы все представляете армян невинной чистой восьмилетней девочкой. Вы сильно ошибаетесь. Армяне своими последними зверствами доказали нам, какой они демонический и варварский народ. ...Отдайте Армению Франции, потому что никто, кроме французов, не сможет иметь дело с этим грязным и противным народом»⁹.

Активность в решении «армянского вопроса» за счёт мусульманских народов проявляли и другие державы Антанты. Англия снабдила дашнакскую Армению военным обмундированием и снаряжением на 30 000, а США – на 150 000 человек¹⁰. В 1922 году «Англия вооружает дашнаков в Керманшахе, в Тавризе (Тебризе. – *Авт.*) и в горах Карадага...»¹¹. Но Великобритания после оккупации Стамбула в марте 1920 года, укрепившись на Ближнем Востоке и получив мандат на управление ранее подвластными Османской империи арабскими землями, а именно Ираком, Палестиной, Трансиорданией, Йеменом, Кувейтом и другими арабскими княжествами Персидского залива, как уже не раз бывало, охладела к армянскому вопросу.

Вопрос о судьбах Армении на конференции в Сан-Ремо (апрель–май 1920 г.) передается США. Дашнаки, отстаивая лозунг «Великой Армении», предполагали вручить мандат на это «независимое» государство США, президент которых В. Вильсон согласился с этим политическим проектом. «Великая и независимая» Армения с Киликией и выходами к Чёрному и Средиземному морям – «это был американский проект, рождённый фантазией победителей (стран Антанты. – *Авт.*), живших тогда ещё иллюзиями своего могущества; он приводил бы к соотношению на новой территории мусульманского населения к армянскому, как четыре к одному»¹².

Это, вне сомнения, вызвало бы у дашнакских лидеров, небезосновательно надевавшихся на поддержку Антанты, соблазн продолжить этнические чистки мусульман для резкого сокращения их числа и упрочения положения армянской общины в предполагаемом Армянском государстве, создание которого, однако, тогда так и осталось нереализованным. Верховный совет Лиги Наций признал, что «без внешней поддержки» Армения как государство существовать не сможет. В. Вильсон принял поручение Лиги определить границы террито-

рий, которые надлежит отвести Армении за счёт побеждённой Османской империи, и внёс на рассмотрение союзников по Антанте предложение присудить ей большую часть Эрзурумского и Трапезундского вилайетов с портом Трапезунд (ныне Трабзон) на Чёрном море, а также полностью вилайеты Битлисский и Ванский, общей площадью 30 000 кв. миль с береговой линией в 150 миль.

В случае реализации этого проекта территория Армянского государства могла бы составлять 150 000 кв. км с выходом к морю. Как считали армянские коммунисты, «мандат на Армению был прикрытой формой империалистического завоевания важнейших пунктов командования Чёрным, Каспийским и Средиземным морями и территории с богатейшими природными богатствами. Нефть, медь, железо, марганец, каменный уголь и т. д. действовали на умы американских капиталистов как магнит, а мандат на “свободную Армению” и армяне мыслились как база и аргумент нравственно-политического обоснования американского мандата на захват...»¹³. Но американский Сенат отверг этот мандат большинством при голосовании, лишив опустошённую и разорённую Армению поддержки США. Американский правящий политический класс, как видно из решения Сената, не разделял настроения своего президента в отношении Армении, считая, что «армянский вопрос» является сугубо западноевропейским. Армянская республика оказалась без защиты Запада, которую главные державы Антанты бросили разорённой и опустошённой на произвол судьбы. Таким образом, Киликия – одна из двух основных «армянских баз», на основе которой дашнаки предполагали создавать армянскую государственность, была ликвидирована без шансов на возрождение.

При всей, казалось бы, ориентации стран Антанты в пользу армян, тем не менее, не всё было так однозначно. Многие высокопоставленные деятели и эксперты, исследователи из США и Великобритании, в частности, У. Черчилль, тогда военно-морской министр и лорд Адмиралтейства Великобритании, члены Сената США критически относились к армянскому национальному движению и ставили под сомнение их утверждения о геноциде армян со стороны Османской империи: «У армян религия играет политическую и чисто негативную роль. Так, за многими терактами, совершёнными армянскими террористами, стоял Эчмиадзин (резиденция Армянской апостольской церкви. – *Авт.*). Геноцид – выдумка армянской церкви»¹⁴. «В результате расследования было установлено, что в тот период погибло гораздо больше турков, нежели армян. Армянские бандитские группировки убили более 2 миллионов турков». «Да, это была чудовищная война, кровавая мясорубка, но, если это был геноцид, то, по крайней мере, очень странный геноцид, в котором погибло больше убийц (мусульман), чем жертв (армян)»¹⁵.

Поэтому неудивительно разочарование армян политикой стран Антанты, которое первыми выразили оппозиционные дашнакам армянские коммунисты в статье одного из их лидеров А.Ф. Мясникяна (Мясникова. – *Авт.*) «Значение Коммунистической партии Армении», опубликованной 25 января 1922 года: «Отказ от европейской дипломатии (т.е. от ориентации на Антанту. – *Авт.*) означал конец войнам с мусульманским миром, с Турцией. Армянский народ привык связывать свою судьбу с европейской дипломатией; своё спасение он мыслил как результат дипломатической игры европейских стран; вот почему так часто менялась ориентация Армении, то есть её бывших хозяев: то в пользу Англии, то в пользу Франции, то Америки; вот откуда берут своё начало плаксивость, “христорадничество” армянина...»¹⁶. В этой связи интересно также мнение одного из лидеров Советской Армении и в будущем руководителей СССР А.И. Микояна, изложенного им в представленном докладе главе правительства Советской России В.И. Ленину: «Армянские шовинисты... ещё лелеют химерную, ставшую преступной идею создания “Великой Армении” в исторических пределах от Чёрного моря почти до Средиземного в составе семи вилайетов. Отсутствие армян и наличие исключительно мусульманского населения на этой территории не смущает их. “Великая Армения” может опираться не на волю большинства населения, а будет навязана ему силой империалистического оружия, будет насаждаться кровью и железом на грудах развалин и невинных трупов “инород-

цев”, путём “очистки” Армении от “преступных элементов”, от мусульман. Программа создания такого ада и кошмара насилия усиленно поддерживается союзническим империализмом (стран Антанты. – *Авт.*), надеющимся в лице армян найти наилучших, наиболее способных и преданных своих агентов, через которых он хочет грабить Турцию, превратить её в колонию, в область применения финансового капитала союзников»¹⁷.

Понимание того, что интересы армянского народа являлись «разменной монетой» в политике стран Антанты, демонстрировали не только армянские коммунисты, но и деятели партии Гнчак, смыкавшей в своей деятельности с дашнаками, что видно из письма ответственного лица парижской секции этой революционно-националистической организации доктора права Гургена Тахмазиана: «Нечего ожидать от Европы, которая постоянно изменяла нашим интересам. Теперь больше, чем когда-либо, Европа использует нашу кровь ради своей политики нефти и копей»¹⁸. Это мнение разделяло и руководство Советской России, о чём свидетельствует письмо наркома иностранных дел Г.В. Чичерина его заместителю М.М. Литвинову, отправленное из Лозанны: «Армяне страдают потому, что Антанта сделала из них своё орудие...»¹⁹.

История повторяется и в наши дни, когда современное Армянское государство стоит перед тем же выбором своей внешнеполитической ориентации, склоняясь опять к более тесным отношениям с теми же странами Запада – США и Францией в ущерб интересам современной России на Южном Кавказе. Интересно, что потребительское отношение армянского руководства к России, характерное для правительства дашнаков Армянского государства 1918–1920 годов, когда Россия, уже ставшая советской, была исключена из «покровителей» армян «как страна людей (...) равно относящаяся ко всем нациям», которая «не позволит армянам выселить татар (т.е. азербайджанцев. – *Авт.*)», тем более, «что касается экономической помощи, то она может быть оказана Россией только через 15 лет»²⁰, характерно и для современных лидеров Армянского государства, хотя с того времени уже прошло целое столетие. Глава современного Армянского государства премьер-министр Н. Пашинян заявил, что оставаться в союзе с Россией бессмысленно, так как «русские, ослабленные военными действиями (на Украине. – *Авт.*), больше никому ничем не могут помочь». С упорством, достойным лучшего применения, современное руководство Армении повторяет ошибки своих предшественников столетней давности, закончившиеся тогда крахом независимой армянской государственности, хотя её фундамент для будущего возрождения независимой Армении в конце XX века российские большевики в лице Армянской ССР в составе Советского Союза сохранили. Впрочем, современное армянское общество не испытывает благодарности к ним за это и даже выступает с претензиями к ним, считая их пособниками геноцида армян.

Вопрос о том, удастся ли сохранить независимость Армении в нынешних условиях, вызывает большие сомнения. Два раза история не повторяется, и Армения вполне может разделить судьбу упразднённого ныне властями Азербайджана и объявившего о самороспуске не признанного ООН и ни одним государством мира (в том числе и Арменией) армянского государственного образования Арцаха, или Карабаха, лишившегося даже атрибутов автономии ещё советского образца, что привело к почти тотальному исходу армянского населения из Карабаха.

И последнее. Как сказал в своём докладе на зарубежной конференции первый премьер-министр Армянского государства 1918–1920 годов и один из основателей Дашнакцутюн О. Качазнун, подводя итоги деятельности своей партии: «Факт остается фактом... что борьба против турецкого владычества, начатая десятки лет тому назад, привела к изгнанию турецких армян и к опустошению Турецкой Армении. Такова была кошмарная действительность... Горько жаловаться на злую судьбу и находить вне нас причину нашего несчастья – это одна из характерных черт нашей национальной психологии, которой не избежала и партия Дашнакцутюн. В убеждении, что русские подло поступили с нами, как будто заключалось особое утешение (в дальнейшем должна была наступить очередь французов, американцев,

англичан, грузин, большевиков – словом, всего мира). Как будто геройство было в том, что мы оказались наивными и недалёковидными, кто угодно мог нас подводить, изменять нам, резать и предоставить другим резать... При разрешении самых основных, самых ответственных и насущных (для Армении. – *Авт.*) вопросов мы не проявляли своей собственной воли, не вели дела согласно нашему пониманию, не шли собственным путём, а предоставляли другим тащить нас за собой... Если дать оценку проделанной нами после объявления (Армянской. – *Авт.*) республики тяжёлой работы и полученных результатов, то надо сказать, что мы можем похвастаться очень немногим, и тяжёсть, что мы взвалили на плечи, – организовать государство и управлять государственными делами – была для нас непосильной... Не знали и часто переоценивали размеры наших возможностей, не понимали размеров препятствий, презирали противные силы и до легкомысленности беспечно относились к угрожавшим опасностям... Мы не были государственными людьми... Наша партия исчерпала себя. Новые условия жизни предъявляют новые требования, отвечать этим новым требованиям мы не способны... Если и сегодня мы не проявим решимости, то впереди у нас только развал и бесславная кончина. Вот горькая истина! Мы должны иметь мужество признать эту истину и создать соответствующие выводы...»²¹.

Сказанное актуально для Армении и армянского общества и поныне, хотя прошёл целый век. Действительно, это тот случай, когда «история ничему не учит», а поведение власть имущих современной Армении, да и армянского общества в целом – наглядное тому подтверждение.

Примечания

¹ Кариби. Красная книга. Тифлис, 1920. С. 21–22, 25, 82–83.

² Государственный архив Азербайджанской республики (ГААР). Ф. 90. Оп. 1. Д. 1.

³ Ирандуст. Движущие силы кемалистской революции. М.-Л., 1928. С. 6, 69.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 22137. Л. 2, 2об.

⁵ Качазнуни О. Дашнакцутюн больше нечего делать. Тифлис, 1927. С. 33, 36–38, 43–44, 46–47, 60–61, 66.

⁶ Оризон. 1912. №196. Цит. по: *Карамян К.Н.* Положение западных армян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия в последней четверти XIX века и начале XX века. Ереван, 1972. С. 81.

⁷ Мшак. 1914. 20 сентября. № 208. Цит. по: *Киракосян Дж.* Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1974. С. 212.

⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1985. Л. 97–98.

⁹ *Churchill W.S.* The World Crisis 1918–1925. Vol. I-V. Volume III, part II. 1917–1918. London: Thornton Butterworth Limited, 1927. P. 50.

¹⁰ *Хачикоглян Т.* 10 лет Армянской стрелковой дивизии. Тифлис, 1930. С. 4, 6.

¹¹ *Ховсепян Х.* Муваараза ве курулуш или (Десять лет войны и освобождения). Ереван. 1930. С. 3–6.

¹² Государственный архив Армении. Ф. 64. Д. 116. Л. 96. Цит. по: *Лалаян А.А.* Контрреволюционная деятельность партии Дашнакцутюн // Исторические записки. 1928, № 2. С. 99.

¹³ *Борьян Б.А.* Армения, международная дипломатия и СССР. Т. 2. М.-Л., 1929. С. 71, 409–410.

¹⁴ *Weems S.* Armenia: Secrets of a “Christian” Terrorists State. St. John’s Press, 2002. P. 26.

¹⁵ *Маккарти Д., Маккарти К.* Тюрки и армяне. Руководство по армянскому вопросу. Вашингтон, 1989. С. 34.

¹⁶ *Мясникян А.Ф.* Избранные произведения. Ереван, 1965. С. 372.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1202. Л. 8, 8об., 9, 9об. Доклад А.И. Микояна к «Кавказскому вопросу», представленный председателю Совнаркома РСФСР В.И. Ленину. Начало декабря 1919 г.

¹⁸ *Мясников А.* Армянские политические партии за рубежом. Тифлис: Советский Кавказ, 1925. С. 82.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1985. Л. 97–98.

²⁰ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 174.

²¹ Качазнуни О. Дашнакцутюн больше нечего делать. С. 15.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-49-55

А.Е. Куланов, В.Э. Молодяков

«ЯПОНСКИЙ ФАШИЗМ»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ*

Введение. История вопроса

Термин «японский фашизм» вошел в обиход в СССР в 1934 г. после выпуска московским Партиздатом в конце 1933 г. книги «О. Танина» и «Е. Иогана» «Военно-фашистское движение в Японии», оперативно переведенной на английский язык и потому прочитанной во многих странах. Мы не случайно заключили фамилии авторов в кавычки: «Танин» – Сергей Петрович Разумов, более известный как Оскар Сергеевич Тарханов (1901–1938, расстрелян), и «Иоган» – Исаак Зеликович / Евгений Сигизмундович Иоган (1900–1937, расстрелян) за годы разнообразной службы обросли изрядным количеством псевдонимов. Книга соавторов, знакомых еще по работе в Кантоне в 1920-е годы (группа советских специалистов при Гоминьдане под руководством М.М. Бородин), сначала была издана «для служебного пользования» и попала в руки И.В. Сталина. Внимательно прочитав ее и сделав ряд карандашных помет (экземпляр хранится в РГАСПИ), Сталин не позднее 21 октября 1933 г., в условиях очередного обострения советско-японских отношений, дал следующие указания В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу:

«По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку обществ[енного] мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также ГИЗ (Госу-

дарственное издательство. – *Авт.*) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положитель[ельными] сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *выпукло надо выставить* (подчеркнуто Сталиным. – *Авт.*) отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны. Недавно вышла книжка «Военно-фашистские движения в Японии» (так. – *Авт.*). Она выпущена (Разведупром) для Дальвоста и только для избранных лиц. Почему такое ограничение? Эту брошюру надо издать открыто и для всех *немедля* (дважды подчеркнуто Сталиным. – *Авт.*) с предисловием и некоторыми исправлениями от Радека. Это абсолютно необходимо. Надо также напечатать в «Правде» «Путевые заметки по Японии и Корее» и вообще надо начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии. Имейте это в виду и двигайте дело»¹.

Понравившаяся генсеку книга была в рекордно короткие сроки: сдана в производство 28 октября 1933 г., подписана к печати 1 ноября, – выпущена Партиздатом двадцатипяти тысячным тиражом с «установочным» предисловием К.Б. Радека (наст. К. Зобельсон; 1885–1939, убит в тюрьме агентами НКВД) «Японский и международный фашизм». В традициях марксистской схоластики, объяснявшей все политические и идеологические явления влиянием экономических факторов, Радек рассуждал о «фашистской диктатуре» как «диктатуре финансового капитала»², пытаясь найти и показать черты сходства между итальянским и германским фашизмом, с одной стороны, и японским материалом, о котором писали «Та-

* Приносим благодарность В.В. Лебедеву (Токио) за помощь в работе.

нин» и «Иоган» с другой. Однако эти авторы дали *отрицательный* ответ на свой же вопрос: «Можем ли мы всё это реакционно-шовинистическое движение – от барона Хиранума, генерала Араки и Тояма до Окава, Тацибана и Акацуму (так! Правильно: Тацибана и Акамацу. – *Авт.*) называть фашистским в западноевропейском смысле этого слова?»³. Иными словами, «расширительный» образ «японского фашизма» конструировался с помощью того, что в просторечии называется «притягивание за уши».

В характерном для эпохи духе вульгарного социологизма авторы большинство глав начинали данными о состоянии японской экономики, из которых выводили эволюцию «военно-фашистского движения», игнорируя идеологические факторы. Прогигнорировали они и своих предшественников: идеологему «японский фашизм» создали в СССР десятилетием раньше. Кем конкретно была дана команда на ее разработку, мы не знаем: из опубликованных документов партии или Коминтерна этого не следует. Однако в 1923 г., почти одновременно, в сборнике «Мировой фашизм», выпущенном Государственным издательством, появилась статья Катаяма Сэн «Фашизм в Японии», а в журнале «Новый Восток» (№ 4) – органе Всероссийской научной ассоциации востоковедения в Москве – статья Р.Н. Кима «О фашизме в Японии». Эти забытые, но исторически важные тексты мы впервые публикуем полностью, с соблюдением орфографии оригинала. Однако прежде необходимо рассмотреть сборник «Мировой фашизм».

Победа в октябре–ноябре 1922 г. антикоммунистической «фашистской революции» в Италии во главе с Б. Муссолини, бывшим лидером «левого», радикального крыла Социалистической партии, требовала от большевистских и коминтерновских идеологов и пропагандистов оперативного ответа. Итальянский фашизм надо было дискредитировать, отказав ему в революционном характере. Идеальным способом для этого представлялось связать его с наиболее реакционными диктатурами и движениями в других странах, которые тоже объявлялись

«фашистскими». В «установочном» предисловии составитель сборника Н.Л. Мещеряков (1865–1942), старый большевик, главный редактор Госиздата, а до того первый начальник Главлита РСФСР, сделал важное заявление:

«Многие думают, что фашизм есть только чисто итальянское явление, что в других странах фашизм или совсем не существует, или существует только в зародыше. Но это мнение решительно неверно. [...] Фашизм есть последнее средство, за которое хватается буржуазия, чтобы остановить неумолимо надвигающуюся пролетарскую революцию. [...] А так как революция созревает во всех странах, в которых существует капитализм, то и фашизм в виде уже сформировавшихся организаций или в виде зародышей – существует повсюду. За исключением стран советских (так. – *Авт.*), в Европе нет ни одной страны, в которой в той или в другой форме не существовал бы фашизм. Весь мир распадается на два лагеря – коммунистический и фашистский»⁴.

К дискредитации итальянского фашизма как «последней формы буржуазной диктатуры»⁵ добавилось объявление «фашистами» всех противников коммунизма, особенно радикальных и потому более опасных. «Фашизм является неизбежным спутником пролетарской революции. Фашизм – это мрачная, черная тень коммунизма», – писал Мещеряков, подводя итоги⁶. Слова «фашизм» и «фашист» превратились в универсальные ругательства, в синоним «всего плохого» и в этом качестве дожили до наших дней.

О ком же конкретно, кроме Муссолини сотоварищи, говорилось в сборнике «Мировой фашизм»? Германия: НСДАП и Германская народная партия свободы («фёлькиш»). Австрия: «Остара» и другие монархические «дружины». Испания: организации «белого террора» – «союзы защиты» (на момент написания статьи генерал Мигель Примо де Ривера еще не пришел к власти). Польша: «Союз социальной самообороны», антикоммунистические и ветеранские организации. Литва: «Союз литовских стрелков». Латвия: «Латвийский национальный клуб». Эстония: «Само правительство там фашистское»⁷.

Финляндия: «Классическая страна фашизма»⁸, где особо отмечен «шюцкор» («Охранный корпус Финляндии»). Чехо-Словакия (так. – *Авт.*): Национал-демократическая партия. Юго-Славия (так; в то время Королевство сербов, хорватов и словенцев. – *Авт.*): сербская «Национальная молодежь». Румыния: антисемитские организации. США: Ку-Клукс-Клан, Американский легион, штрейкбрехеры и детективные агентства (так. – *Авт.*). В заключении Мещеряков сетовал: «К сожалению, отсутствуют статьи относительно Швейцарии, Бельгии, Франции, Скандинавии, Болгарии и Греции», – и добавил: «Из всех европейских стран только Англия (и, кажется, Голландия) свободны пока от фашизма»⁹.

Даже при очень «расширенном» толковании «фашизма», против которого возражают историки, большинство перечисленных движений или организаций сегодня «фашистскими» не считаются. Это следует иметь в виду, читая републикуемые статьи Катаяма и Кима. Биографии обоих авторов полагаем ныне общеизвестными¹⁰.

Катаяма Сэн*

ФАШИЗМ В ЯПОНИИ**

С исторической точки зрения Япония представляет собою хорошую почву для развития фашизма. И в самом деле, здесь мы видели целый ряд явлений, соответствующих современному фашизму. Во время феодального режима Токугавской династии, который длился около трех столетий, закон-

* Во время написания статьи Катаяма Сэн (в советской печати: Сен-Катаяма) (1859–1933), с 1911 г. находившийся в эмиграции (запомним этот факт), с 1921 г. жил в РСФСР/СССР, был членом Исполкома Коминтерна и выступал в советской печати.

** Впервые: Петроградская правда. 1923, 31 марта. Печатается по: Мировой фашизм. Сборник статей. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 267–275. Перевод с английского оригинала выполнен, вероятно, в аппарате Коминтерна.

чившись революцией 1868 года¹¹, в Японии уже существовал своеобразный вид фашизма, носивший имя Киокаку¹², нечто напоминающее средневековое рыцарство в Европе. Главным отличием Киокаку было то, что они являлись выходцами из низших общественных классов. Они всегда выступали в качестве защитников бедноты против своеволия военной касты самураев, которые безнаказанно убивали представителей низших классов.

От поколения к поколению переходят легенды о героических деяниях Киокаку. Даже в настоящее время эти истории являются наиболее популярным материалом для чтения и часто служат сюжетом для драм, идущих в лучших театрах Японии.

Однако современные формы фашизма в Японии значительно отличаются от тех, какие он имел в феодальный период. Современный фашизм в Японии является чисто реакционной организацией и служит интересам реакционной клики капиталистов и правительства. Фашизм стал орудием преследования рабочих и радикального движения в стране. Главнейшие фашистские организации в Японии носят название Кокусуй-Кай¹³, Нобуши-гуми¹⁴ и т.д. Все эти организации встречают энергичную поддержку со стороны капиталистических и милитаристских кругов и даже со стороны правительства.

Кокусуй-Кай возникла во время войны при министерстве Гарра¹⁵, т.е. в 1918 году. В это время правительство было вынуждено сделать большие усилия для подавления все растущего в стране радикального движения. Новая организация обнаружила способность вести борьбу против всех этих радикальных течений, окрашенных в социализм, анархизм и большевизм.

Пользуясь полной поддержкой со стороны правительства, Кокусуй-Кай развилась в грандиозную организацию, председателем которой в настоящее время является генерал и член верхней палаты¹⁶, а вождями – видные аристократы, профессора императорского университета, государственные и общественные деятели. Однако, кадры организации вербуются преимущественно из безответственных слоев общества и различных реак-

ционных элементов: воров, бродяг, авантюристов и т.д. Деятельность Кокусуй-Кай весьма сходна с деятельностью итальянских фашистов или американской фашистской организации Ку-Клукс-Клан.

Выходящая в Кобе на английском языке газета «Уикли Кроникл» дает в номере от 21 сентября прошлого года весьма удачную характеристику Кокусуй-Кай. Предпослав статье¹⁷ детальный обзор итальянского фашистского движения, автор обращается к японскому правительству с предостережением:

«Японское правительство должно как следует использовать этот урок. Кокусуй-Кай являет разительное сходство с фашистами. Это ярко-патриотическая и националистическая организация. Она заявляет о своем намерении защищать существующий строй Японии. Считая себя преемником Киооаку, она пытается вмешиваться в конфликты труда и запугивать то одну сторону, то другую. В самое последнее время ей дали возможность вмешаться в конфликт между Осацким маклером Ишии¹⁸ и банками, который во всякой другой стране давно стал бы предметом судебного разбирательства.

Упомянутый маклер, фигура совершенно незначительная, путем удачных спекуляций сумел собрать большой капитал и занял крупную сумму денег из всех крупных банков страны. В момент своего банкротства он задолжал до 30 миллионов иен. Когда банки начали преследовать его, Кокусуй-Кай вмешалась в конфликт и заставила их принять свое посредничество».

«Уикли-Кроникл» продолжает дальше: «Недавно в Киото они разогнали социалистический митинг, избивли оратора и устроили стычку, которая легко могла бы привести к кровопролитию. В то же время полиция спокойно смотрела на все эти бесчинства, так как Кокусуй-Кай находится под покровительством правительства. Аналогичные сцены произошли в Токио, где полиция также пассивно смотрела, как члены Кокусуй разгоняли митинги и избивали ораторов. Очень часты случаи запугивания отдельных лиц. Происходит, напр., ссора между двумя

лицами, и члены Кокусуй либо по своей инициативе, либо по просьбе одного из спорщиков вмешиваются в конфликт. Если их посредничество отклоняется, они переходят к угрозам и, как мы это видели в случаях с осацкими банкирами, никто не осмеливается обратиться за помощью к полиции, либо боясь мщениия, либо полагая, что полиция и власти неофициально поддерживают этих людей.

“Кокусуй является продуктом националистической системы воспитания, основанной на средневековых идеях. Главным их оружием, как и у итальянских фашистов, является насилие. Правительство, поддерживая эту организацию и оказывая ей всяческое покровительство, тем самым подкапывает почву под своими собственными ногами и на место закона подставляет дикость примитивного общества”.

Было установлено много случаев насилия со стороны членов Кокусуй, которые неоднократно доходили до простого грабежа и вымогательства». Однако полиция всегда становится на их сторону и ничего против них не предпринимает. За последние месяцы члены организации Кокусуй ведут себя более сдержанно и реже прибегают к вымогательству в крупных городах, вроде Токио и Осаки, где рабочие союзы достаточно сильны, чтобы выступить против них. За последние 6–7 месяцев члены Кокусуй проявляли усиленную деятельность па одном из южных островов Кио-Шиу¹⁹, где Содомей²⁰ (конфедерация труда) приступила к организации углекопов. Здесь Кокусуй субсидируются угольными баронами, которые посылают их изгонять рабочих-агитаторов и срывать рабочие митинги. Между членами Кокусуй имеется много бывших солдат, служащих интересам класса капиталистов.

Последние выступления Кокусуй, о которых сообщала печать, заключались в покушениях на убийство коммунистических вождей. За последний год два раза было произведено покушение на жизнь тов. Тошикихо-Саккай²¹, выдающегося лидера японского коммунистического движения. Тов. Саккай – самый активный и способный из деятелей японского коммунистического движения за

последние 25 с лишним лет: он вел борьбу против эксплуататоров, правительства и капиталистов в продолжение самого мрачного периода, последовавшего за разгромом революционного движения, когда 12 товарищей было повешено, а 12 других приговорено к пожизненному тюремному заключению²². Он является хорошо известным писателем и автором ряда социалистических и прочих книг. Первое покушение окончилось неудачей, и преступник был арестован прежде, чем он успел осуществить свое намерение. Однако, он был отпущен без всякого наказания и приговорен лишь условно к непродолжительному тюремному заключению, которое, впрочем, подлежало полной отмене, в случае если в продолжение известного времени он не повторит какого-либо нового уголовного преступления. Ободренные попустительством правительства, члены Кокусуй осмелели и обнаглели. В декабре прошлого года покушение на тов. Саккаю вновь повторилось. Токийская газета Ничиничи²³ на трех с лишним колонках печатает отчет о покушении на Саккаю. Преступник – армейский офицер и в настоящее время служит в генеральном штабе. Он имеет медаль за хорошую службу. 15 сентября вечером он явился к тов. Саккаю и преподнес ему в подарок ордер на фунт сахара, в виде благодарности за содействие в приискании службы. Разумеется, Саккаю отказался от этого подношения. В этот момент офицер нанес удар Саккаю железным ломом. Саккаю вступил в борьбу с преступником и вырвал его оружие. Тогда тот извлек из ножен свой штык и ударял его в грудь. В течение некоторого времени Саккаю, несмотря на наносимые ему раны, успешно сопротивлялся, но в конце концов силы изменили ему, и он упал в обморок. Убийца, сочтя, очевидно, его мертвым, пустился бежать. Преступник сам отдал себя в руки полиции. Во время следствия, которое велось полицией и военными властями, ясно обнаружилось, что власти сами пытаются всячески выгородить виновника преступления.

В самое последнее время вожди Кокусуй-Кая, ободренные успехом итальянского фашистского движения и известием о захвате

власти Муссолини, приступили к созданию собственной политической партии. Новая партия называется Ай-Коку-То (патриотическая партия)²⁴. Единственной целью партии выставлены защита отечества и служение интересам Микадо. Лидеры Ай-Коку-То принадлежат к известной ультрареакционной шайке. Так, например, в эту организацию входят профессор Чинкичи-Вессуги²⁵ из императорского университета, майор Сато²⁶ и ренегат социализма Такабатако²⁷. Все они – консерваторы и пытаются подавить радикальное движение, в особенности же стремятся во что бы то ни стало раздавить коммунистическое движение. Правительство и капиталисты всячески поддерживают новую партию. Таким образом, Япония отнюдь не стоит в стороне от мирового фашистского движения и имеет свою долю заслуг в реакционном движении капиталистического мира.

В Японии есть еще другая организация, которая служит правительству и капиталистам по примеру итальянских фашистов. Имя ей – Зайго-Гунджин-Кай²⁸. Она имеет свои отделы во всей стране; во главе ее стоят старые кадровые офицеры. Члены этой организации вербуются исключительно из отставных солдат, живущих в деревнях. В прошлом члены Зайго-Гунджин-Кай оказали немало услуг правящим классам. Так, например, во время грандиозных рисовых беспорядков 1918 года²⁹ члены этой организации взяли на себя грязное дело подавления народного движения, расстреливая и избивая его участников. Хотя на место действия были вызваны значительные отряды солдат, однако, правительство сочло более благоразумным употребить для разгона мятежников бывших солдат из организации Зайго-Гунджин-Кай. После событий 1918 года правительство считало эту организацию весьма важным орудием борьбы с радикальным движением. В настоящее время правительство реорганизовало Зайго-Гунджин-Кай и поставило во главе ее офицеров регулярной армии.

По мере роста влияния большевиков и радикальных течений среди японского пролетариата, а также быстрого пробуждения

его классового самосознания, деятельность японских фашистов становится все более интенсивной, приближая конечное столкновение между пролетариатом и капиталистическим классом. Коммунистическая партия, равно как революционные рабочие союзы, как, например, союз металлистов и федерация горнорабочих, совместно с прочими радикальными рабочими организациями готовятся к борьбе, и мы надеемся, что они будут в состоянии успешно вести борьбу против Кокусуй-Кай и других реакционных организаций. Благоприятным обстоятельством для рабочих является то, что за этими организациями нет никаких масс, кроме полиции, жандармерии и солдат. Однако, и эти последние все более и более подпадают под влияние либерального и радикального движения. Таким образом, японский пролетариат должен опасаться не столько солдат, сколько полиции и жандармов. Японскому фашизму благоприятствует рост европейского фашизма, однако, японский пролетариат сумеет использовать опыт европейских рабочих, ведущих борьбу с фашистским движением. Он докажет, что японский пролетариат солидарен с рабочими всего мира.

Примечания

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 396–397.

² Радек К. Японский и международный фашизм // Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии / Предисловие К. Радека. М.: Партиздат, 1933. С. X.

³ Там же. С. 221.

⁴ Мировой фашизм. М.; Пг.: Госиздат, 1923, С. 3–4.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 278.

⁷ Там же. С. 205.

⁸ Там же. С. 209.

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Сенаторов А.И. Катаяма Сэн. Научная биография. М.: Наука, 1988; Куланов А. Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016 (ЖЗЛ).

¹¹ Консервативная революция *Мэйдзи исин* (1868). Устоявшееся в советской историографии определение «незавершенная буржуазная революция» в то время еще не существовало.

¹² Кёкаку – пришедший из Китая тип «странствующего рыцаря» и «народного заступника», положительный герой народной культуры.

¹³ Дайниппон кокусуйкай (Общество национальной сущности великой Японии) – националистическая антикоммунистическая организация, созданная в 1919 г. под руководством Мурано Цунэмон (1859–1927), в прошлом деятелем «движения за свободу и народные права; сотрудничала с партией Сэйюкай и с полицией; вместе с другими «правыми» организациями распущена в 1945 г. по приказу Штаба оккупационных войск.

¹⁴ Нобуси-гуми – некая организация «деревенских самураев / воинов»; иными сведениями не располагаем.

¹⁵ Хара Такаси / Кэй (1856–1921) – премьер-министр Японии (1918–1921), председатель партии Сэйюкай (1914–1921), убит террористом.

¹⁶ Оки Энкити (1871–1926) – граф, член Палаты пэров, занимал различные министерские посты, но генералом не был (возможно, Катаяма видел его фотографии в придворном мундире, который принял за военный).

¹⁷ [Б.п.] Kokusui-kai and Fascisti // The Japan Chronicle. Weekly edition. 1922, 21.09. P. 372–373. Добавим, что в статье Кокусуйкай также сравнивается с «черной сотней» в России.

¹⁸ Прокомментировать этот сюжет не беремся, но в книге «Танина» и «Иогана» есть следующее упоминание: «Известен ряд случаев (например, дело крупного концерна Иссии), когда кокусуйкаевцы, будучи наняты банкротящимися фирмами, являлись в банки и к другим кредиторам этих фирм и принуждали их под угрозой насилия отказываться от своих денежных претензий к этим фирмам» (Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933. С. 48).

¹⁹ Кюсю.

²⁰ Нихон родо содомэй (Японская федерация труда) – ведущее профсоюзное объединение Японии (1912–1940).

²¹ Сакаи Тосихико (1871–1933) – деятель социалистического и коммунистического движения, публицист, историк, переводчик.

²² Так называемое «дело об оскорблении трона» – заговор с целью покушения на императора Мэйдзи, раскрытый в 1910 г., участники которого после тайного судебного процесса в 1911 г. были повешены или приговорены к тюремному заключению (подробнее: Иванова Г.Д. «Дело об оскорблении трона». Демократическое движение

в Японии девятисотых годов, его герои и литература. М.: Наука, 1972).

²³ «Токио нити нити симбун» – одна из старейших газет Японии (1872–1943), предшественник газеты «Майнити симбун». Идентифицировать статью не удалось.

²⁴ Кюсин айкокуто (Радикально-патриотическая партия) – эфемерная дочерняя организация Кэйрин гакумэй (см. прим. 6 к статье Р.Н. Кима), созданная последователями С. Уэсуги (см. следующее прим.) в начале 1920-х годов. В дальнейшем слова «патриотическая партия» (айкокуто) входили в названия многих националистических организаций. Следует иметь в виду, что, несмотря на слово «партия» в названии, многие использовавшие его организации представляли собой немногочисленные группы активистов.

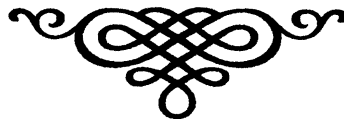
²⁵ Уэсуги Синкити (1878–1929) – юрист, специалист по конституционному праву, теоретик *кокутай* («государственный организм»), профессор Токийского университета (с 1912), имел большое влияние на учеников, включая будущего премьер-министра Н. Киси; организатор и член националистических обществ (подробнее: *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Наука, 1999 (по указ.)).

²⁶ Ввиду распространенности фамилии идентифицировать «майора Саго» не беремся.

²⁷ Такабатакэ Мотоюки (1886–1928) – экономист, публицист, переводчик и пропагандист работ К. Маркса; в конце 1910-х годов эволюционировал в сторону национального социализма в противоположность интернациональному, ввел соответствующее понятие (кокка сякайсюги) в японский язык; в 1918 г. вместе с Уэсуги создал дискуссионный клуб «Общество старых и молодых» (Росокай) (подробнее: *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Наука, 1999 (по указ.)).

²⁸ Тэйкоку дзайго гундзинкай (Имперская ассоциация резервистов) – организация резервистов армии (с 1910) и флота (с 1914), созданная генералом Танака Гиити с целью военной подготовки и патриотического воспитания населения (подробнее: *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933. С. 34–37); распущена в 1945 г. по приказу Штаба оккупационных войск.

²⁹ «Рисовые бунты» – беспорядки, вызванные повышением цен на рис (3 августа – 17 сентября 1918), охватившие 36 префектур и приведшие к отставке кабинета Тэраути Масатакэ.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-56-69

В.И. Богданов

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ И.Я. БИЛИБИНА В АЛЕКСАНДРИИ (1924–1925)

Каталоги художественных выставок начала XX века принципиально отличаются от современных изданий, следующих устоявшимся правилам описания и подачи информации. Каталоги тех лет являли собой простые списки художников и перечень их работ, в которых отсутствовали сведения о датировке, технике и размерах. Но, несмотря на ошибки и неточности, они продолжают оставаться важнейшим источником, иногда единственным, для изучения биографии любого художника, истории бытования и атрибуции его произведений. Именно таким инструментом художественной атрибуции предстаёт Каталог художественной выставки русского художника Ивана Билибина¹, прошедшей в Александрии в декабре 1924 – январе 1925 года.

Недавно фонды Дома русского Зарубежья обогатились очередным подношением известного знатока и коллекционера, владельца знаменитой коллекции предметов театрально-декорационного и декоративного искусства князя Никиты Дм. Лобанова-Ростовского, где среди книг, проспектов изданий и списков западных аукционов оказался Каталог первой персональной выставки Билибина, состоявшейся столетие назад. Впервые интересующимся историей творческих исканий художника стал доступен перечень его работ, исполненных на чужбине, «у народов библейских», в Египте, Сирии и Палестине.

Перечень этот не избавлен от двусмысленностей, и некоторые названия не могут не вызвать вопросов. Но любое, даже наивное предположение полезнее умолчания, ибо желание опровергнуть побуждает желание искать, стимулируя розыскания. Автор надеется, что все позиции Каталога со временем будут заполнены и подтверждены достоверными сведениями.

За ценные советы и помощь при обсуждении перечня работ автор приносит признательность и искреннюю благодарность Владимиру Поморцеву, пражскому исследователю, призвавшему ссылку на раритет².

Скромная по объёму брошюра украшена графически простой обложкой с изображением мифической птице-девы, облику которой, по сравнению с лубочными Сирином и Алконостом³ на открытках Общины Св. Евгения⁴ (1905), художник придал новый смысл, представив райскую птицу символом художественного творчества. Поверх изображения надпись латиницей на французском языке: Exposition Ivan Bilibine. Sous les auspices des Amis de l'Art. Alexandrie. Janvier. MCMXXV [1925] («Выставка Ивана Билибина. Под эгидой «Друзей искусства»⁵. Александрия. Январь. MCMXXV [1925]»).

Издание составлено из трёх частей: (1) собственно Каталог (перечень работ художника), (2) текстовая часть из трёх статей о Билибине и (3) художественная, состоящая из заставок и концовок к статьям, иллюстраций в тексте и фотографий. Все фотографии и иллюстрации исполнены художественным ателье Пьера Расина в Александрии. Оригинальные названия иллюстраций и фото даны в переводе; в квадратных скобках указаны названия работ согласно Перечню произведений И.Я. Билибина⁶, составленному С.В. Голынцем (1970) и не потерявшему своей актуальности и поныне.

Каталожную часть предваряет краткое оглавление. Нумерация страниц выборочная – римскими цифрами нумерованы только отдельные страницы. Для удобства восприятия и ориентации в издании нами введена нумерация по порядку, сочетающая арабские и римские цифры.

Материалы Каталога расположены на 36 страницах (считая обложку) в следующем порядке:

Обложка с изображением мифической птицы в венце с распахнутыми крыльями (1924).

Портрет художника Билибина работы г-жи А. Щекатихиной-Потоцкой⁷ – 1.

Оглавление, состоящее из четырёх пунктов, выделенных ниже **жирным** шрифтом; заставка и концовка Оглавления представляют фрагменты марки александрийского общества «Друзья искусства» (1924) – 2.

Фотографический портрет Ивана Билибина – 3.

Каталог работ, представленных художником Иваном Билибиным

Каталог выставки (экспонаты № 1–40): Русские былины и сказки. Византийские, восточные и религиозные сюжеты – 5.

Каталог выставки (экспонаты № 41–74): Рисунки и портреты. Пейзажи. Полиграфия – 6.

Илья Муромец и Святогор [иллюстрация к былине. 1914, 1916 (раскраска)] – 7.

Двор мечети Омара в Иерусалиме. 1924. (собственность г-на Тамвако⁸ – 9.

Текстовая часть: три статьи, посвящённые художнику И. Билибину:

«**Наши мотивы восхищаются Билибиным**», статья Жозе Канери⁹ – XI–XV.

Заставка «Стены Каиновы», 1906, начало статьи – инициал буква «О» (1922) – XI.

Костюм для русского балета (заказ Павловой¹⁰ [Царевич. Эскиз костюма к балету Н.Н. Черепнина «Русская сказка», 1923] – XIII.

Концовка: «Кот учёный», фронтиспис к «Сказке о золотом петушке» А.С. Пушкина, 1910 – XV.

«Золотой петушок». Иллюстрация к сказке Пушкина [Звездочёт перед Дадонем, 1906, 1924] – 17.

«**Русский художник в Египте. Иван Билибин**», статья Франсуа-Жозефа Бонжана¹¹ – XIX–XXIV.

Заставка к статье И. Билибина «Русское народное творчество Севера» в журнале «Мир искусства» (1904), начало статьи Ф. Бонжана: буква «А», 1921 – XIX.

Декоративное панно (принадлежит г-ну Антуану Бенаки¹²) [Борис и Глеб на корабле. 1922] – XXI.

Этюд: голова араба [Портрет старого араба. 1922] – XXII.

Декоративное византийское панно (принадлежит г-ну Антуану Бенаки) [Всадник. 1923] – XXIII.

Концовка: эмблема [фрагмент эскиза росписей неизвестного храма в Египте¹³, 1923] – XXIV.

«**Билибин и былина**», статья Жака Рене Фихтера¹⁴ – XXV–XXIX.

Виньетка [виньетка к обложке журнала «Северные зори» 1909, №3] – XXV.

Русская былина: Пахарь [Микула Селянинович, иллюстрация к былине. 1914] – XXVI.

Русская былина: два князя в пелеринах, Борис и Глеб [Борис и Глеб¹⁵, иллюстрация к русской былине, 1924] – 27.

Концовка: виньетка для титульного листа былины «Вольга», 1904 – XXIX.

Монастырь Святого Саввы (Палестина) [Монастырь Св. Саввы Преосвященного, 1924] – 31.

Орнаментальный узор (эклибрис г-на Антуана Бенаки) – 32.

Перечень работ Билибина, исполненных им во время пребывания в Египте (с марта 1920 по июль 1925 г.), составляет особенную часть издания. За этот период «*a maitre*»¹⁶ или «маэстро», как Билибина называли в Каире, создал множество произведений: «портреты, пейзажи, декоративные композиции во всех стилях и в любых размерах от миниатюры до полотна в 5,5 метров длины», большинство из которых осело в коллекциях богатых заказчиков. «К сожалению, из восточных этюдов у меня на руках осталось очень мало», – писал художник в «Автобиографических записках»¹⁷.

Названия многих работ и их редкие описания известны только по упоминаниям окружения Билибина – воспоминаниям сестёр Чириковых¹⁸ и пасынка художника Мстислава Потоцкого¹⁹, из писем самого художника²⁰.

Не вызывает сомнений, что к Списку произведений Билибина в Каталоге сам художник имел скромное отношение и в подготовке его к печати участия не принимал. Иначе некоторые работы не носили бы столь странных названий. В те стародавние времена названия работам в экспозиции давались во многом условно, часто в последний момент, случайно, почти с потолка, наобум, чтобы завлечь зрителя, и подобная практика была повсеместной.

Названия работ по Каталогу даны в переводе с французского без комментариев. Автор предполагал дать рядом с ними названия произведений Билибина в привычных, устоявшихся вариантах, используемых в литературе о художнике, но предпочёл посвятить этому отдельный обзор.

Каталог работ, представленных художником Иваном Билибиным

Русские былины и сказки

- № 1. *Святые князя Борис и Глеб*
- № 2. *Появление славного великана Святогора*
- № 3. *Прославленный Илья Муромец и жена Святогора*
- № 4. *Гроб Святогора*
- № 5. *Доблестный пахарь Микула Селянинович*
- № 6. *Доблестный Святогор и тяжесть земли*
- № 7. *Золотой петушок (сказка Пушкина)*
- № 8. *Царь Салтан (сказка Пушкина)*
- № 9. *Царь Салтык (русская народная былина)*
- № 10. *Отшельник и девушка (сказка)*
- № 11. *Королевство игрушек (сказка)*
- № 12. *Русская сказка (принадлежит г-же Ал. Бенаки)*
- № 13. *Два старика (народная сказка)*
- № 14. *Две иллюстрации к сказке Пушкина*
- № 15. *Две иллюстрации к сказке Пушкина*
- № 16. *Русская народная сказка*
- № 17. *Дракон*
- № 18. *Свадьба*

Византийские, восточные и религиозные сюжеты

- № 19. *Корабль (принадлежит г-ну А.Э. Бенаки)*
- № 20. *Кораблик (миниатюра, собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 21. *Охотник (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 22. *Эскиз византийского панно (исполнено для г-на Касдагли²¹)*
- № 23. *Византийский император (миниатюра, собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 24. *Архангел (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 25. *Два архангела (собств. г-жи Ал. Бенаки)*
- № 26. *Святой Спаситель (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 27. *Пресвятая Богородица (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 28. *Восточная миниатюра (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 29. *Восточная миниатюра (собств. г-на А.Э. Бенаки)*
- № 30. *Эскиз декорации для египетского балета*
- № 31–33. *Египетский костюм*
- № 34–39. *Костюм для русского балета Павловой*

№ 40. *Костюм для Бориса Годунова*²² (дословно *Costume pour Boris Godounow*)

Рисунки и портреты

№ 41. *Голова шейха*

№ 42. *Голова старика*

№ 43. *Голова мальчика*

№ 44. *Портрет мадемуазель Рейнхарт*²³ (принадлежит г-ну Рейнхарту)

№ 45. *Портрет г-на Анри Тюиля*²⁴. Эскиз

№ 46. *Портрет г-на А.Дж. Синадино*²⁵. Эскиз

Пейзажи

№ 47. *Крымский пейзаж*

№ 48. *Крымский пейзаж*

№ 49. *Крымский пейзаж*

№ 50. *Крымский пейзаж*

№ 51. *Великие Пирамиды*

№ 52. *Великие Пирамиды* (собств. г-на А.Э. Бенаки)

№ 53. *Район Каира*

№ 54. *Каирский переулочек*

№ 55. *Вид на Мокаттам* (собств. г-на А.Э. Бенаки)

№ 56. *Шторм на Чёрном море, Крым*

№ 57. *Монастырь Святого Саввы в Палестине*

№ 58. *Монастырь Святого Георгия Хосевитского в Палестине*

№ 59. *Квартал Иерусалима*

№ 60. *Угол двора мечети Омара в Иерусалиме*

№ 61. *Деревня Силоэ*

№ 62. *Долина Иосафата у деревни Силоэ*

№ 63. *Абиссинский двор в Иерусалиме*

№ 64. *Тивериадское озеро*

№ 65. *Город Тивериада*

Графика

№ 66–68. *Обложка*

№ 69. *Эмблема*

№ 70. «*Кю-де-лямп*» или графический элемент (по Ш.-А. Жомберу²⁶ обычно концовка)

№ 71–72. *Инициал*

№ 73. *Экслибрис г-на А.Э. Бенаки*

№ 74. *Виньетка*

Хочется верить, что изображения неопознанных работ когда-нибудь станут доступны не только по названиям, но и *in visu* (т.е. живъём), хотя бы репродукциями в альбомах и книгах, украшенных комментариями коллекционеров и пояснениями знатоков.

Помимо самой общей информации о работах (список с разбивкой по жанрам) и отдельных иллюстраций, в Каталоге представлены три статьи, перепечатанные из сборника «Новый Египет», написанные людьми из близкого окружения Билибина в Египте, хорошо знавшими его с художественной стороны и как личность. Это французский египтолог Жозе Канери, профессор Высшей нормальной школы в Каире Франсуа-Жозеф Бонжан и швейцарский поэт Жак Рене Фихтер, профессор университета Александрии.

Пожалуй, наиболее ценное в этих статьях – это, по-видимому, подлинные высказывания художника, живая речь Билибина, запечатлённая, вероятно, с его слов во время общения и

совместных прогулок. Отдельные пассажи о художнике вызывают недоумение: точно ли всё написанное относится к Билибину? Заслуживают ли его работы подобную восторженность, по-детски раскованную и неудержимую? Однако приходится признать – современники Билибина *тогда именно так* воспринимали изящную, не без излишеств, живую билибинскую линию, сдержанно выверенную графику, напоминающую его эпистолярную прозу.

Впрочем, авторы и сами признают, что их очерки билибинских художеств являют собой «лишь его неточное и бледное отражение».

Перевод текстов статей выполнен автором. За позаимствованные при переводе отдельные определения и фразеологизмы приношу благодарность Елене Симонато (Лозаннский университет, Швейцария), дочери Ильи Александровича Кокошкина, приёмного сына Мстислава Потоцкого.

Наши резоны восхищаться Билибиным

Презрев движение, смещаю неподвижность,
Питаюсь красотой, не плача, не смеясь.
«Красота» (Бодлер; Брюсов)

Пожалуй, в качестве введения позволю себе краткое, но необходимое пояснение.

Когда александрийское общество «Друзья искусства», которому покровительствует Его Величество король, предложило журналу «Новости Египта»²⁷ посвятить специальный номер русскому художнику Ивану Билибину, мы с почтительной готовностью согласились. Билибин не был и не мог быть нам неизвестен. Его имя столь часто попадалось нам в книгах и журналах, посвящённых русскому искусству 19-го века, его работы, выставленные или воспроизведённые, столько раз вызывали у нас острый интерес, восхищали и возбуждали, что было бы безумием упустить возможность поговорить, наконец, о нём с подобающими широтой и пылкостью.

Поэтому мы с радостью посвятили эти несколько страниц мастеру, чья изумляющая отделка, столь пронизанное новизной искусство и возвышенное вдохновение соединяются, объединяются и сливаются воедино в гармоничную целостность и в столь же изумительное равновесие.

Если в трёх последующих набросках он найдёт только искажённое отражение самого себя, виною станет не наша предрасположенность или нехватка критического чувства, но невозможность ограничить трафаретными формулами настолько целеустремлённый темперамент и столь мощную личность.

* * *

С первого взгляда Иван Билибин невольно заставляет вспомнить о тех суровых и просветлённых лицах, увековеченных на холсте Гольбейном²⁸. Его правильные черты напоминают драгоценные изделия из слоновой кости, вырезанные, обработанные и любовно отполированные каким-то терпеливым и гениальным мастером. Взгляд, полный мистики, освещает его непрерывным сиянием, подобно тем светильникам, что истекают светом в скорбном затемнении храма. Он говорит так, будто тянет линию, сдержанно, без аффектации. Тембр голоса низкий и глубоко проникновенный. Его общие знания, в частности, о высокой греко-латинской культуре, вызывают восхищение у его друзей. Зримые следы этой культуры встречаются в мелких деталях на его рисунках. Он не берётся за кисть, не собрав прежде достаточно исторического материала, который позволит ему разместить своих персонажей в привычную их эпоху атмосферу. Незначительная деталь костюма часто стоит ему недели неустанных поисков в книгах.

Чрезмерная простота скрывает множество познаний. Билибину не присуща ложная скромность. Он бежит преклонений, раздражающих больше, чем гордость, постыдной карьеры.

катурой на которую они являются. Он знает собственные достоинства и располагает сам по себе, соглашаясь на место, куда его поставили начальство или ученики.

«Если бы гильдия художников формировалась, как армейский корпус, говорит он, я бы занял в ней должность полковника». Распечатав восторженный адрес от русских художников, назвавших его своим главой, Билибин удивлённо сказал: *«Забавно: они меня ещё не похоронили».* Знаменательные слова: осуждающие философию трезвости, они проливают свет на его чувственность и помогают нам лучше её понять.

* * *

Первое, что вызывает его творчество, – это необъяснимое замешательство, и, несмотря на это, мы восклицаем: *«Любопытно».*

Билибину не нравится это междометие, которое его коробит и смущает. Тем не менее, оно вполне точно передает потрясение, ответную реакцию непрофессионала, которую тот чувствует, соприкасаясь с этими работами. *«Это любопытно»* отлично от синонима *«нечто, ни на что не похожее и ещё не виданное».*

И дело не в том, что его откровения появляются внезапно, как из-под земли.

Характер не уживается с подобными переходами.

Вдохновение Билибина погружается прямо в прошлое, как в подземный колодец, подпываясь через глубинные, разнообразные и многозначимые корни. Повседневные будни, в которых случайности обрекают этого мандарина на жизнь, часто должны были казаться ему ужасающе уродливыми.

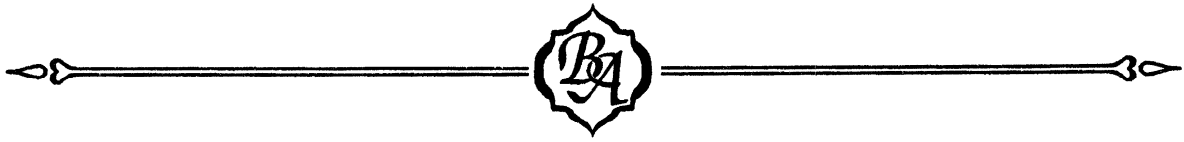
Он решил абстрагироваться от этого, уйти от этого, вернуться к истокам, чтобы искать грандиозную тему своих ослепительных фантазий в минувших веках. Оттуда это удивление ума головокружительными скачками переносится за тысячи лье сквозь время и пространство.

Мы пытались найти его предшественников. Говорят, что его великолепные образы вызывают смутные напоминания о Дюрере²⁹ и о том Гольбейне, о котором я так много говорю, то есть о двух мастерах, которых он наиболее почитает. Вполне возможно, что он прорастает из них, как дерево из перегноя, и кем есть, он не стал бы вполне, если бы те не предшествовали ему изначально. Однако я не вижу, чтобы он позаимствовал у них что-то ещё, кроме их строгой дисциплины, их мучительной добросовестности, их сосредоточенности и собранности, то есть, одним словом, методов их работы. Остальное принадлежит ему по праву, – всё, вплоть до обращения к изучению тематики автохтонов³⁰ и фольклора и буквально упоения его трезвой наукой, его запоминающимся синтезом, его ошеломляющими ракурсами.

Вполне могло быть, что Билибин оказался реликтовым продолжателем византийской школы, одиноким отшельником, случайно задержавшимся в основании индустриального века, и, возможно, последним по-настоящему византийским художником.

Он воскрешает движение, которое без него было бы мертво. В его склонности к пробуждению ушедших эпох ему помогает исключительная сила воображения и склад ума, которые властно подталкивают его к одушевлению утраченных форм. Он художник света, изобразительных образов – как в старые добрые времена.

Полагают, что на некоторых из этих полотен можно опознать гениальные витражи древних соборов. Если он ненавидит похвалы и бежит от славы, то, с другой стороны, он замирает, восторгаясь выцветшими иконами, досками для выпекания, изображениями, почти истёртыми поцелуями времени. Его живопись естественно декоративна. Песни кормилицы, местные сказания, плачи и заповеди, которыми баюкали его в детстве, распространили свои первые впечатления до самых глубин его хрустального сердца, находя в нём самое гениальное отражение. Мы имеем в виду только те репродукции, которые представлены в этом тексте и великолепие которых ещё более усугубляет бедность и бесплодную немощь любого комментария.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что манера Билибина была создана этим идеальным внутренним миром. Его живопись надменна, отстранённая, враждебна суете, исполнена величественности, иератична. Его рисунок твёрд, выдержан в классическом стиле, строго уравновешен. Он никогда не пользуется пером. Его тончайшие штрихи продлеваются кистью. Оригинальность его переложений³¹ позволила поверить в преднамеренную стилизацию реальности.

Когда судят о человеке такого масштаба, это заставляет нас проявлять должную осторожность, предвосхищая с умом, руководствуясь только здравым смыслом.

Фактически, он скорее перенимает замысловатое богатство движущихся форм, чем упрощает их.

Если ему нужно воспроизвести дерево, на нем будут все его листья.

Но неразрешимый парадокс, который я оставляю распутывать на усмотрение другим, заключается в том, что он тем самым размывает своё видение и перегружает его, что это связано с предвзятостью по отношению к синтезу, сестре-близнецу стилизации.

* * *

Египет, тем не менее, похоже, стал для него горнилом испытаний, тем плавильным котлом, который обдал опоку его жизни расплавленной струёй такой чувствительной силы, которая, как полагают, его взорвала.

Это влияние, которое заостряют и подчеркивают работы последнего времени, заставляет нас отныне отделять иконописца или иллюстратора, с одной стороны, от пейзажиста, с другой. Первый – это человек, в значительной степени порождённый природой характера. Стимулируя свой творческий порыв, он затем пытается его обуздать, удержав – деспотизмом чересчур узких ограничений. Потому он считает его опасной болезнью, из-за страха ею заразиться, если его творческий порыв не устоит перед рабским подражанием.

Второй, похоже, слегка отрёкся от первоначальной непримиримости. Имеет ли в виду на этот раз художник пейзажи, что лучше отвечают его интимным предпочтениям, которые расширяют его темперамент и которые приглушают идущие из глубин [души] неожиданные пышноцветы? Я ничего об этом не знаю. Но после его возвращения из Палестины изумлённому взору открывается новый аспект. До сих пор Билибин работал над документом, в пыли архивов, на глазах раскрывая целую библиотеку. Вот и сейчас он бросает мастерскую ради горы с фиолетовыми тенями, мёртвой воды озера, свежего воздуха, яркого света в трепете задних планов. Его взгляд отвлекается от фрески, символического животного или сказочной птицы, чтобы с новым потворством взглянуть на кажущийся сон вещей, которые живут одной жизнью, какую обостряет бурная синева и небесная слякоть.

Например, этот эффект солнечного света на дереве, высмотренный в Палестине, эти четыре вида теней, что ложатся своим бархатистым муаром на землю, и крайняя часть которых так же залита солнцем, если не больше, как и самая светлая часть, – вот странная нота, которой у нас ещё не было времени записать, что свидетельствует если не о ниспровержении старой шкалы ценностей, то, как минимум, о мутации, ориентации на жанр, или, навскидку, Билибин здесь заявляет о своём мастерстве, о способности обновлять себя, своей неиссякаемой чуйке и своей лёгкости извлекать красоту [из-под] земли.

Выставка, организованная Обществом «Друзья искусства», эту двойственность подчёркивает. Она придает ей поразительный рельеф, сочетая обе манеры большого художника. Она позволяет по-настоящему ощутить, – что, однако, ни в малейшей степени его не интересуют, – то обновляющее воздействие, которое оказали на Билибина библейские горизонты.

* * *

Завершая эти вынужденно отрывочные заметки, следует помнить, что Иван Билибин известен во всём мире. Родовые инициалы, которыми он подписывает лучшие из своих работ,

при прочих равных есть лучшая гарантия их достоверности. До того, как приехать в Египет, Билибин уже составил себе громкое имя. Он уже был преподавателем, руководил школой и был ею востребован. Поэтому он не рассчитывал заработать здесь состояние. Посвящая Билибину этот номер, от чего может пострадать его скромность, мы не предполагали выпускать альманах на рынок. Мы только хотели возвысить художника, который скоро покинет нас, и воздать ему заслуженное почтение, на что он имеет право, до того, как будет принято решение об отъезде.

Жозе Канери

Небольшое замечание. Остроумные наблюдения, содержащиеся в этой статье, были предложены мне группой «Химера»³², где у меня есть проницательные друзья с проверенным критическим складом ума. Все остальное, то есть пустая трата слов, принадлежит мне. — Ж.[озе] К.[анери].

Русский художник в Египте. Иван Билибин

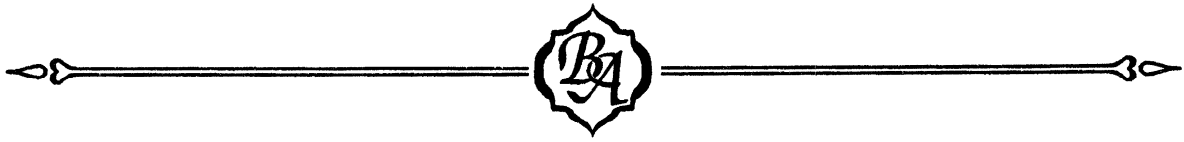
По окончании гимназии Билибин, как и подобало сыну *интеллигента*, поступил в Санкт-Петербургский университет³³ изучать право. Параллельно учёбе, которую, из уважения к отцу, нужно было довести до конца, он посещал вечерние занятия в школе Общества поощрения художеств. В 1898 году он воспользовался отпуском, чтобы поехать в Мюнхен, где его особенно поразила атмосфера свободной мастерской. По возвращении в Россию стены школы показались ему слишком узкими. Он начал искать мастерскую и в результате стал учеником Репина.

В следующем году в Санкт-Петербурге выставлялся Виктор Васнецов³⁴. Знакомство с работами мастера стало для Билибина откровением, мечтой. Красота религиозного канона, икон древнерусского стиля предстала перед ним с необычайной силой. И сразу же, преодолев влияние немецкой живописи, он взялся иллюстрировать народные сказки своей страны. Этот 1899 год, решающий для Билибина, должен запомниться и другой датой в истории русской живописи. Собрав вокруг себя ценителей национального искусства, вездесущий Дягилев³⁵ основал знаменитый журнал «Мир искусства», чьи публикации, как помнится, стали поводом к настоящей революции [во взглядах на искусство]. Сам Бакст³⁶, уже признанный, посмотрев рисунки Билибина, привлёк его в общество.

Вскоре после этого Императорская типография³⁷ купила у молодого художника серию рисунков к русским народным сказкам. Это в одночасье принесло если не состояние, то, по крайней мере, широкую известность. Отныне в течение многих лет Билибин продолжит составлять свои иллюстрации, а государственная типография продолжит их издавать. И очень быстро оказалось, что целью его деятельности и его учеников стало украшение русской книги. Он и сегодня может утверждать: «Моя специальность – это прекрасная книга».

С 1902 по 1904 год Билибин бывал в командировках по заданию Этнографического музея³⁸. Давно уже предметы быта в древнерусском стиле нельзя было сыскать в центральной части России. Но на севере, где бытовал тип мужика очень гордого, независимого и зажиточного [справного], крестьянки продолжали дарить своим дочерям такие же великолепные праздничные наряды, как у тех же бояр. Три лета подряд Билибин отправляется на поиски затерянных окраин, «медвежьих углов» на побережье под Архангельском и на Вологду. Здесь он собирает старинные вышивки, деревянную резьбу, народные изображения, посуду из дерева, парчовую одежду.

В 1907 году Третьяковская галерея (Музей русского искусства в Москве) купила у него серию акварелей. Ещё один рисунок был заказан в 1908 году французской стороной³⁹. Заказы сыплются, он может выбирать то, что ему интересно: работает для театра, украшает Государственный банк, большой вокзал⁴⁰ ...

В 1911 году, «благодаря исключительно своим глазам и своей правой руке», приобретает небольшой участок в Крыму⁴¹ и влюбляется в эту полувосточную страну, населённую татарами-мусульманами.

Отныне лето он проводит на берегу Чёрного моря, зиму – в Санкт-Петербурге. В начале войны избирается на три года президентом⁴² «Мира искусства».

В 1920 году он вынужденно уезжает из Крыма, где прожил последние два года. Пароход забирает его и увозит в гостеприимный Египет⁴³, лишив его книг, коллекций, всех его документов. Таким образом, мэтр-имажинист, предводитель образов, был вынужден физически, в уже зрелом возрасте, принять участие в этом исходе русской души на Восток, который лёг в основу изображённых им легенд вплоть до...

* * *

«В Каире, – сообщает нам Билибин, одушевляясь, – мне пришлось начинать свою жизнь, как художнику, заново, будто я родился во второй раз!» Обширная мастерская на улице Антикхана⁴⁴ кажется слишком тесной его замыслам. Представьте себе не какого-то светловолового крепыша с бледными глазами, а скорее потомка татар: русая борода, матовый цвет лица, взгляд, остроту которого не смогли погасить 25 лет упорного, кропотливого труда. Всё же доминирующим выражением является мягкость. Размышляя о его мужских ликах с икон, кажется, будто изнутри исходит свет, вырываясь из пылающего сердца. Рисунки сменяют друг друга, на создание эскиза уходят недели, на завершение требуются ещё недели. Обводка необычайной твёрдости, кажется, сделана пером; точка, это язык кисти. Как пальцы этого человека сумели усвоить урок долготерпения от Канона! В тайных хранилищах древних черпает он свой энтузиазм и медленно, экономно, без остановок, тонким полирует маслом жемчуг Красоты... Когда с простотой и пылом поэта он рассуждает о своём искусстве, своих задумках, своей стране, мы гадаем о том, что может дать испытанный восточный гений, получив закалку от северянина.

По словам самого Билибина: «Что касается меня, – говорит он, – мне кажется, я нашёл свой путь с первых шагов. Этот путь начинается в бескрайних лесах русского Севера. Он проходит по синим лесным рекам, по берегам которых разбросаны серые деревни с древними церквями... Именно там мне пришлось по душе собирать старомодную одежду и старинную вышивку. И я следую этому пути до сих пор. Но, как замшелая пелерина, я покинул берега северных рек с их деревнями, оставил мрачные леса, чтобы подняться на холм, где зажглась заря нашей истории, и повернуть вспять, вновь на тропу праведных!»

Ревнивый Бог пожелал, чтобы каждое слово Билибина давалось ему в борьбе с телом, победой воли. Его заикание подобно воде, шумящей вокруг преграды, которую она в конце концов сносит. Внезапно фраза возобновляется с невероятной силой:

«Мне нравится строгость и ритм канона. Когда долгие века полируют алмаз, то превращают его в камень замечательно высокой красоты... Древний Египет, Византия, Китай, Япония: столько драгоценных камней в короне мира. На самом же деле мы нынче ценим прошлое по-своему...»

Мэтр открывает книгу и показывает нам фотографии икон времен *большой войны*⁴⁵. «Я часто пытался, – продолжает он, – представить себе образ мыслей древних иконописцев в то время, когда они живописали свои иконы. Я никогда не мог этого добиться... Мне даже кажется, что мы не можем ясно и подробно представить, как великие мастера эпохи Возрождения создавали свои произведения... Итак, позвольте мне привести аллегорический пример: душа и тело. Душа становится понятной и осязаемой только через реальное тело. Сюжет, тема, стиль – вот основные формы, которые принимает идея, чтобы сделать себя видимой...»

Художник свободен, как птица, и, как птица, он должен восхвалять Творца собственной манерой петь. Но одна птица смотрит вперёд, а другая – назад, хотя обе сидят на одной и той

же ветке: и название этой ветви – актуальность. Вот как я, например, люблю прошлое и в то же время считаю себя современным. Тот, кто слепо копирует икону или миниатюру, художником не является. Я стараюсь вникнуть в канонические правила моих предков, но я не хочу им подражать рабски. Единственное, что я в них люблю, это то, что я – их сын... Я думаю о древней мелодии, когда-то сыгранной на странном инструменте, которого больше не существует. Воспринятая современником, эта мелодия находит своё место в симфонии, исполняемой при электрическом освещении... Но это всё та же мелодия, которая заставляет наши сердца биться так же, как бились сердца древних».

Показывая свои рисунки, Билибин рассказывает о приключениях героев сказки с гордостью и нежностью отца. Здесь, под пристальным взглядом могущественного царя, окружённого боярами в пышных одеждах, дева, не менее богато одетая, опускает глаза⁴⁶. Там рыцарь под личиной птицы снова пытается проникнуть в покои грозного правителя Индии⁴⁷... В другом месте жестокий великан крепко спит; его молодая жена пользуется случаем, чтобы предложить себя тому, кто оказал ей помощь и защиту; но добродетельный кавалер отказывается от соблазнительницы⁴⁸.

И Билибин от легенды возвращается к своей главной заботе, к искусству: «Прошлое страны имеет много граней... Никогда не имевший особого пристрастия к чистому и чёткому реализму, я, как художник-фантаст и патриот своей страны, обнаружил богатые залежи в наших народных сказках. Я нашёл тело моей души... Путь, о котором я только что говорил... Представьте себе зиму в русской деревне. Над всей природой лежит снег, покрывающий её саваном. И под этим саваном возле очага избы старая бабушка рассказывает сказку [любимой обузе], своим внукам.

Она рассказывает о дальних странах, жар-птицах, очаровательных садах и, как припев, который повторяется снова и снова, о богатом индийском царстве... Наше северное искусство – это сожаление, далёкое воспоминание о южных странах, откуда когда-то прибыли наши предки. Возможно, мы, славяне, были последними из всех европейцев, кто отделился от общей арийской этнической группы... И именно поэтому любовь к восточному солнцу так сильна в наших сердцах... Сейчас я нахожусь в Египте. Моя родина далеко от меня. Точно так же, как матросы рассматривают палубу корабля как часть территории своей страны, для меня эта мастерская – малый уголок моей России... Но, наконец, эта страна не кажется мне полностью чужой. Мусульманское искусство является если не прямым, то, по крайней мере, очень близким родственником русского искусства... Днём и ночью я мечтаю о том моменте, когда мои ноги коснутся родной земли.

Я надеюсь вернуться обогащённым своим пребыванием в этом Египте, который является бабушкой нашей [русской] общины».

* * *

Чувство, которое мы испытываем от того, что нам оказывают честь подобным доверием, состоит не только в уважении к мотивам, которое вы так достойно выдержали. Прекрасный урок для стольких учеников, стремящихся стать творцами ещё до того, как стать мужчинами. Сено для тех эстетов, которые рассуждают о настоящем времени, о прошлом, об искусстве, словно бабы о тряпках⁴⁹! Педанты, которые при свете луны разглядывают рельефы мастеров с огромным сердцем! Исследователи только что преуспели, раздвинув границы репортажа! Жалкие души, неспособные ни минуты прожить по-королевски, полностью отдавая себя!

К счастью, интеллекта, навыков, системы Д никогда не будет достаточно, чтобы стать художником. Тому, кто наблюдает за всем через стекло, под микроскопом, с высоты неприступных позиций, строить запрещено. Созидатель должен вступать в рукопашный бой с голым торсом. Ни одно великое произведение, открывающее жизненную правду, не обходится без странного сочетания глубоко прочувствованной боли и жалости, то есть без глубокой

нежности, без любви. И вновь, в который раз, противостоящая судьба обнажает, у одного Билибина, источники истинного величия:

Ах, ударь себя в сердце!..

Банальная идея, общее место для абстрактного положения. Правда возвышает, когда она воплощается в реальность, правду всегда полезно помнить. «Днём и ночью я мечтаю о том моменте, когда мои ноги коснутся родной земли». Разве этот крик не принадлежит народу изгнанных, что подают великолепный пример миру? И что можно подумать о стране, способной вызвать подобную мольбу у тех своих сыновей, кто знает её лучше всего? Так у феаков благородный Одиссей закрывал рукой свои щёки, обливаясь слезами, когда ему напомнили об Итаке⁵⁰.

Ф.[рансуа] -Ж.[озеф] Бонжан

Билибин и былина

Душу своей страны и своего народа Билибин отыскал в старых былинах и сказках, которые старые бабы рассказывают по вечерам маленьким русским детям. Чтобы сделать её отзывчивой для нас во всей её свежести, первозданной изобретательности и трогательной красоте, художник тратил, не считаясь, всё богатство таланта, энтузиазм и рвение, которые ему свойственны. Наподобие «Легенды веков»⁵¹ славян он воссоздаёт, будто играючи, целый исчезнувший народ – великолепных бояр и суровых воинов, нежных и кротких дев и благодушных мужиков. Его удивляют, застав врасплох на полянах Севера, игры живых и мёртвых. Перед ним Жар-птица своим причудливым всполохом внезапно осветила синие тени заснеженных лесных елей; в то время как на горизонте золотые луковки и серебряные шпильки московских церквей наполняли небо громогласным ликованием, он видел бородатых великанов, сражающихся со злыми драконами, как из пролитой крови рождается мандрагора, обещающая принцессе грёзы.

Никогда не уставая, своей дотошной кистью Билибин выслеживал неповторимый изгиб. Фауна, флора, определённо русские, всплывали из глубин древних веков и книги того, кого Буте де Монвель⁵² приветствовал как мастера, – эти книги, освещённые такой любовью и такой верой, ещё вернутся, доставив радость целому народу, после Великого Исхода⁵³, к части того же народа, жестоко оторванной от своей среды и своих традиций, одновременно свидетели революционной эпохи и обещания лучшего будущего, несмотря ни на что.

«Ибо, несмотря ни на что, наша Святая Русь-матушка не может умереть!» – писал Достоевский⁵⁴ из глубины каторги. Из глубин изгнания эта уверенность всё ещё разделяется целым народом, я знаю тех несчастных, оторванных от всего, что было их жизнью и ради чего они были созданы, вдали от произведений искусства, которые проявили жизненную силу своей расы, чтобы вспомнить об утраченной родине, с религиозным трепетом часто перелистывали один из альбомов, где Билибин воспевал свой и наш выбор, гордость за то, что – русские, и за то, чтобы быть русским по отношению ко всем и вопреки всему, неотвратимо [безусловно].

Разве не для них, всех собратьев по изгнанию, Билибин только что проиллюстрировал прекрасную легенду о Борисе и Глебе, двух святых покровителях русской общины?

Давайте послушаем его: «Скоро наступит вечер. Борис и Глеб, небесные странники, остановились перед избой, где лежит парализованный от рождения 33-летний *Илья Муромец*, *Илья Непобедимый*, которому суждено было стать любимым героем великой эпопеи, грезящий взаперти и в жару. Борис и Глеб, взмахнув посохами пилигримов, стучат в узкое оконце: «Илья Муромец, принеси нам попить». Им отвечает Илья: «Все на сенокосе, я не могу пошевелиться, тело скрючено и не слушает меня!» Прсят гости: «Илья Муромец, встань, принеси воды!» О чудо! При одном только звуке этих голосов Илья Муромец чувствует себя окрепшим, вновь в него вливается свежая сила, он встает с лавки и приносит просимую воду.

Напившись, незнакомцы понуждают его тоже выпить. Илья подчиняется. «Кем ты себя чувствуешь?» – спрашивают его. – «Я чувствую, как огромная сила наполняет меня всего, такая сила, что если бы под сводом небес Бог протянул мне своё кольцо, чтобы я мог на нём повиснуть, я стал бы способен перевернуть Вселенную». «Это слишком большая сила для одного, выпей снова», – приказывают ему его гости. – «Что чувствуешь?» «Я всё ещё чувствую в себе половину той силы, что чувствовал раньше!» «Этого достаточно для одного очага!» – отвечает ему Глеб. «Этого достаточно для тебя», – повторяет ему Борис. И оба святых исчезают с глаз долой, оставляя Илью Муромца воскресшим из мёртвых, предваряя ему чудесное поприще воина-защитника.

Рассказав эту легенду, Иван Билибин заставит задуматься всех, кто, как и он, несмотря ни на что, верит в пробуждение Ильи Муромца. «Зачем отчаиваться, – недавно написал Куприн⁵⁵, бывший одним из лучших друзей художника, – Россию ещё ждёт славное будущее!» Билибин никогда не сомневался в этом.

Пусть старое чудо легенды скорее возродится, Борис и Глеб снова пройдут по многострадальным деревням и вернут Илье Муромцу силу и страсть, пыл, которые позволяют ему преодолеть все препятствия и возродить новую Россию, славное будущее которой мы ожидаем.

Ж[ак] Р[ене] Фихтер

Примечания

¹ Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), график и театральный художник; член объединения «Мир искусства» (с 1916 его председатель); с 1920 г. жил за границей (Египет, Франция), вернулся на родину в 1936 г.; во время блокады Ленинграда отказался эвакуироваться, умер от истощения.

² Выходные данные издания таковы: Exposition Ivan Bilibine. Sous les auspices des Amis de l'Art. Alexandrie. Janvier. MCMXXV [1925] (paperback) XXX p., ill. Перевод с французского всех текстов издания принадлежит автору.

³ Сириин, Алконост – мифические птице-девы, часто изображаемые на лубках, олицетворяющие светлую радость (Алконост) и тёмную печаль (Сириин).

⁴ Благотворительное общество, действовало в СПб с 1893 по 1918 г., занималось выпуском художественных конвертов и открыток, репродуцируя работы художников, скульпторов, виды городов и местностей.

⁵ Общество «Друзья искусства» было основано в Каире в 1921 г. с целью «поощрять искусства и любые проявления художеств в любых формах». В 1924 г. было основано отделение в Александрии. Многие члены Общества художник знал, состоял в дружбе или был связан деловыми отношениями.

⁶ Каталог произведений И.Я. Билибина. Цит. по: Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике / Ред.-сост. С.В. Голынец. Л.: Художник РСФСР, 1970. С. 295–327.

⁷ Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892–1967) – художник-керамист, ученица Рериха и Билибина, последняя жена Билибина (с 1923 г.), приехавшая к нему в Египет из «красной» Совдепии вместе с сыном; участница блокады Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда».

⁸ Тамвако – один из заказчиков художника, данные установить не удалось.

⁹ Жозе Канери – французский египтолог, член-основатель «Друзей искусства» в Александрии.

¹⁰ Павлова Анна Павловна (1881–1931) – русская балерина; с 1910 г. гастролировала с собственной труппой во многих странах мира, в 1923 и 1928 гг. посещала Египет; для неё Билибин исполнил эскизы декораций и костюмов для балетов «Русская сказка» (1923) и «Роман мумии» (1923–1925).

¹¹ Франсуа-Жозеф Бонжан (1884–?) – французский писатель, автор романов и повестей из восточной жизни.

¹² Антуан Э. Бенаки (Бенакис) (1873–1954) – греческий хлопковый магнат, коллекционер и политик, основной заказчик Билибина в Каире.

¹³ Имеется в виду «большой сирийский православный храм» в Александрии или Каире, для которого Билибин с мая 1923 по июль 1925 г. исполнил и передал эскизы росписей; изображения некоторых сохранились на фото (Ивангородский музей).

¹⁴ Жак Рене Фихтер – швейцарский поэт, профессор университета Александрии.

¹⁵ Борис и Глеб, сыновья великого князя Владимира Киевского, убитые старшим братом Святополком «Окаянным», первые канонизированные на Руси святые, покровители русской общины.

¹⁶ «a maître» – франц. учитель, мастер, наставник.

¹⁷ «Автобиографические записки». Цит. по: Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. С. 58–65.

¹⁸ Валентина Евгеньевна Чирикова-Ульянищева (1897–1988) и Людмила Евгеньевна Чирикова-Шнитникова (1896–1995), дочери писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932), вместе с ними Билибин в феврале 1920 г. эмигрировал из России; покинули Египет для воссоединения с семьёй в Праге. См.: *Чирикова-Шнитникова Л.* Вспоминая Билибина // Наше наследие. 1991, VI. С. 32.

¹⁹ Мстислав Николаевич Потоцкий (1916–1999) – приёмный сын И.Я. Билибина, биолог, участник Великой Отечественной войны.

²⁰ Письма художника хранятся в Доме-музее Марины Цветаевой и в архиве Музея Рерихов в Москве.

²¹ Касдагли – хлопковый магнат, грек по происхождению, один из заказчиков Билибина.

²² В 1908 г. Билибин делал рисунки русских костюмов для постановки Дягилевым в парижской Grand Opera оперы «Борис Годунов»; воспроизведены в серии открытых писем Общиной Св. Евгении (1909).

²³ Оскар Рейнхардт – швейцарский меценат и коллекционер; путешествовал по Европе и Востоку, оказывал финансовую поддержку художникам.

²⁴ Анри Тюиль (1885–1960) – поэт, журналист, член общества «Друзья искусства» в Александрии, проживал в Париже и Египте.

²⁵ Агостино Джон Синадино, итальянский поэт-символист, писал по-итальянски и по-французски; дружил с А. Жидом, П. Валери, К. Кавафисом, Ф.Т. Маринетти.

²⁶ Шарль-Антуан Жомбер (1712–1784) – парижский издатель и книготорговец XVIII века, автор книги «Обращение к торговцам эстампами о различии виньеток, *кю-де-лямпов*, фронтисписов и прочих орнаментов, которые помещены в книгах» («Русский библиофил», 1914, № VII и VIII).

²⁷ Альманах «Новости Египта» (Париж), орган египтян, проживающих в Париже, издатель неизвестен, период издания 1924–1925, выходил дважды в месяц.

²⁸ Ганс Гольбейн Младший (1497–1543) – немецкий портретист эпохи Ренессанса, рисовальщик, гравёр, придворный живописец Генриха VIII; портретировал Э. Роттердамского, Т. Мора, других личностей эпохи.

²⁹ Альбрехт Дюрер (1471–1528) – немецкий рисовальщик, живописец и гравёр Северного Возрождения, крупнейший мастер ксилографии, первый теоретик искусства среди художников.

³⁰ Автохтон (греч.) – означает «принадлежащий к какой-либо местности». Синоним на латыни – «абориген», местное население, «коренные народы».

³¹ Транспозиция в живописи – заимствование и пластическая переработка.

³² Группа «Химера» – сведений собрать не удалось.

³³ Билибин получил диплом, «чтобы сделать удовольствие отцу, сказав, что никаким юристом я никогда не буду» (Профессиональное жизнеописание художника И.Я. Билибина, от сентября 1936).

³⁴ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) – живописец, автор картин на темы русской истории, народных былин и сказок.

³⁵ Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный и художественный деятель.

³⁶ Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) – живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства».

³⁷ Имеется в виду Экспедиция заготовления государственных бумаг.

³⁸ Этнографический отдел бывшего музея Александра III, затем Русского музея, по заданиям которого Билибин в 1902–1904 гг. командировался на Русский Север.

³⁹ Обложка и шмуцтитул к опере М.П. Мусоргского «Борис Годунов», выполненные для парижской Гранд Опера (Boris Godounow. Drame musical de Moussorgsky. Théâtre National de l'Opera. [Paris, 1908]).

⁴⁰ В 1913 г. Билибин исполнил эскизы стенописи и потолков для отделения Госбанка в Нижнем Новгороде и эскизы для одного из залов Казанского вокзала в Москве.

⁴¹ Батилиман – часть береговой полосы на Южном берегу Крыма.

⁴² В марте 1916 г. Билибин был избран председателем общества «Мир искусства».

⁴³ Беляков В.В. И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. М.: ДРЗ, «Русский путь», 2009.

⁴⁴ На улице Антикхана рядом располагалась и Штаб-квартира «Друзей искусства».

⁴⁵ Дословно с франц.: большая война – имеется в виду Первая мировая война.

⁴⁶ Имеется в виду акварель «Стрельчиха перед царём и свитой», илл. к сказке «Пойди туда – не знаю куда» (1919, повторения 1925)

⁴⁷ «Вольга под видом сокола», илл. к русской былине «Вольга» (1904).

⁴⁸ «Илья Муромец и жена Святогора», илл. к былине (1912). Нац. галерея, Прага, Чехия.

⁴⁹ Дословно с франц.: «как тряпичные куклы».

⁵⁰ Одиссей – герой поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»; скитаясь после Троянской войны, на пути домой попал к феакам, народу блаженных; на пиру при исполнении песни про ахейских героев у Одиссея хлынули слёзы; он открылся феакам, и те отвезли его на родную Итаку.

⁵¹ «Легенда веков» – сборник стихотворений Виктора Гюго (между 1855 и 1876 г.), циклическая эпопея, представляющая эволюцию человечества в виде «стены веков» с нарисованными сценами прошлого, настоящего и будущего, – как смену фигур, символизирующих исторические эпохи.

⁵² Буте де Монвель Луи Морис (1851–1913) – французский живописец и график, иллюстратор истории Жанны д'Арк, пользовался приёмами, характерными и для Билибина.

⁵³ Понимается не только эвакуация русской армии и гражданских лиц в ноябре 1920 г. из Белого Крыма, но и в целом массовая эмиграция (более 2,5 млн человек) за пределы России в период событий 1917 г., Гражданской войны и по её окончании.

⁵⁴ «Мы веруем, что Бог над нами может, Что Русь жива и умереть не может!..» (*Достоевский Ф.М.* На европейские события в 1854 году. Апрель 1854 г., Семипалатинск).

⁵⁵ Куприн Александр Иванович (1870–1938) – русский писатель, в 1919 г. эмигрировал, жил в Париже, в 1937 г. вернулся на Родину.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-70-82

Ю.Н. Тихонов

МЯТЕЖ ПУШТУНСКИХ ПЛЕМЁН В ХОСТЕ И ПЕРЕБРОСКА СОВЕТСКИХ БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ В АФГАНИСТАН В 1924–1925 гг.

История антиправительственных выступлений приграничных пуштунских племён является важной составной частью прошлого Афганистана, Британской Индии и международных отношений в Центральной Азии. Вплоть до середины XX века пуштуны много раз выступали с оружием в руках против как английских войск, так и афганских властей, пытавшихся лишить их традиционных прав и вольностей. Значительный военный потенциал пуштунов всегда учитывался великими державами в «Большой игре», так как от спокойствия в зоне племён во многом зависели безопасность Индии и стабильность в Афганистане и в приграничных районах сопредельных ему государств.

Руководство СССР до начала Второй мировой войны строило свои внешнеполитические планы Азии, исходя из необходимости обеспечить безопасность советских южных рубежей и укрепить свои позиции на подступах к Индии. В свою очередь, британское правительство умело использовало мятежные племена против дружественного Советскому Союзу эмира-реформатора Амануллы-хана¹ (1919–1929 гг.), одновременно решительно пресекая любые попытки иностранных держав установить тайное сотрудничество с пуштунскими племенами.

Важным этапом «Большой игры» вокруг Афганистана и Индии стал пуштунский мятеж в Хосте в 1924–1925 гг. Угроза свержения Амануллы заставила СССР оказать афганскому правительству военную помощь, ускорившую не только подавление восстания, но и переход афганских ВВС под советский контроль. Сам факт военного сотрудничества между Москвой и Кабулом достаточно известен в отечественной и зарубежной историографии, но многое ещё востоковедам и историкам-международникам предстоит уточнить на базе новых архивных документов, часть из которых публикуется ниже в 100-летний юбилей начала бурных событий в Хосте.

В 1924 году в Афганистане восстал ряд приграничных пуштунских племён, которые были недовольны реформами Амануллы-хана, приведшими к многократному росту налогов и нарушавшими вековые традиции афганцев. Реформаторская деятельность эмира вызвала гнев мусульманского духовенства, обвинившего монарха в нарушении норм шариата². Антиправительственная агитация части племенной верхушки и мулл, терявших свою власть в государстве, привела к мощному восстанию пуштунов Южного Афганистана³.

В середине марта 1924 года из Кабула в Южную провинцию пришёл приказ о наборе солдат в регулярную афганскую армию, что ускорило мятеж племён в районе Хоста. Возглавили его муллы Абдулла Ланг (Хромой мулла)⁴ и Абдуррашид, потребовавшие от Амануллы отмены реформ.

Аманулла-хан прекрасно знал о военной мощи пуштунских племён, поэтому сначала попытался ликвидировать конфликт мирно. К Абдулле Лангу и Абдуррашиду была отправлена правительственная делегация, но они отказались вести с ней переговоры. Афганский историк М. Губар считал, что уже в начале мятежа в Хосте эмир допустил ошибку: «Приезд делегации дал восставшим лишь отсрочку [...] свидетельствуя об официальном признании правительством мятежников и тем самым подняв их авторитет в глазах населения»⁵.

10 апреля 1924 года мятежные племена начали наступление на Кабул. Им навстречу выступили правительственные войска под командованием генерала Мухаммада Гуль-хана⁶. Они с большими потерями смогли пробиться к Гардезу, который пуштуны обошли и продолжили наступление на Кабул. Главной преградой на пути наступающих являлся перевал

Альтимур, но и он вскоре оказался в руках антиправительственных сил. В Кабуле стали готовиться к эвакуации правительственных учреждений.

В минуту крайней опасности Аманулла-хан принял все меры для стабилизации положения. У него хватило сил, чтобы отбросить мятежников от перевала Альтимур. Кабул был спасён. После этой важной победы армейские части под командованием нового министра Мухаммада Вали-хана⁷ соединились с гардезской группировкой правительственных войск.

Чтобы добиться прекращения мятежа в Южной провинции, Аманулла-хан пошёл на созыв Лоя Джирги. 19 июня 1924 года этот форум начал работу, продолжавшуюся две недели. Правительству пришлось пойти на многие уступки вождям племён и духовенству. Лоя Джирга 1924 года фактически свела на нет многие реформы Амануллы, вынужденного против своей воли утвердить её решения. Большинство из 700 делегатов, среди которых многие принадлежали к духовному сословию, постановили:

1. Отменить свободу вероисповедания.
2. Учредить в Кабуле и провинциях Управления общественной морали для воспитания населения по нормам ислама суннитского толка.
3. Судьи по шариату (казии) в обязательном порядке должны были входить во все государственные судебные органы.
4. Отменить все запреты, введённые эмиром для регулирования семейно-брачных отношений: вновь разрешались браки между несовершеннолетними; разрешалась полигамия.
5. Закрыть женские школы.
6. Назначать на административные должности «опытных» людей, то есть представителей местной элиты.
7. Сумма откупа от военной службы понижалась до 400 афгани.
8. Денежные штрафы в стране отменялись⁸.

Однако на Лоя Джирге не были решены вопросы о снижении налогов и свободе торговли приграничных племён с Индией. В связи с этим мятеж в Хосте в скором времени вспыхнул с новой силой. В начале августа 1924 года после окончания уборки урожая к мангалам и джадранам примкнули пуштунские племена чамкани, сулейман-хель, ахмадзаи и часть гильзайских родов. Они хотели привлечь на свою сторону племена Логарской долины для очередного наступления на Кабул.

Силы мятежников возглавил Абдул Карим⁹, сын бывшего эмира Афганистана Якуб-хана¹⁰, который тайно вернулся на родину из Индии¹¹. При поддержке «Хромого муллы» Абдул Карим заявил о своих претензиях на афганский престол. С помощью Абдуллы Ланга претендент объединил лашкары мятежных племён численностью до 15 тыс. воинов. В начале августа мятежные племена без труда вновь овладели перевалом Альтимур. Далее, наступая на Кабул по Логарской долине, они захватили селение Гиссарак (Гассарак). Дорога на Кабул была открыта.

В этот критический момент Аманулла-хан проявил твёрдость и бросил под Гиссарак свой последний резерв (четыре батальона и кавалерийский полк регулярной армии). С помощью этих сил населённый пункт был отбит.

Воспользовавшись удобным моментом, Аманулла-хан направил в племена Южной провинции своих эмиссаров с предложением заключить перемирие с 3 по 11 сентября 1924 года. Предложение эмира было принято, так как мятежникам нужно было пополнить свои силы и перегруппироваться.

Руководство СССР оценило антиправительственное выступление пуштунов Южной провинции как очередной заговор Великобритании против Амануллы. В связи с этим в Кремле было принято решение оказать Кабулу военную помощь. Уже 5 мая 1924 года Сталин¹², Троцкий¹³ и Чичерин¹⁴ предложили Политбюро ЦК ВКП(б) срочно выплатить Аманулле 250 тыс. рублей «в счёт годовых выплат»¹⁵. 21 августа 1924 года по предложению Чичерина Политбюро постановило отправить Аманулле 5 тыс. винтовок с необходимым количеством

патронов, 50-100 пулеметов, три радиостанции, «ускорить передачу (Афганистану. – Ю.Т.) аэропланов, находящихся в Кушке, вместе с лётчиками», а также «послать лётчиков для имеющих в Афганистане аэропланов»¹⁶. В октябре 1924 года Кабул получил от СССР пять боевых самолётов с лётчиками и механиками.

Механизм принятия решений и подготовки к переброске советской военной помощи в Афганистан частично раскрывают публикуемые ниже документы Российского государственного военного архива (РГВА). Они позволяют определить этапы перегона советских самолётов в Кабул в 1924–1925 гг. и общий объём поставок из ресурсов Туркестанского фронта. Кроме этого, из их содержания хорошо видно тесное взаимодействие советского полпредства в Кабуле со штабом Туркестанского фронта.

Текст документов публикуется по современным правилам орфографии с сохранением стилистики того времени. Пропущенные слова, части слов, а также предлоги (особенно в телеграммах) даются в квадратных скобках. В некоторых документах имеются значительные отрывки текста, выделенные карандашом. Для их указания использовано компьютерное подчеркивание.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Телеграмма Л.Троцкого в РВС¹⁷ Туркфронта. 15.08. 1924 г.

Следите ли правильно за ходом событий в Афганистане? Каковы Ваши предложения? Что намерены предпринять для ограждения границ в случае успеха контрреволюции? Какие мероприятия можете предложить Центру?

15.08.24 № 54.

Председатель РВС СССР Троцкий

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 125. Машинописный текст. Подлинник.

№ 2

Телеграмма Уншлихта¹⁸ в РВС Туркфронта. 25.08.1924 г.

Наше отношение к афганскому правительству Амануллы-хана остаётся по-прежнему дружественным, и афганский эмир может не только снимать войска с нашей границы, но решено оказать ему материальную помощь сверх договора в размерах, указанных в Вашей телеграмме № 2/л¹⁹. НКВД запрошен, каких систем требуется оружие, патроны, пулемёты, а также могут ли быть даны рации 1.75 киловатт и оружие нашего образца. По выяснении этих вопросов фронту будут даны исчерпывающие указания, будет сообщено о командировании наших лётчиков или другого персонала из состава фронта, а также установленных правил сдачи и лица афганправительства²⁰, которым имущество будет передаваться. О передаче самолётов указания, кроме того, будут даны начвоздухсил²¹ СССР. Подготовка передачи военного имущества будет вестись через члена РВС Т/ф тов. Берзина²², а потому надлежит теперь же начать предварительные меры к передаче указанного Вами числа винтовочных патронов и раций 1.75 киловаттных, включив сюда и английские образцы, дабы по выяснении вопросов в НКВД²³ возможно было бы передачу осуществить в срок. Ожидается донесение, как фронт думает выполнять передачу имущества из своих средств, которые затем будут пополнены из центра. Вместе с тем РВСР²⁴ одобряет принятые РВС фронта меры к принятию границы и считает необходимым:

1. Осуществить более или менее прочное прикрытие границы, развить агентуру в приграничной полосе. 2. Усилить борьбу с басмачеством в Бухаре, делая как раз в это время сильный нажим, дабы показать, что всякое усиление басмачества будет встречать и энергичную

борьбу с собой. 3. Для демонстрации в районе Кушки, кроме кавполка²⁵, желательно ещё стрелковый полк и артиллерию 1-й дивизии. 4. Разработать план действия группировки сил, если бы события в Афганистане начались складываться не в нашу пользу, причём необходимо учитывать, что фронт, прежде всего, должен рассчитывать на свои силы. Соображения РВС фронта по усилению обороноспособности ожидается.

№ 5074.

Врид²⁶ Запред²⁷ РВС Уншлихт

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 131. Машинописный текст. Подлинник.

№ 3

Телеграмма командования Туркфронта в Кабул. 26.08.1924 г.

Кабул, Полпреду²⁸ СССР Старку²⁹

Копия: Агенту НКВД Герману³⁰

В связи с получением директив из Москвы можем передать 450 английских [и] 4550 русских винтовок, 50 пулемётов Максима с 150 пул[емётными] лентами³¹, две рации по 1,75 киловатта. Патронов английских ОДИН МИЛЛИОН³², русских ТРИ МИЛЛИОНА, один Юнкерс³³, четыре Хавеленда³⁴. Авиацию предположено отправить летом под руководством АКАШОВА³⁵. Для предварительной подготовки просим сообщить, где выгоднее будет произвести передачу вооружения и патронов. Можно предложить Афганправительству снять [с] границы войска, гарантировав её неприкосновенность с нашей стороны. Ташкент. 26 августа 1924 года. Нр 9/л

Командтуркфронтом

Член РВС

Левандовский³⁶

Берзин

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 130. Машинопись. Подлинник. Подписи – автографы.

№ 4

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 28.09.1924 г.

Ташкент, Герману

За последние дни продолжались сильные бои в районе Люхгард³⁷ – Алтимур. Одновременно Мухаммед Вали-хан начал наступление на Алтимур. Началось также продвижение Газнийского отряда на Хост через Джелдалых³⁸. В результате боёв занято селение Алтимур, часть ущелья и подступы к Алтимурскому перевалу. Последний ещё не занят и обстреливается артиллерией. Занятие его возможно в ближайшие дни. Концентрация войск продолжается. Прибыло в Кабул из Мазара два батальона. Из Кандагара и Газни [переброшено] ещё две тысячи мобилизованных, ожидаются два батальона из Герата. В Джелалабаде сосредоточивается отряд в составе восьми тысяч. Эмир высказал мне, что, несмотря на некоторый успех в Алтимурском районе, он считает зимнюю кампанию неизбежной.

28.09.24 № 362.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 17. Машинописный текст. Подлинник.

№ 5

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 28.09.1924 г.

Ташкент, Герману

Эмир полагает, что после соединения с войсками Мухаммед Вали-хана, имеющее произойти после занятия Алтимур, важнейшей задачей является изоляция Хоста. Эта задача чрезвычай-

чайно трудная, но только этим путём возможно ускорить ликвидацию восстания. Эмир придаёт большое значение работе наших самолётов в деле овладения перевалом Алтимур.

28.09.24 № 363.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 16. Машинописный текст. Подлинник.

№ 6

Служебная записка представителя НКИД в Средней Азии в РВС Туркестанского фронта. 29.09.1924 г.

Члену Реввоенсовета Туркфронта
тов. Славину³⁹

Уважаемый товарищ,

В телеграмме Наркоминдела⁴⁰ тов. Чичерина от 24 сего месяца за № 3024⁴¹, содержащей извещение за подписью тов. Розенгольца⁴², предлагается сделать распоряжение об отправке 150 пудов авиабомб из Кушки. Своевременная доставка таковых, как и прочего военного имущества, зависит от Афганпра, имеющего предоставить перевозочные средства.

Прошу Вас не отказывать сообщить, получено ли Вами такое распоряжение и отдано ли Вами соответствующее приказание.

Агент НКИД в Средней Азии

Герман

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 7. Машинописный текст на бланке Представительства НКИД в Средней Азии. Подлинник. Подпись – автограф.

№ 7

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 30.09.1924 г.

Ташкент, Герману

Перевал Алтимур занят правительственными войсками. Состоялось соединение с отрядом Мухаммед Вали-хана. Из разных источников поступают сведения, что англичанами заявлен протест против принятия на службу наших лётчиков. Протест будто бы оставлен эмиром без ответа. [К] этим сведениям надлежит отнестись осторожно. Постараюсь проверить таковые.

30.09.24 № 369.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 15. Машинописный текст. Подлинник.

№ 8

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 6.10.1924 г.

Ташкент, Герману

Вчера совершили первый боевой полёт два Хавеленда. Полёт продолжался два с половиной часа, причём были сброшены бомбы и прокламации в районе Зурмаха, где за последнее время ведутся бои. Несмотря на неблагоприятную погоду, полёт прошел удачно. Военное положение продолжает быть благоприятным. Войсками ведётся наступление на Зурмах в двух направлениях, от Газни и от Гардеза, с целью ликвидации повстанцев Зурмаха и обеспечения своего правого фланга для дальнейшего продвижения вдоль границы. Фронт проходил вчера (по английской карте) Гачина – Асебора. Индграница⁴³: Арбат, Ташнак, Хан-хель, Гардез (юго-восточнее несколькими верстами), Двигар, Калагу (юго-восточнее), Гундин, Котанский перевал. Маргха на индгранице. В Кабул продолжают прибывать подкрепления.

6.10.24 № 379.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 33. Машинописный текст. Подлинник.

№ 9

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 6.10.1924 г.

Ташкент, Герману

Эмир пытается ликвидировать восстание в продолжение октября и ноября, принимает все меры к тому, чтобы избежать зимней кампании. Работа прибывших наших самолётов произвела огромный политический эффект. Англичане, их сторонники, а особенно немцы, сильно смущены и отыгрываются тем, что некоторые части и моторы самолетов нерусского производства. При содействии Межраупа⁴⁴ разрабатываю план создания Афганского Воздушного флота с ремонтными мастерскими и школой. Этот план думаю в ближайшем времени предложить эмиру. В настоящее время идут совещания по заключению контракта с нашими лётчиками. Не надеюсь на успешность таковых, ввиду непомерных требований наших товарищей. Условия немцев и итальянцев более скромные. Стараюсь умерить требования наших товарищей. В крайнем случае, апеллирую к Вам.

6.10.24 № 380.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 33. Машинописный текст. Подлинник.

№ 10

**Служебная записка представителя НКВД в Средней Азии
в РВС Туркестанского фронта. 7.10.1924 г.**

Члену Реввоенсовета Туркфронта
тов. Славину

Уважаемый товарищ,

Полномочный Представитель СССР в Афганистане тов. Старк телеграммой от 4-го октября с/г за № 374⁴⁵ просит срочно сообщить, отправлен ли вьючный караван с авиаимуществом с афганского поста Гата-Гисар напротив Термеза в Кабул.

Одновременно тов. Старк вторично запрашивает о цене авиабензина франко Термез. О последнем я уже в своё время запрашивал Комиссара Воздушных Сил Туркфронта, но не получил до сих пор ответа.

Агент НКВД в Средней Азии

Герман

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 23. Машинописный текст на бланке Представительства НКВД в Средней Азии. Подлинник. Подпись – автограф.

№ 11

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 14.10.1924 г.

Ташкент, Герману

В общем, военное положение остаётся без особенных перемен. Продолжается постепенное очищение Зурмата, в котором участвуют наши самолёты, совершившие три боевых полёта. Вчера самолёты летали на территории Чандрани – окраина Хоста. В районе Гардеза произошло небольшое продвижение. Джелалабадский отряд на левом фланге, продвигаясь вдоль границы, вошёл в области Джаджи и Чемкени и проник в область Мангал, захватив селение Майдан-Хауле. Однако этот пункт, по последним сведениям, взят обратно повстанцами, и войска отступили назад. В Кабул продолжают прибывать подкрепления. За последние 22 дня прибыл отряд из Герата около 1000 человек (один батальон, сотня кавалерии, одна горная батарея и несколько отрядов хазарейцев).

14.10.24 № 390.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 29. Машинописный текст. Подлинник.

№ 12

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 14.10.1924 г.

Ташкент, Герману

По сообщению министра иностранных дел, в районе между Кандагаром и Феррахом спокойно. Регулярное прямое сообщение с Кандагаром закрыто. Лиц, командированных в Кандагар и Герат, направляют через Индию и Белуджистан. Ощущается недостаток в оружии: полиция и охранные части перевооружены старыми пистонными ружьями. Последние партии мобилизованных пока что вооружают. Корреспондент РОСТА⁴⁶ Махмуд Тарзи⁴⁷ высказался по поводу возможного срока ликвидации восстания, что такового можно ожидать не ранее как через 3 или 4 месяца.

14.10.24 № 391.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 29. Машинописный текст. Подлинник.

№ 13

Шифротелеграмма Л. Старка в Штаб Туркфронта. 16.10.1924 г.

Для Штаба Туркфронта. Просьба Афганправительства ввиду невозможности перевозки Сопвичей⁴⁸ Кандагарской дорогой [в]следствие перерыва [в] нескольких местах сообщения [по] этой дороге прошу срочно перебросить Сопвичи в Термез. Расходы [по] переброске Афганправительство принимает на свой счёт. [Из] Термеза Сопвичи должны идти лётом. Согласно имеющегося уже опыта Межрауп считает перелёт возможным [по] маршруту через Бамиан. Для перелёта немедленно [по] получения Вашего сообщения [об] отправке Сопвичей в Кушку будут командированы из Кабула два наших лётчика, знающих маршрут, которые по пути до Термеза примут необходимые меры [для] подготовки площадок вынужденного спуска. Других двух лётчиков необходимо выделить Туркфронту. Эти лётчики также поступят [на] афганслужбу. Переброску и сборку аппаратов [в] Термезе необходимо произвести [в] самый кратчайший срок. Срочите⁴⁹ ответ.

16.10.24 № 395.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 39. Машинописный текст. Подлинник.

№ 14

Телеграмма из Кабула советского полпреда Л. Старка. 27.10.1924 г.

Москва, Ташкент, Герману

Я предложил эмиру составленный мною вместе с Межраупом план организации афганского воздухофлота. В плане предусматривается создание двух отрядов для разведок. Каждый отряд должен состоять из восьми действующих и четырёх запасных Хавелендов, а также одного истребительного отряда, состоящего из четырёх запасных Фоккеров 27⁵⁰ и восьми действующих. План намечает также выпуск двух самолётов, требующих среднего ремонта и одного – капитального ремонта. Затем школа с выпуском 30 групп наблюдателей, 60 механиков и специалистов, восемь помощников служб. Лётная часть школы: четыре Сопвича, восемь Авра⁵¹, два Фоккера 27, четыре Хавеленда с мотором «Пума». Дополнительно будет произведена разработка плана устройства сети аэродромов вдоль южной границы, а также противоздушной обороны Кабула. С указанным планом эмир принципиально согласен, причём указал на желательность его выполнения в 1925 году.

27.10.24 № 413.

Старк

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 52. Л. 39. Машинописный текст. Подлинник.

№ 15

Служебная записка представителя НКВД в Средней Азии. 11.01.1925 г.

Командующему Туркфронта
тов. Левандовскому

Уважаемый товарищ,

Для Вашей информации сообщаются следующие сведения о состоянии военных действий в Афганистане против повстанцев к началу нового года по данным т. Старка.

Военные действия в Хосте можно считать окончательно прекращёнными. Последние группы повстанцев, скрывающиеся в горах, начали переговоры с Мухаммедом Вали Ханом о полной сдаче. При этих переговорах лично участвует от имени главных вождей восстания Мулла Абдулаг. В Кабул прибыло для ведения переговоров около двухсот мангалов и чадран. Согласно имеющимся сведениям, которые трудно проверить, Абдулу Кериму удалось перейти через индийскую границу. Он теперь, по сведениям, находится в Вазиристане. Правительство приступило к демобилизации. В настоящее время уже распущены все племенные войска, в том числе хазарейцы. В Кабул вернулась большая часть гвардии. В бывших районах восстания и в Хосте пока остаётся около 20 000 войск. Предстоит [их] дальнейшее сокращение. К началу января предполагается поездка эмира в Джелалабад, где он намерен созвать совещание из представителей племён.

Агент НКВД в Средней Азии

Герман

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 140. Машинописный текст на бланке Представительства НКВД в Средней Азии. Подлинник. Подпись – автограф.

№ 16

Шифротелеграмма замначальника штаба РККА Пугачева⁵²

Командующему Туркфронта

Поступают сведения о вновь подготовляющемся при поддержке Англии выступлении против Афганского Правительства. В связи с этим Пред[седатель] РВС СССР приказал принять следующие меры:

Организовать наблюдение за всем происходящим в Афганистане.

Усилить бдительность охраны границы.

Подготовить в Кушке или Термезе (желательно в Кушке) авиационную группу из наличных воздушных сил фронта для подачи быстрой помощи в Кабул, если по обстановке это окажется необходимым.

По исполнении донесите с указанием всех принятых Вами мер.

27 марта [1925 г.]

Зам. Начштаба РККА

Начальник Оперупра Штаба РККА

Пугачев

Белицкий⁵³

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 140. Машинописный текст на бланке Шифровальной части штаба Туркестанского фронта. В левом нижнем углу имеется резолюция Левандовского: «Направить приказ Начвоздух ... о границах. Начштабу. Запросить срочно Кабул. Старку и Герману пункты сформулировать».

№ 17

Служебная записка представителя НКВД в УзССР. 8.04.1925 г.

Бухара, 8 апреля 1925 г.

В Революционный Военный Совет Туркфронта
тов. Левандовскому

Уважаемый товарищ,

Сообщением из Кабула от 3.04.25 тов. Старк даёт описание общего положения в Афганистане. Данные этой обстановки тов. Старк определяет таким образом: «Политическое положение в Афганистане по последним данным значительно улучшилось. Восстание в Хосте можно считать вполне ликвидированным: повстанческие племена сдались, главари захвачены, Абдул Керим бежал в Индию. За последнее время происходят только незначительные стычки. Возобновление восстания в прежнем районе едва ли возможно в силу мер, принятых афганским правительством. Хотя часть войск из Хоста и выведена, так как затруднительно там задержать их по условиям снабжения, однако оставлено 15 000 под главным командованием Гуляма Наби Хана⁵⁴, имеющего связи с племенами.

Слухи и агентурные данные о предстоящем возобновлении восстания весной пока не оправдались. Однако не подлежит сомнению, что соответственная работа со стороны англичан среди племён ведётся весьма усиленно, англичане для этой цели направили на границу оружие и боеприпасы, усиленно вооружая кочевые племена, уходящие на зиму в Индию и возвращающиеся весной обратно в Афганистан, а также производя обработку повстанцев, значительная часть которых бежала в Индию. Прямого наступления англичан на Афганистан нет, однако усиление английского давления против афганцев, и не только через пограничные племена, но и по подготовке операционных баз и дорог для будущего наступления против Афганистана можно считать вполне установленным.

Наша задача в настоящий момент – максимальная бдительность и принятие мер, которые не провоцируют англичан на какие бы то ни было активные выступления, в то же время показывают, что мы не останемся равнодушными перед авантюрами английского империализма против Афганистана».

Содержание этого сообщения передается Вам по просьбе тов. Старка.

С товарищеским приветом

А. Знаменский⁵⁵

РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 47. Л. 157–158. Машинописный текст на бланке Полномочного Представительства СССР в Бухаре. Подлинник. Подпись – автограф. На левом поле документа имеется прямоугольный штамп Секретариата командующего Туркфронта.

Примечания

¹ Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. – король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе.

² О реформах Амануллы см. подробнее: *Poullada B.P.* Reform and Rebellion in Afghanistan. 1919–1929. L., 1973.

³ *Коргун В.Г.* История Афганистана. 20 век. М., 2004. С. 119–129.

⁴ Абдулла Ланг (Абдулла-хан Гардези) (?–1925) – мулла, возглавивший мятеж племён Хоста против Амануллы-хана в 1924 г. Расстрелян в 1925 г.

⁵ *Губар М.* Афганистан на пути истории. М., 1987. С. 155.

⁶ Гуль-хан Моманд (Мухаммад) (?–?) – начальник штаба афганской армии в 1924 г.

⁷ Вали-хан, Мухаммад (?–1933) – афганский дипломат и военный деятель. Генерал. В 1919 г. был назначен послом в Бухару и Советскую Россию, одновременно являлся главой афганской делегации,

отправленной Амануллой для участия в Версальской конференции. В октябре-ноябре 1919 г. провёл переговоры в Москве об установлении постоянных дипломатических отношений между РСФСР и Афганистаном. Дважды встречался с Лениным. Июль 1920 г. – глава особой дипломатической миссии в Турцию. 1921–1922 гг. – во главе афганских миссий посетил США, Англию, Германию, Францию и Италию. 1922–1924 гг. – министр иностранных дел. С 1924 г. – военный министр. 1927–1928 гг. – исполняющий обязанности главы государства в период заграничного турне эмира Амануллы. В 1930 г. осуждён на 8 лет тюрьмы «за провокацию гражданской войны» в Афганистане. В 1933 г. казнён Надир-шахом.

⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 897. Л. 5.

⁹ Абдул Керим (?–?) – сын афганского эмира Якуб-хана. В 1925 г. после поражения восстания в Хосте бежал в Индию; британскими властями был сослан в Рангун, где его убил афганский националист.

¹⁰ Якуб-хан Баракзай (1849–1923) – афганский эмир в 1879–1880 гг., сын Шир Али-хана. В 1870 г. восстал против своего отца. С 1874 г. находился в тюремном заключении. В 1879 г. был посажен англичанами на кабульский престол. В 1880 г. отрёкся от власти и бежал в Индию.

¹¹ Документальных свидетельств о том, что за Абдул Керимом стояла Англия, не найдено, но Леон Пуллада пишет, что в устной форме разрешение британских властей сын Якуб-хана всё же получил. См.: *Poullada B.P. Reform and Rebellion in Afghanistan*. P. 250.

¹² Сталин (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – один из руководящих деятелей ВКП(б) и советского государства. С 1917 г. член ЦК и ВЦИК. В 1919–1952 гг. – член Политбюро. В 1917–1922 гг. – нарком по делам национальностей; одновременно в 1919–1920 гг. был наркомом госконтроля и в 1920–1922 гг. наркомом РКИ РСФСР. Активный участник Гражданской войны. В сентябре-ноябре 1920 г. был уполномоченным Политбюро ЦК РКП(б) на Кавказе.

¹³ Троцкий (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940) – советский государственный, партийный и военный деятель. В 1917–1918 гг. – нарком иностранных дел РСФСР. В 1918–1925 гг. был наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета РСФСР (затем СССР), член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1927 г. исключён из партии, а в 1929 г. выслан из СССР. В 1938 г. основал IV Интернационал. Убит в Мексике по приказу Сталина.

¹⁴ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник I-го конгресса Коминтерна. В 1922 г. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. В 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК КПСС). Оп. 162. Д. 1. Л. 53.

¹⁶ *Губар М.* Афганистан на пути истории. С. 153.

¹⁷ РВС – Революционный военный совет.

¹⁸ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – советский партийный, государственный, военный деятель. В 1917 г. – член Петроградского ВРК, ВЦИК. С декабря 1917 г. член коллегии НКВД. В 1918–1919 гг. – организатор обороны Пскова, председатель Центропланбежа. С февраля 1919 г. нарком по военным делам и член ЦИК Литовско-Белорусской республики. В июне-декабре 1919 г. – член РВС 16-й Армии. До 1921 г. воевал на Западном фронте. В 1921–1923 гг. – зам. председателя ВЧК-ГПУ. В 1925–1930 гг. – зам. наркомвоенмора и председателя РВС СССР. В 1933–1935 гг. – начальник Главного управления гражданского воздушного флота СССР. В 1925–1937 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Репрессирован.

¹⁹ Документ не публикуется.

²⁰ Афганправительство – афганское правительство.

²¹ Начальник Военно-воздушных сил.

²² Берзин Рейнгольд Иосифович (1888–1939) – советский военный деятель. Родился в семье батрака в бывшей Лифляндской губернии. За революционную деятельность неоднократно подвергался репрессиям. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. – делегат II Всероссийского съезда Советов. В ноябре 1917 г. командовал войсками Северной группы по ликвидации контрреволюционного заговора в Ставке в Могилёве, с конца декабря – Минским революционным отрядом, а затем 2-й революционной армией на Украине (против Центральной рады). С начала 1918 г. – главком Западного фронта; с июня – командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, затем 3-й армией и с ноября – 9-й ар-

мией Южного фронта. С декабря 1918 г. – инспектор Красной Армии Латвии. В 1919–1920 гг. – член РВС Западного, Южного, Юго-Западного фронтов. После Гражданской войны Берзин – член РВС Туркестанского фронта (декабрь 1923 – июль 1924 г.), Западного военного округа (с июля 1924 г.). В 1927–1937 гг. на хозяйственной работе. Репрессирован.

²³ НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.

²⁴ РВСР – Революционный военный совет республики.

²⁵ Кавполк – кавалерийский полк.

²⁶ Врид – временно исполняющий дела.

²⁷ Зампред – заместитель председателя.

²⁸ Полпред – полномочный представитель.

²⁹ Старк Леонид Николаевич (1889–1943) – советский дипломат. В 1924–1936 гг. – посол в Афганистане. До 1937 г. – уполномоченный НКВД при правительстве ЗСФСР.

³⁰ Герман Иван Эрнестович (1884–1938) – советский государственный деятель и дипломат. С 1904 г. член РСДРП. До 1908 г. – учитель в Курляндии. В 1908–1914 гг. – в эмиграции в Берлине. В 1918 г. – заведующий расчётным отделением правления Народного банка. В 1918–1919 гг. – председатель Тамбовского Губкома РКП(б). В 1920 г. – начальник финотдела Продовольственного комиссариата юга России; начальник финотдела Революционного комитета Крыма. В 1921 г. – зав. финотделом г. Ростова. До 1923 г. – корреспондент РОСТА при ВЦИК в Латвии. С 1923 г. – агент НКВД в Полторацке. В 1924 г. – агент НКВД в Ташкенте. В 1925–1926 гг. – уполномоченный НКВД в ТССР; член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). В 1926–1931 гг. – заместитель заведующего Отделом печати СНК РСФСР; референт СНК РСФСР. С 1937 г. – старший экономист конторы «Агротехзнание» Наркомата земледелия РСФСР. Репрессирован.

³¹ Стандартная пулемётная лента вмещала 250 патронов.

³² Так в документе.

³³ Речь идёт о пассажирском самолёте Юнкерс-F13.

³⁴ Боевой самолет-биплан «Де-Хэвилленд» ДН-9 (Р-1). Вооружение: 2 пулемёта и 200 кг авиабомб.

³⁵ Видимо, речь идёт об Акашеве Константине Васильевиче (1888–1931), советском военачальнике, первом главкоме авиации Советской России. Революционер. В 1910–1915 гг. прошёл курс обучения лётному делу в Италии и Франции, военный лётчик. В 1917 г. – комиссар Управления Военно-воздушного флота. В декабре 1917 г. назначен председателем Всероссийской коллегии по управлению воздушным флотом. В 1918 г. был командующим ВВС 5-й армии Восточного фронта, с декабря – начальник авиации Южного фронта. В 1919–1921 гг. – начальник Главвоздухофлота. До 1930 г. работал на руководящих должностях на авиазаводах и преподавал в Академии Воздушного флота. В 1930 г. репрессирован. Расстрелян 9.04.1931 г.

³⁶ Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – советский военный деятель. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. С 1920 г. – в РКП(б). В 1918 г. вступил в Красную Армию. В 1918 г. нарком по военным делам Терской республики; командующий Владикавказско-Грозненской группой войск. Гражданскую войну провёл на Кавказе. В 1921 г. – военком Тульской губернии. С 1921 г. помощник и зам. командующего военным округом. В апреле 1924 – ноябре 1925 командующий Туркестанским фронтом. С 1925 г. командовал Кавказской Краснознамённой армией. В 1928–1929 гг. – уполномоченный Наркомата по военным делам при СНК ЗСФСР, начальник Главного управления РККА. С декабря 1929 г. – командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов. С 1934 г. – член Военного совета при наркомате обороны СССР. В 1937 г. избран депутатом Верховного Совета СССР. С 1937 г. – командующий Приморской группой войск Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии. Репрессирован.

³⁷ Так в документе. Речь идёт о Логаре.

³⁸ Искаженное название географического пункта. Видимо, речь идет о Джагдалаке.

³⁹ Славин (Бас) Иосиф Еремеевич (1893–1938) – советский военный деятель и политработник. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1924–1925 гг. – член РВС Туркестанского фронта, одновременно заведующий отделом агитации и пропаганды Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Участвовал в руководстве боевыми действиями по ликвидации басмачества. Репрессирован.

⁴⁰ Наркоминдел – народный комиссар по иностранным делам.

⁴¹ Документ не публикуется.

⁴² Розенгольц Аркадий Павлович (1889–1938) – советский государственный деятель. Сын купца. В 1905 г. вступил в РСДРП, большевик. В 1917 г. – член Исполкома Моссовета, член Московского военно-революционного комитета, кандидат в члены Центрального штаба Красной гвардии. В 1918–1919 гг. – член РВСР, член РВС Восточного и Западного фронтов, ряда армий. В 1920 г. – член коллегии Наркомата путей сообщения РСФСР. С августа 1923 г. – 1924 г. – член РВС СССР, начальник и комиссар Главного управления ВВС РККА. В 1925–1927 гг. – советник полпредства и полпред в Великобритании. Репрессирован.

⁴³ Индграница – индийская граница.

⁴⁴ Так в документе. Межерауп Пётр Христофорович (1895–1931) – командир Красной Армии, военный лётчик. В 1917 г. – член исполкома авиационных частей 12-й армии; делегат конференции авиарботников Ходынского аэродрома; принял участие в октябрьском вооружённом восстании в Москве. В 1918 г. – военком Смоленской авиагруппы Красной Армии; военный комиссар Управления авиации и воздухоплавания 8-й армии. В 1919 г. окончил Егорьевскую авиашколу; лётчик, а затем командир Казанского авиаотряда 13-й армии. В 1920 г. участвовал в разгроме Врангеля. С ноября 1921 г. был начальником 5-го авиаотряда в Карелии. С августа 1923 г. – начальник ВВС Туркестанского фронта. Летом 1924 г. – лётчик-испытатель Научно-опытного аэродрома в Москве. Осенью 1924 г. организовал переброску советских военных самолётов (Р-1) в Афганистан. За перелёт Термез – Кабул награждён афганским орденом «Звезды» третьей степени и третьим орденом Красного Знамени. В 1924–1925 гг. участвовал в боях против басмачей. Награждён орденом Красного Знамени ХССР и БНСР. С февраля 1926 г. – заместитель начальника Научно-опытного института по лётной части. Участвовал в нескольких сверхдальних перелетах. В 1927 г. окончил Курсы высшего начсостава при Военной Академии РККА. С 1927 г. – начальник ВВС Ленинградского военного округа. С сентября 1930 г. – сотрудник Лётной инспекции ВВС РККА. Погиб в авиакатастрофе 9.09.1931 г.

⁴⁵ Документ не публикуется.

⁴⁶ Российское телеграфное агентство.

⁴⁷ Тарзи, Махмуд (1866–1935) – афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. – посол во Франции. Идеолог младоафганского движения. Тесть Амануллы-хана.

⁴⁸ Сопвич (Sopwith) – многоцелевой боевой самолёт. Массово строился во время Первой мировой войны. Значительное количество «Сопвичей» было выпущено в России по лицензии. Технические характеристики: экипаж – пилот и наблюдатель, мощность двигателя – 130 л. с., скорость – до 164 км/ч., дальность – 565 км (350 миль), потолок высоты – 3960 м (13 000 футов). Вооружение: 2 пулемёта, до 100 кг бомб.

⁴⁹ «Срочно отвечайте».

⁵⁰ Тип самолёта указан неверно в результате опечатки. Речь шла об истребителях «Фоккер D XII», которые имелись на вооружении Красной Армии, но к 1925 г. были крайне изношены. Предложение немецких специалистов закупить новые «Фоккеры» в Нидерландах встретило резкое противодействие советской стороны.

⁵¹ Авро-504 – двухместный биплан. В 1920-х гг. чаще всего использовался в качестве учебного самолёта. Технические характеристики: мощность двигателя – 110 л. с., скорость – до 144 км/ч., дальность – 400 км, потолок высоты – 4875 м. Вооружение – 1 пулемёт «Льюис».

⁵² Пугачёв Семен Андреевич (1889–1943) – советский военный деятель. Член ВКП(б) с 1934 г. Из дворян. В 1908 г. окончил Алексеевское военное училище. В 1914 г. окончил Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны: старший адъютант и штаб-офицер для поручений при штабе 6-го Сибирского армейского корпуса, помощник начальника отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта. За боевые отличия имел награды. Был отравлен газом. Последний чин в старой армии – капитан. В РККА добровольно с 1918 г. Участник Гражданской войны на Восточном, Южном, Юго-Восточном и Кавказском фронтах. В годы войны занимал должности начальника административного управления штаба Уральского военного округа, начальника оперативного отдела штаба 2-й армии Восточного фронта и Особой группы Южного фронта, начальника оперативного управления штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов. С марта 1920 г. – начальник штаба Кавказского фронта. С сентября 1921 г. – начальник штаба Отдельной Кавказской армии, он же помощник Народного комиссара по военным и морским делам Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР). В июле 1923 г. назначен командующим Туркестанским фронтом. С апреля 1924 г. – командующий войсками Кавказской Краснознамённой ар-

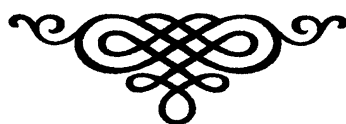

мии. С февраля 1925 г. – заместитель начальника Штаба РККА. В 1927–1928 гг. – военный консультант советской делегации на Женевской конференции по разоружению. С декабря 1928 г. по февраль 1931 г. – начальник штаба Украинского военного округа. В 1931 г. – начальник штаба Среднеазиатского военного округа. С августа 1932 г. – начальник Военно-транспортной академии РККА. В 1938 г. уволен из рядов РККА, репрессирован. Умер в лагере 23 марта 1943 г.

⁵³ Белицкий Семён Маркович (1889–1938) – советский военный деятель. Член РКП(б) с 1920 г. Участник Первой мировой войны, ефрейтор. В феврале 1918 г. сформировал в Петрограде отряд Красной гвардии, который вёл борьбу с германскими оккупантами. С марта 1918 г. – помощник главнокомандующего Западного революционного фронта. С мая 1918 г. – управляющий делами Средне-сибирского комиссариата по военным делам. С июля 1918 г. – помощник, затем заместитель командующего Северо-Урало-Сибирского фронта, помощник командующего 3-й Армии Восточного фронта. С апреля 1919 г. – помощник начальника штаба 26-й стрелковой дивизии. В 1922 г. окончил Военную академию РККА. С ноября 1922 г. – командир стрелкового батальона. С апреля 1923 г. – помпред Высшего военного редакционного совета. С апреля 1924 г. – начальник Оперативного управления Штаба РККА, затем адъютант, начальник курса Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. В 1926 г. – заместитель начальника отдела печати Политуправления РККА. С февраля 1929 г. – преподаватель Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. С января 1931 г. – начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. С апреля 1932 г. в распоряжении Реввоенсовета СССР. С мая 1936 г. – начальник Военного издательства. В 1937 г. репрессирован. 8 марта 1938 г. скончался в тюрьме.

⁵⁴ Наби-хан Чархи, Гулям (?–1932) – афганский военный и государственный деятель, дипломат. В период гражданской войны 1928–1929 гг. активно поддерживал Аманулла-хана. 18 апреля 1929 г. при содействии советских войск и авиации отряд Наби-хана пересёк советско-афганскую границу и начал наступление на Кабул. 20 апреля был захвачен г. Мазари-Шариф, но, узнав о бегстве Аманулла-хана из Афганистана, Наби-хан бежал за границу. В 1932 г., получив от турецкого правительства гарантии личной безопасности, вернулся в Афганистан. По приказу Надир-шаха за подготовку госпереворота казнён в июне 1932 г.

⁵⁵ Знаменский Андрей Александрович (1887–1943) – советский военный и государственный деятель, дипломат. Родился в семье казака. Член РСДРП с 1905 г. В 1906–1908 гг. учился в Томском технологическом институте. С 1911 по 1915 г. учился в Московском университете на юрфаке. За революционную деятельность дважды судим. В октябре 1917 г. – член Военно-революционного комитета Лефортовского района Москвы. До весны 1918 г. воевал с немцами на Украине. В 1918 – июле 1919 г. – член Президиума Моссовета. В 1919–1920 гг. – член РВС 10-й армии, член Временного Донского облисполкома. В июне-августе 1920 г. – председатель Донского облисполкома. С 1920 г. – член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), министр внутренних дел Дальневосточной Республики. 1921 г. – делегат X съезда РКП(б). В 1921 г. – апреле 1922 г. – на руководящей работе в Моссовете. В конце 1922–1923 г. – начальник Главного Управления РККВВФ РККА. С сентября 1923 – 1924 г. – уполномоченный ЦК РКП(б) в Бухарской НСР – полпред СССР в Бухаре. Уполномоченный НКВД СССР в Узбекистане и Средней Азии (1924 – июнь 1928). В 1930–1932 гг. – генеральный консул СССР в Мукдене (Китай).

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-83-85

Б.А. Алимджанов

«ХАРАКТЕР ДЖАДИДСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ ДО СИХ ПОР ОСТАЕТСЯ ВПОЛНЕ НЕВЫЯСНЕННЫМ».

Рецензия П.П. Иванова на диссертацию З.Ш. Раджабова

В 2023 году в Узбекистане уделялось повышенное внимание джадидам со стороны правительства и местной интеллигенции. В декабре 2023 года прошла международная конференция, освещающая наследие джадидов. Создана газета «Джадид», существуют телеграмм-каналы, посвящённые джадидам, транслируются соответствующие передачи по местным ТВ. Джадиды стали официальной идеологией «Нового Узбекистана». Есть некоторые учёные, которые пытаются доказать, что джадиды станут основой узбекской идентичности и триггером деколонизации культуры Узбекистана. Власти пытаются использовать джадидов для вестернизации страны и воспринимают это движение только как просветительское, всячески стараясь затушевать его политическую деятельность. Ирония истории состоит в том, что в узбекистанской историографии до сих пор роль джадидов остаётся не до конца выясненной.

Мне удалось обнаружить неопубликованную рецензию П.П. Иванова на диссертацию Зарифа Шариповича Раджабова (1906–1990), защищённую в Ленинграде в 1937 году. В Таджикистане личность З.Ш. Раджабова канонизирована. О нём существуют диссертации, статьи. Вот что пишут в одной из диссертаций:

«З.Ш. Раджабов – первый таджик, который поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и успешно окончил его. Академик З.Ш. Раджабов одним из первых поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР и, успешно защитив кандидатскую диссертацию, первым из таджиков удостоился учёной степени кандидата наук. Он – первый директор Института истории и археологии АН Узбекистана. З.Ш. Раджабов – первый ректор первого Таджикского национального университета; одним из первых возглавлял Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР; одним из первых избран членом-корреспондентом и академиком Академии наук Республики Таджикистан. Одним из первых среди учёных Таджикистана удостоен Государственной премии имени Абу Али ибн Сино в области науки»¹.

Ниже публикуется рецензия П.П. Иванова на диссертацию З.Ш. Раджабова. На мой взгляд, позиция автора рецензии по джадидам тоже довольно туманная. Приводим текст полностью.

Отзыв на работу аспиранта АН СССР З. Раджабова «Джадидизм в Туркестане»

Джадидизм – одно из интересных явлений общественно-политической жизни дореволюционного Туркестана, мимо которых не может пройти ни один историк края. Действительно, знакомясь с имеющейся литературой по истории Средней Азии в XX в., мы убеждаемся в том, что каждый из историков, так или иначе, касается вопроса о роли джадидского движения. Достаточно исчерпывающей и разносторонней характеристики джадидизма в литературе, однако, до сих пор не встречается. Одни из авторов (Туркестанский, Федоров, Галузо, Иногамов и др.) не располагали, к сожалению, достаточным фактическим материалом по вопросам джадидизма и должны были поэтому ограничиться общими характеристиками, в то

время как другая группа авторов (Айни, Ф. Ходжаев, Колесов и др.) касаются вопросов только бухарского джадидизма, оставляя движение в целом в стороне. Кроме того, последняя группа работ носит преимущественно мемуарный характер, а потому несвободна от известного субъективизма. В соответствии с указанными особенностями предыдущих исследований характер джадидского [движения] в Туркестане до сих пор остаётся вполне невыясненным. В одних случаях мы встречаемся с попытками крайней идеализации джадидизма как течения, якобы выражавшего революционные настроения масс, с другой – за джадидизмом отрицалось всякое положительное начало, и отмечалась лишь его резко отрицательная контрреволюционная роль в период Февральской и Октябрьской революции в Туркестане. Обе эти точки зрения являются, однако, недостаточно обоснованными, так как не подтверждаются достаточно исчерпывающим фактическим материалом. Основное достоинство рецензируемой работы заключается в том, что автор её впервые подходит к изучению джадидского движения на основе первоисточников, к числу которых в первую очередь должны быть отнесены публицистические и литературные произведения самих джадидов. Несмотря на богатство и относительное разнообразие этого рода материалов, к систематическому изучению их до сих пор приступлено не было, чем главным образом и можно объяснить отмеченную выше шаткость высказываний отдельных историков о характере и общественно-политической роли джадидизма. Поставив перед собой задачу исследования джадидского движения по первоисточникам, автор рецензируемой работы обращается непосредственно к изучению джадидской прессы 1905–1917 гг., отразившей на себе взгляды и воззрения джадидов по важнейшим вопросам их программы и тактики. Другую группу привлекаемых автором источников составляют архивные документы быв. канцелярии Туркестанского Генерал-Губернаторства, в значительной своей части также не использованные предыдущими исследователями. <...> На основании исследуемых им материалов автор приходит к заключению о том, что джадидизм в Туркестане представлял собою неоформленное ещё в организационном отношении либеральное течение среди местной туземной буржуазии, борющейся против чрезмерного засилья капитала метрополии в Туркестане-колонии, течение, вместе с тем, чуждое революционной идеологии и революционной практике. Таким образом, автор не склонен рассматривать джадидизм в качестве революционного или национально-освободительного движения, как это делают некоторые из предшествующих исследователей, однако тов. Раджабов не отрицает целиком и той положительной роли, какую исторически сыграл джадидизм в условиях дореволюционной туркестанской действительности, в частности в области культурно-просветительной работы среди коренного населения. Автором в достаточной мере чётко вскрывается также та предательская роль, какую играло значительное число представителей джадидской партии в период Октябрьской революции в Туркестане, несмотря на то, что лучшая часть джадидов открыто и честно перешла на сторону рабочего класса и его партии. К положительной стороне работы следует отнести также взгляд автора на туркестанский джадидизм как на местное, несколько своеобразное проявление общего буржуазно-националистического движения, охватившего российских мусульман в период 1905–1917 гг.

Представляя собою опыт оригинального исследования, впервые затрагивающего значительную массу первоисточников по одному из чрезвычайно сложных и мало исследованных вопросов, работа тов. Раджабова не чужда, разумеется, ряда существенных недостатков, свойственных вообще большинству работ, написанных на слишком широкие темы. В частности, следует отметить значительный схематизм в освещении ряда вопросов программы и тактики джадидской партии, являющийся следствием того, что автор не излагает полностью имеющегося в его распоряжении материала, а ограничивается обычно краткими выдержками или сокращённым пересказом. В работе отсутствует подробное изложение взглядов предшествующих исследователей джадидизма, так как не встречается здесь достаточно развёрнутой их критики. Отсутствуют также данные о характере взаимоотношений между джа-

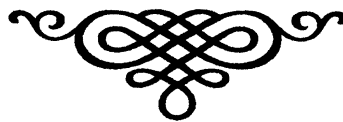
дидами и либерально настроенной русской буржуазией Туркестана, что несомненно могло бы дать ряд дополнительных штрихов для характеристики джадидизма на том или ином этапе его развития. Не учтены также некоторые эпизоды из истории джадидизма, отмеченные отчасти предшествующими исследователями (напр. П. Галузо). Нельзя не отметить также ряд стилистических недочётов, а также некоторой небрежности в оформлении работы. <...> В соответствии с изложенным считаю необходимым в заключение указать, что, несмотря на отмеченные свои недочёты, рецензируемая работа в целом должна быть признана довольно ценным вкладом в литературу по новой истории народов Средней Азии и вместе с тем может служить достаточным основанием для присуждения её автору звания кандидата исторических наук.

П.П. Иванов
4 марта 1937 г. Ленинград.

*Институт восточных рукописей РАН, СПб. Архив востоковедов.
Ф. 124. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–5.*

Примечания

¹ *Хамидов Н.А.* История становления и развития исторической науки в 30–80 гг. XX века в Таджикистане (на примере изучения наследия академика З.Ш. Раджабова). Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Худжанд, 2009. https://new-disser.ru/_avto-referats/01004360859.pdf

И.А. ГОЛУБЦОВ О РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Известный советский историк Иван Александрович Голубцов¹ был учёным «широких интересов и знаний»², даже первые его опубликованные работы, посвящённые источниковедению истории СССР, свидетельствовали о «блестящих источниковедческих способностях и обширных знаниях автора»³. В сентябре 1930 года И.А. Голубцов был арестован по «Академическому делу»⁴ и в 1931–1933 гг. находился в ссылке в г. Кудымкар (Коми-Пермяцкий национальный округ). Многие годы ему приходилось заниматься научной работой (составлением исторических карт), не будучи в штате научного учреждения, и только в октябре 1946 года удалось устроиться младшим научным сотрудником в Институт истории Академии наук СССР. Между тем, о всеобщем признании заслуг И.А. Голубцова среди историков свидетельствует такой факт его биографии. На заседании секции Учёного совета Института истории АН СССР по истории СССР дооктябрьского периода 2 апреля 1963 года И.А. Голубцову была присвоена учёная степень кандидата исторических наук по совокупности опубликованных им работ по вопросам исторической географии, архивоведения, археографии и источниковедения и одновременно был поставлен вопрос (по предложению, в частности, академика Н.М. Дружинина⁵) о присуждении И.А. Голубцову степени доктора исторических наук без защиты диссертации, что и было утверждено решением Высшей аттестационной комиссии⁶.

И.А. Голубцов⁷ – создатель отечественной исторической картографии как научной дисциплины⁸, в своих лучших работах умевший превращать карту в «целое научное исследование картографического характера»⁹. Его заслуги в этой области «можно назвать совершенно исключительными по своему научному и общественному значению»¹⁰.

Не случайно именно И.А. Голубцова директор Института истории Академии наук СССР В.М. Хвостов¹¹ решил привлечь в качестве эксперта для выяснения вопроса о прохождении границы между Россией и Китаем в Приамурье, согласно Нерчинскому договору 1689 года¹².

В ответ И.А. Голубцов подготовил докладную записку, датированную 12 октября 1963 года и хранящуюся ныне в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в личном фонде И.А. Голубцова (Ф. 504). Она посвящена анализу содержания Нерчинского договора 27 августа 1689 года, в котором «географические ориентиры, указывающие нахождение русско-китайской границы, были обозначены в тексте трактата весьма неясно»¹³. В.М. Хвостову докладная записка была нужна для исторической справки «История русско-китайской границы в XVII–XX вв.»¹⁴, которую он готовил совместно с Л.Г. Бескровным¹⁵, Р.В. Вяткиным¹⁶, Л.П. Делюсиным¹⁷, Б.П. Гуревичем¹⁸ и П.Т. Яковлевой¹⁹.

Всесторонний анализ Нерчинского договора 1689 года, его содержания и истории его заключения содержится в исследовании академика В.С. Мясникова²⁰.

О границе России с Китаем в Приамурье по Нерчинскому договору 1689 г.

Ввиду предложения директора Института истории АН СССР²¹ представить письменное изложение моего мнения по означенному выше вопросу, докладываю следующее.

Я имею в виду текст договора русский, переизданный в книге П.Т. Яковлевой (Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958, стр. 214–216); считаю, что русская сторона и должна придерживаться этого

текста; разночтения в маньчжурском [и] сходном с ним латинском тексте носят черты не аутентичности.

Договор, как кажется, ясно расчленяет разграничиваемые территории на три части: китайскую, российскую и оставляемую пока неразграниченную.

Основная граница – р[ека] Горбица²², впадающая в р[еку] Шилку слева, и хребет гор от вершины р. Горбицы простирающийся («протягнутый») до моря (т.е. Становой хребет и его южное ответвление – хр[ебет] Джукдыр и др. – с невысокими предгорьями у Удской губы Охотского моря, в том числе Тыльский хребет между речками Тыл и Тором, впадающими в Удскую губу, близ устья Уды, к востоку).

Что разумеется именно южное ответвление, а не восточное – хр[ебет] Джукджур, это ясно из того, что сделана в том же 1 пункте оговорка о том, что р[ека] Удь – владение Российского государства; р[ека] Удь, разумеется, с её долиной и бассейном вообще; такие небольшие реки, как Удь, обычно не разделяли этнографических групп, а служили центральным стержнем расселения и общения родственных племенных групп.

Таким образом, и восточный конец границы Русского государства точно определён, – эта бывшая и раньше граница Удского владения России; этого куска границы Нерчинский договор более не касается. Утверждаемая договором граница уже на основании этих данных может и должна иметь то направление, которое принято в русских общих и учебных картах; и рисовать эту границу мы имеем все основания после Нерчинского договора обычным знаком границы Русского государства до самого моря; никакого пунктира, а тем более отсутствия знака границы здесь незачем допускать.

В договоре есть дальнейшее развитие положения границы в форме утверждения, что с означенной цепи горных вершин реки, текущие на юг и впадающие в Амур, с их территориями – принадлежат Хинскому государству, а реки, текущие с другой стороны того же хребта, с их территориями принадлежат Российскому государству; последнему принадлежит и Удское владение.

Самой восточной рекой, текущей на юг собственно со Станового хребта и впадающей в Амур, является Зея; точнее, все её левые притоки стекают с бокового южного ответвления Станового хребта (как хребет Джукдыр, а также горы, далее отграничивающие с юга Удское владение, затем снова загибающие на юг под названием хребта Ямалинь и его продолжения хр[ебтов] Дуссаалинь и М[алый] Хинган).

Р[ека] Бурея и её притоки текут уже главным образом с хребта Ямалинь и М[алый] Хинган; поэтому она, собственно, не отвечает точно принципу, выставленному в ст[атье] 1 Договора.

Также подходит точно под определение 1 статьи р[ека] Амгунь, так как она стекает с другой стороны того же хр[ебта] Мал[ый] Хинган (и его продолжения хребта Дуссаалинь), с которого стекают и Бурея с её притоками.

Ни бассейн Буреи, ни бассейн Амгуни, таким образом, в договоре не оговорены. Не подходят они под понятие рек, текущих в море, которые вместе с их территориями объявлены не разграниченными.

Неразграниченной территорией договор объявляет ту, по которой реки текут в море; эти реки лежат между Удью и «меж ограниченными горами, которые содержатся близь Амура, владения Хинского государства». Следуя этому, надо бы считать неразграниченной территорией небольшой клочок земли: бассейн Тугура (в крайнем случае, р[еки] Тором) и, м[ожет] б[ыть], мелкие приморские речки, стекающие в море, на обычных картах не обозначаемые, до бассейна низовьев Амура и Амгуни; Амгунь, не впадающая в море, к разряду неразграниченных не может причисляться по договору.

Таким образом, договор (сознательно или случайно) не касается принадлежности всех рек, стекающих в Амур с обеих сторон хребтов Малого Хингана, Дуссаалиня и Ямалиня. Эти территории, как не входящие по своим географическим признакам ни в одну из трёх вышерассмотренных категорий, лежащие между территориями Хинского гос[ударст]ва (на западе) и не разграничиваемой территорией (на севере), прилежа-

щие с юга и востока к реке Амуру, должны получать свой юридический статус на основе сторонних соображений: считать ли их китайскими владениями или тоже не разграничиваемыми землями.

Не будучи специалистом в области данного вопроса, не могу взять на себя его решения; он относится к истории Китая; в русских учебных картах Сибири и Дальнего Востока такие подробности могут вполне не отмечаться; граница же Русского государства вполне правильно отмечена знаком государственной границы вплоть до моря. Если же нужно отметить неразграниченную зону, то её следует отмечать особым обозначением вне границ Русского и Китайского государств.

Принадлежность территорий Приамурья в 50–70 гг. XVII века до Нерчинского договора следует отмечать по обе стороны Аргуни и Амура знаками территории без границ, согласно с текстом; весьма желательно обозначать Даурию, хотя бы надписью. В старом учебном атласе Павлищева²³ Даурия была показана краской по обеим сторонам Амура.

Желательно, чтобы лица, специально обследовавшие вопрос, опубликовали новые материалы, в том числе и картографические изображения, которые могли бы стать источником для учебного картографирования.

12.X.[19]63 г.

Ив. Голубцов

ОПИ ГИМ. Ф. 504 (И.А. Голубцов). Оп. 1. Д. 64. Л. 1–4. Машинописная копия. Подпись и дата – автограф.

Примечания

¹ Голубцов Иван Александрович (1887–1966) – историк, картограф, мл. научный сотрудник Института истории АН СССР (1946–1965). (См. о нём.: *Валк С.Н.* И.А. Голубцов. (1887–1966) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1968. Сб. 1. С. 307–312; *Щапов Я.Н.* И.А. Голубцов // *Археографический ежегодник за 1966 год*. М., 1968. С. 439–444;

Черепнин Л.В. И.А. Голубцов – ученый и человек // *Археографический ежегодник за 1969 год*. М., 1971. С. 184–191; *Терехов Н.М.* Картографические работы И.А. Голубцова // *История географических знаний и историческая география. Этнография*. М., 1970. Вып. 4. С. 18–20; *Самгина Е.И.* Фонд И.А. Голубцова в отделе письменных источников ГИМ // *Археографический ежегодник за 1986 год*. М., 1987. С. 222–235; *Голубцов С.А.* Иван Александрович Голубцов // *Он же*. Сплочённые верой, надеждой, любовью и родом. М., 1999. С. 61–90.

² Иван Александрович Голубцов (1887–1966) // *Археографический ежегодник за 1966 год*. М., 1968. С. 439.

³ Там же. С. 440.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 2. Д. 862. Л. 15об.

⁵ Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – историк, академик АН СССР (с 1953 г.).

⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 862. Л. 2.

⁷ Подробнее о нём см.: *Голубцов Сергей*. Из жизни Ивана Александровича Голубцова (1887–1966) // *Московский журнал*. 1992, № 11/12. С. 73–77.

⁸ *Шаскольский И.П.* Иван Александрович Голубцов // *Известия Всесоюзного географического общества*, 1967. Т. 99. Вып. 3. С. 260–261.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ *Валк С.Н.* И.А. Голубцов. (1887–1966). С. 311.

¹¹ Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972) – историк, директор Института истории АН СССР (1959–1964) академик АН СССР (с 1964 г.).

¹² Оценка В.М. Хвостовым Нерчинского договора 1689 г. как санкционировавшего захват Приамурья Китайской империей (См.: *Хвостов В.М.* Китайский «счёт по реестру» и правда истории // *Международная жизнь*. 1964, № 10. С. 21–27; *Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В.* К истории формирования русско-китайской границы // *Международная жизнь*. 1972, № 6. С. 14–19).

¹³ *Границы Китая: история формирования* / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001, С. 89.

¹⁴ См.: АРАН. Ф. 1667 (В.М. Хвостов). Оп. 1. Д. 82. Л. 1–36. Машинопись с правкой.

¹⁵ Бескровный Любомир Григорьевич (1905–1980) – историк, зав. отделом истории СССР дооктябрьского периода Института истории АН СССР (с 1955 г.).

¹⁶ Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995) – историк, зав. сектором Китая Института народов Азии АН СССР (с 1958 г.).

¹⁷ Делюсин Лев Петрович (1923–2013) – историк, зав. отделом истории Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, зав. отделом Китая Института востоковедения АН СССР (1967–1990).

¹⁸ Гуревич Борис Павлович (1919–2004) – историк, ст. научный сотрудник Института народов Азии АН СССР (с 1961 г.).

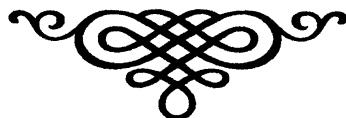
¹⁹ Яковлева Прасковья Тихоновна (1914–?) – историк, ст. научный сотрудник Института истории АН СССР (1953–1958).

²⁰ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 125–151.

²¹ Имеется в виду В.М. Хвостов.

²² Географические названия даны так, как они приводятся в докладной записке И.А. Голубцова.

²³ См.: Павлицев Н.И. Исторический атлас России. Варшава, 1945.

DOI: 10.31696/2072-5795-2024-2-90-95

С.В. Прожогина

И СНОВА О ПЕРЕКЛИЧКЕ ЭПОХ И ПОЭТОВ

Когда я сегодня слышу разговоры о том, что востоковедение – это наука, в основном занимающаяся сферой истории стран Востока, рукописями, археологией, архивами, т.е. ориенталистика – это только о прошлом, то, как всегда, прибегаю к мудрости древних мыслителей: традиция – это не пепел, но факел.

Изучать только «устоявшиеся» в Истории традиционные ценности без способов трансляции их в Настоящее, без учёта всякого рода «новаций» освещения опыта прошлого в современности, без возможности пусть и не всегда сбывающихся прогнозов современных аналитиков текущей истории на Будущее – значит пытаться (искусственно!) остановить Время. А именно оно запечатлевается (как нечто «материальное») только в хронике текущей реальности, в означении событий той действительности, которая всегда окружала человека. Будь то Прошлое или Настоящее. И более того – в этой хронике постепенно складываются элементы той самой «летописи» Истории, которую сегодня так тщательно изучают и по рукописям, и по иным текстам, сохранившимся до наших дней, и в археологических раскопках, «расчистках» и пр., добывая «артефакты» Истории. Я, восхищаясь усилиями ученых – текстологов, археологов, историков, искусствоведов, снимающих «пыль времени» и открывающих настоящие «краски» его, тем не менее, занимаюсь современностью в контексте её отражения в Искусстве слова, не пренебрегающем «метатекстом» истории и её социально-политической реальности как функцией Прошлого. А это – дело не менее трудное, потому что день ото дня и в литературе так или иначе запечатлевается хроника, и складывается летопись той эпохи, в которую живут современные художники слова.

Изучая историю литературы, которая сложилась в странах Магриба в постколониальную эпоху, не могу не подчеркнуть, что в ней запечатлена *перекличка* разных эпох разных народов, и часто слышится эхо не только истории арабской (или, в целом, мусульманской), или Французской (Просвещения, Гуманизма), но и русской эпохи революционных бурь и изменений, борьбы за те самые идеалы Свободы, Равенства и Братство, которые во многом были тоже навеяны эпохой французской революции 1789 года... И отзвуки поэзии французского сопротивления фашизму – в стихах алжирских поэтов эпохи борьбы за Независимость (1954–1962). А в стихах великих поэтов Франции, сражавшихся на полях Второй мировой войны – эхо стихов великих поэтов советской эпохи 20–30-х годов XX века...

Так что обращусь к хронике текущих событий в литературной жизни магрибинцев. В ней – тоже страницы летописи Истории.

Отмечу, что сегодня африканистам – литературоведам, да и не только, – приходится нелегко с добыванием источников необходимого знания. Существующие в интернете чьи-то пересказы, критические статьи о творчестве тех или иных писателей, в лучшем случае – интервью с ними, конечно интересны. Но необходимо знать и сами оригинальные тексты, источники, т.е. то, с чем исследователям следует ознакомиться в первую очередь, прежде чем опираться на чьи-то мнения и суждения. Но именно такого рода публикации порой получить нелегко. То почта попросту не доставляется (даже если писатели посылают её окольными путями), то те или иные издательские дома перестают отправлять по заказу книги в Россию, то предлагают приобретать их в третьих странах втридорога...

Так или иначе, есть объективные затруднения, связанные с санкциями, хотя иногда и преодолимые. Однако работу по систематическому отслеживанию литературного процесса в той или иной стране (не только Африки, но и Запада, когда многие африканские писатели

живут по самым различным причинам в так называемом «транснациональном пространстве») они задерживают. Спасают, конечно, и личная переписка по e-mail, и публикуемые время от времени в открытой печати интервью с крупными представителями той или иной африканской культуры, где они сообщают сами о своих новых произведениях, – это уже немало. А дальнейшее – забота самих исследователей...

Информационно часто помогает, как я уже упомянула, открытая пока периодика – газеты, издающиеся в тех или иных африканских странах, где редакторы заинтересованы в ознакомлении своих читателей с текущими событиями культурной жизни своих стран. А она во многом – уровень духовного потенциала нации. Это бесспорно. Поэтому я, в отличие от известного мастера русской прозы, «советую читать газеты», если они существуют в открытом доступе, пусть даже в не очень любимом мною интернете. Иначе, если ты – современник и исследуешь Настоящее как состояние художественной культуры в постколониальную эпоху, зависящее от Прошлого, а порой предлагающее даже путь в Будущее, – нельзя. Ибо даже в текущей хронике – частицы летописи самой Истории. И свидетельства художников слова бесценны.

Я систематически слежу за публикациями тунисской прессы, достаточно представленной пока ещё и на французском языке, несмотря на существующую повсюду в Магрибе упорную тенденцию арабизации всей его многоэтнической культуры. И в одной из газет («Capitalis» – «Духовный капитал») существует постоянная рубрика «Поэмы Воскресенья» («Poèmes de dimanche»). В ней – не только текущее творчество тунисцев (и молодых, и уже достаточно известных), но и часто случаются примеры переводов на французский язык поэтов других стран. Этот язык ещё служит посредником для ознакомления широкой публики с именами великими и малоизвестными. Так, не столь давно была опубликована ода А.С. Пушкина «Вольность». Но сегодня мне хочется рассказать о радости встречи с «Воскресными стихами» поэтов, о творчестве которых когда-то пришлось много писать, но с публикациями одного из них я давно уже не встречалась, а перевод с фарси другого из них, который является почти постоянно моим собеседником и корреспондентом, показался весьма актуальным в связи с явлениями, участвовавшими в некоторых странах, где торжествует политический исламизм.

Новая встреча с Мохамедом Азиза

Итак, представляя опубликованную 18 февраля 2024 года поэму в рубрике «Поэмы Воскресенья», газета писала о её авторе Мохамеде Азиза (род. в 1940 г.), что он «родом из Туниса, долго работал в ЮНЕСКО, был руководителем “Евро-арабского Университета”, вёл научную работу в области арабской каллиграфии, изучал также формы традиционного искусства Африки, историю театра, в частности, и много писал как поэт в конце 70-х – 80-х годов...»¹. Мне это было давно известно, но я порадовалась, что сегодня уже второе десятилетие 2000-х, а я не ведала о творчестве Мохамеда Азиза с середины 90-х. Однако, как указывает газета, у него за последние годы вышли книги “Les portiques de la mer” («Морские причалы», 1998), а в 2018 стали публиковаться стихи, которые «позднее войдут в сборник “Пение сирен” (“Le chant des sirens”, 2019)». Газета также предупреждала о том, что ранее не изданная поэма, которую прочтут любители этой рубрики, написана с подзаголовком «Стихи Вечерние и Утренние», и что данная публикация – из части «Вечерней», а весь сборник готовится к изданию. И что часть «Утренняя» будет написана, «как диалог с Омаром Хаййомом...» Таким образом, я узнала, что, невзирая на возраст, на тяготы жизни на перекрёстках различных жизненных маршрутов, поэт, когда-то взявший себе солнечный псевдоним Shams Nadir, определивший судьбу развития современной тунисской поэзии как поэзии *нового туниса*, отличного от традиционного арабского, продолжает творить и обращается к нам той гранью своего таланта, в которой ещё не гаснет надежда на то, что человечество избавится от

«сумрачных мыслей» и, вспомнив уроки Прошлого, будет ждать Будущего рассвета своего Настоящего дня.

Вот этот новый стих Мохамеда Азиза:

Выздоровление

Долго пришлось пробираться через ежевичник колючий,
Долго пришлось укрощать бремя нахмуренных дней
и бесконечных бессонных ночей,
Когда даже сияние луны кажется мрачным, тяжёлым,
А по утрам на губах остаётся только миндальный горечи привкус.

Мы подплывали на одиноких плотках к гаваням нашим безлюдным,
Где проводили дни наши, – их пожелтевшие фото памятью нашей хранимы,
Заставляя её остановить горький поток воспоминаний о прошлом.
Но разве можно дереву выжить, если прерван насильно рассвет
пышной кроны его иль подрезаны корни?

Разве можно прожить
Только в наклейках на банках кофейных, читая
Маршруты передвижения зёрен от сбора на поле родном
До страны, где они продаются?

И вот, в первых лучах рассвета
Пытаюсь озеленить луга,
Что под инеем долго чернели,
И улететь на лёгоньких крыльях колибри

Туда, где алеет пожар разгоревшихся мыслей
О будущем нашем,
Уже на судьбу не надеясь,
Но питаю надежду только во всполохах утра.
Однако я знаю, что заря не займётся
Без сумерек мрачных вечерних,
Так же, как сладости мёда
Ты не поймёшь, не зная горечи вкус.

Так же, как жажду нельзя утолить,
Не выпив воды из кувшина,
Зная, что там – просто сырая вода,
Иль даже морская...

Разве можно узнать тишину,
Если неведомы нам пеня раскаты?
Да и что было бы с памятью нашей,
Если бы мы оставались глухими ко всем передрягам?

Если бы наши глаза не застилала порой туманы
Смутных наших надежд и мечтаний!

Да и что было бы с бездной морской и с просторами моря,
Если бы не изгибы материков, всех земель, что его окружают?

Да и что стало б с той жизненной раной глубокой,
Если б она не затянулась в наплыве воспоминаний о детстве,
Когда верилось в чудо,
В избавление от зла, в его заклинанье...*

(Поэт благодарит Читателя)

А я в абсолютном согласии с Поэтом благодарю тунисскую газету за новую встречу с одним из корифеев тунисских писателей, подающим надежду на продолжение знакомства с его дальнейшим творчеством. Жду с нетерпением его новой книги.

Еще одна грань творчества Тахара Бекри²

В той же рубрике «Поэмы Воскресенья» в этой же газете, но уже 15 апреля 2024 года опубликовал постоянно работающий в литературе Тахар Бекри (род. в 1951 г. в Габесе) свой перевод на французский язык старинной поэтессы, писавшей на фарси, – Махсати Ганджави (1089–1181).

Вчера я видела мужчину по дороге,
Он палкой бил жестоко женщину одну.
Прохожие все молча созерцали, и не сказал никто ему,
Что даже если он – король, хозяин,

Нельзя заставить женщину любить себя,
Нельзя её и, как собаку, на цепи держать, –
Ей власть Закона не понять,
Она, как волосы её, распущенные в танце,

Подвластна только зову сердца своего.
А делать из неё игрушку прихоти своей
И замыкать её в своей тюрьме – обречь на пытки.
Ведь женщина не сможет никогда жить в духоте столь тесной жизни.

В конце своего перевода Тахар Бекри выразил свою благодарность авторам сайта «Женщины-писатели» и уточнил, что автор строк Махсати Ганджави, по неуточнённым данным, родившаяся в Гандже, в сегодняшнем Азербайджане, где её имя чтят и по сей день, и где даже есть её памятник, связана не только с персоязычной поэзией времен Омара Хайяма, но и с «народной поэзией»**, сумевшей уже в те далекие времена бросить вызов разного рода *запретам*, унижавшим женское достоинство, лишавшим женщину всяких прав. И этот вызов был чем-то сродни некоей форме, как полагает Тахар Бекри в своём послесловии к переводу, «раннего феминизма», до сих пор ещё отличающего женский фольклор во многих мусульманских странах. В этом типе народного творчества всегда отстаивалось право женщины на

* Пыталась в русском переводе сохранить строфику поэмы Мохамеда Азиза, который назвал свой готовящийся к изданию сборник «Катрены Утренние и Вечерние».

** Пишу в кавычках, имея в виду не только «безымянный фольклор», но и ту совокупность стихов и песен, где автор известен, но как бы слился с голосом «всего народа», – явление частое повсюду.

любовь и свободу, звучала критика социального и религиозного ханжества³. И хотя имя этой поэтессы вошло в многотомную «Антологию поэзии государства Шираз» ещё в XVI веке (Majales al-Ushshaq de Sultan Hussein, Shiraz 1580–1600), многие считают, что с именем Махсати Ганджави связано больше легенд, чем исторических фактов, и что ей часто приписывают стихи анонимных авторов, а некоторые литературоведы и вообще сомневаются в её существовании. Однако «в народе» упорно сохраняется рассказ о том, что талантливая и красивая женщина долго была наложницей одного из сельджукских принцев – Санджара, а потом ей удалось освободиться из придворного плена и выйти замуж. После чего она была долго и жестоко преследуема исламскими «стражами закона». Дата смерти поэтессы условна, хотя символична, – она долго жила в памяти народной, почти целый век...

Почему же часто публикуемый, давно всеми признанный и на родине, в Тунисе, и на Западе, во Франции особенно, где поэт живёт, тоскуя по Отчизне, почти постоянный автор рубрики «Поэмы Воскресенья» в тунисской газете «Kapitalis», издающейся для широкой публики на языке, до сих пор всех связующем, несмотря ни на что (арабизация и политическая исламизация в Тунисе заметно активизировались после событий 2010–2011 гг., обозначенных в современной истории как начало «цветных революций»), Тахар Бекри обратился к этим стихам?

Судя по усилившемуся вниманию поэта к художественному творчеству женщин в тех странах, где идёт активное приобщение к ценностям, свойственным не только техническому прогрессу, но и гуманистической культуре в целом (достаточно взглянуть на многочисленные интервью Тахара Бекри, взятые у писательниц из стран Африки), этот перевод с фарси значим для него самого как Поэта, всегда мечтавшего о Свободе, Равенстве и Братстве. Поэт так и не сумел обрести свои прекрасные миражи жизни ни у себя на родине, где был заключён в тюрьму после студенческих волнений, направленных против диктатуры Бургибы, ни на чужбине, куда он перебрался в политическую эмиграцию, где стал преподавать историю арабской литературы, где состоялось широкое признание его художественного творчества. Его встреча со стихами старинной персидской поэтессы, сам ритм и смысл этого небольшого примера из творческого наследия Махсати Ганджави словно снова напомнили ему о том, что жизнь может продолжаться несмотря ни на что (а он испытывал много унижений и на чужбине), если просто даже суметь сказать Правду тому, у кого «в руках дубинка Власти», обрекающей человека на духоту и мрак невежества и несвободы.

Уроки истории, пусть даже далекой, всё ещё учат человека хранить достоинство и свободу. Тахар Бекри, имеющий огромное количество публикаций, различных международной значимости премий в области литературы, уже более 70 лет живущий на земле, изъездивший немало стран, где, как он писал когда-то, оставил «осколки сердца в океане странствий», и до сих пор мечтает о том, что человечество обязательно проснётся, и что на планете людей будет петь только «скрипка любви»*, рассеивающая мрак и приближающая Рассвет. Ведь главная цель, как пишет сегодня поэт, – избежать страданий людей, и поэтому он с удовольствием почти постоянно публикует в тунисских газетах свои стихи и переводы тех, в чьём творчестве дышит дух вольности и справедливости.

Возможно, что «Воскресные стихи», представленные тунисцами, – только миг, хотя и прекрасный, из хроники текущей современной истории, исполненной сегодня совсем других забот и волнений... Однако, как и всякая хроника, – это только страницы Большой Истории. И завтра станут уже частицей её архивов. Но в них – угасающие пока ещё надежды на «выздоровление» человечества, а для поэтов, как сказал часто переводимый Тахаром Бекри А.С. Пушкин, важно их основное призвание – «усовершенствовать плоды любимых дум...».

* Стихотворение это опубликовано в журнале «Азия и Африка сегодня», 2024, № 4.

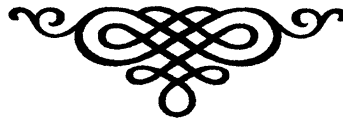

Примечания

¹ Подробно о творчестве Мохамеда Азиза 70-х – 80-х и начала 90-х годов см. в томе «Тунис» в Истории национальных литератур стран Магриба / Колл. авторов. Отв. ред. С. Прожогина. М.: Наука, 1993. Разделы о творчестве франкоязычных писателей стран Магриба написаны мной.

² Тахар Бекри – известный франкоязычный поэт тунисского происхождения, с 1971 г. живущий и работающий во Франции, автор многочисленных книг, лауреат международных премий. О нём подробно см. в наших работах: «Тахар Бекри. Антология творчества». М.: Изд. ИВ РАН, 2004; «Тунисская элегия». М., 2016; «Время не жить и время не умирать (топос границы в творчестве франкоязычных писателей в Магрибе)». М., 2022; «...Души прекрасные порывы (франкоязычная поэзия Магриба XX–XXI вв.)» и многие др.

³ Интересно отметить, что собранные в книге алжирской исследовательницы – этнографа, берберолога, социолога Тассадит Ясин образцы «женской лирики» в кабилских племенах (так называемые «изли») являют собой именно такие же примеры народного творчества и представляют собой особую часть огромного по объёму разнотнического фольклора Алжира (см. *Yacine, Tassadit. "Si tu m'aime, guègis-moi"*. P., 1998. Образцы на русском языке – в Приложении к моей монографии «Противостояние (мир гор в творчестве магрибинцев)». М., 2022.

НАШИ АВТОРЫ

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр Абдихакимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни (Ташкент, Узбекистан). E-mail: balimdjanov@gmail.com

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОГДАНОВ Владимир Игоревич – персональный пенсионер. E-mail: gvozdilo@yandex.ru

БОЛДЫРЕВ Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boldirew.andrei2011@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЛАНОВ Александр Евгеньевич – независимый исследователь. E-mail: kodzin@mail.ru

КУРНИКОВА Оксана Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: linerohana@inbox.ru

МОЛОДЯКОВ Василий Элинархович – доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Университета Такусёку (Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. E-mail: alfokdo@mail.ru

ХРЕНКОВ Андрей Вальтерович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: andhorse59@yandex.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodja-schmidt@smx.de